
ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Крупнейший в стране Коелгинский мраморный рудник на Урале. Здесь добывается белый мрамор, который широко используется на строительстве станций метро, дворцов культуры, в электротехнической промышленности. Карьеры оснащены камнерезными машинами, с помощью которых выпиливаются прямоугольные блоки мрамора непосредственно из массива.

Фото И. Тюфякова.

На первой странице обложки: Японские дети.
Фото А. Софронова.

На последней странице обложки: Обмолот льна в колхозе «Вперед к коммунизму», Весьегонского района, Калининской области.
Фото М. Савина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 43 (1532)

21 ОКТЯБРЯ 1956 34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ХЛЕБ РОССИИ

Одержана великая победа: за свою долгую историю наша Родина не получала столько хлеба, сколько выращено в этом году! Звучат на весь мир торжественные цифры:

— Колхозы и совхозы Российской Федерации сдали и продали государству два миллиарда четыре миллиона пудов хлеба!

Россия и Казахстан вместе собрали товарного зерна более трех миллиардов. Количество весьма внушительное. Достаточно вспомнить: в 1953 году, до освоения обширных пространств целины и залежных земель, заготовлено было по всей стране два миллиарда десять миллионов пудов хлеба.

Заготовки и закупки хлеба продолжаются. Впереди еще многие миллионы пудов зерна, которые принесут другие районы Советского Союза.

Скажем также, что сотни и сотни миллионов пудов сверх трех миллиардов, прошедших через весы государственных приемщиков, оставлены в совхозах и колхозах на семена, для расчета по трудодням, на фураж и, наконец, в страховом фонде.

Да, урожай хлеба невиданно богатый!

Многие новые совхозы сумели за одно лето вернуть с прибылью затраты государства на их создание.

Впереди борьба за 11 миллиардов пудов валового урожая — цель, которую поставил перед хлеборобами, перед всем народом XX съезд КПСС.

На Кулундинском элеваторе, как и всюду, горячая пора: сюда непрерывно поступает зерно нового урожая. На снимке вы видите лаборанток Веру Вавкулову (на переднем плане) и Лидию Бабковскую, которые берут зерно на анализ.

Фото В. Кругликова.

Целина сдружила людей разных поколений. На снимке: старейший комбайнер Г. А. Черний, помощник комбайнера Е. В. Киржаев и будущий механизатор ученик 6-го класса Станислав Демин.

КУБАНЬ НА АЛТАЕ

Группа выпускников Турочакской средней школы Горно-Алтайской автономной области, приехавших на постоянную работу в совхоз.

Совхоз называется «Краснодарский», основан кубанцами и, когда въезжаешь в поселок, на память прежде всего приходят благоустроенные старые совхозы Кубани. Много похожего: нарядные дома под шифером, новая больница, магазин, столовая, баня, капитальные зерносклады. Но всматриваешься — и примечаешь разницу: нет зелени. Ни одного деревца — степь, степь, лишь неподалеку еще не шумят, а шелестят тонкие, как тростинки, яблоньки.

И нечему удивляться: совхозу полтора года.

В марте прошлого года кандидат наук Михаил Митрохин, бывший секретарь Краснодарского крайкома комсомола, привел сюда, в ковыльную алтайскую степь, триста кубанских механизаторов и торжественно вбил традиционный «первый кол». И вот он вырос, поселок, и засеяно больше двадцати тысяч гектаров земли, и собран второй урожай.

Сказочная быстрота рождения новых совхозов на целине — не диво для советского человека. В совхозе «Краснодарский» поражает и радует другое: совхоз этот, что называется, со дня рождения стал превращаться в хозяйство образцово-показательное.

Надо заметить, что целинная агрономия пока идет ощупью. Многого нет: севооборотов, землеустройства, почвенных карт, установившейся системы обработки земли. Мы проехали сотни километров по целине и не услышали слова «удобрение». И как же приятно было, заехав к кубанцам, узнать, что тут уже на втором году жизни и удобряли поля под свеклу и кукурузу, и вносили в землю бактериальные удобрения, и подкармливали посевы с самолета, а также с воздуха, химическим путем истребляли на полях сорную поросль...

Да, этот совхоз-новичок, совхоз-младенец уже поучает старших братьев, а кое в чем — это вполне всерьез — у него могут поучиться и старейшие совхозы Кубани. Посмотрите, обычно в совхозах управление идет по такой цепочке: дирекция — отделение — бригада. Десятки людей — управляющих, агрономов, механиков, бухгалтеров, учетчиков — сидели в отделениях — срединном звене. Как поступали алтайские кубанцы? Они смело изъяли передаточное звено. В совхозе нет отделений! Есть дирекция и четыре комплексные бригады. И только! На одном фонде зарплаты краснодарцы сэкономили около двухсот тысяч рублей в год, и при среднем урожае центнер хлеба будет стоить на шестьдесят четыре копейки дешевле...

Усердно, с выдумкой, с истинно кубанской находчивостью работают устьлабинцы Анатолий Хахалев, Алексей Дорошенко, Валентин Вишневецкий, и славянец Иван Чуб, и павловец Петр Моцный, и крымчанин, старейший механизатор, Николай Егорович Овчаров. Анастасия Ивановна Маркова, которая на Кубани «земли не нюхала» и была «бумажным» агрономом, сочиняла инструкции в краевом управлении,— тут, на Алтае, развернулась в отличного командира. Она возглавила комплексную бригаду, хозяйничает на пяти тысячах гектаров земли. Главный агроном Швоев, так же как Маркова, на Алтае переучился, привык к земле и смело командует агрономической политикой, командует не в конторе, а в поле, на двадцати с лишним тысячах гектаров. И уж совсем неожиданно для себя стал земледельцем Иван Семенович Мальцев, отставной майор, кадровый военный. На склоне лет, впервые в жизни, столкнулся он с землей, как с кормилицей, а не как с полигоном, и тоже не без пользы для себя и людей.

В совхозе уже появляются целинники, как их здесь называют, «второго призыва». Из горно-алтайских районов в совхоз, как они сказали, «на вечные времена» прибыли восемнадцать выпускников средней школы. Удивительна история этого десятого класса! Ребята еще весной решили поехать на целину. Их не пускали родители, им «не советовали» районные власти, крайком комсомола даже не выслал им целинных путевок, им не дали денег на дорогу, и один из них, сын председателя колхоза, не получив от отца ни копейки, ехал чуть ли не «зайцем». И все-таки ребята приехали. Всем классом — на целину! Славная и не первая ласточка...

В те же дни мы встретили в совхозе Михаила Алексеевича Митрохина. Сейчас он заведует сельхозотделом Алтайского крайкома партии, но приезд его был знаменателен тем, что он прибыл не только как краевое начальство, но и как директор основанного в совхозе опорного пункта Института экономики сельского хозяйства. Наука в целинном совхозе! И если уж краснодарцы с первых дней затеяли хозяйство образцово-показательное, то, надо думать, при подмоге науки юный совхоз станет настоящим, смелым и даровитым учителем покорителей целины.

Г. РАДОВ

Фото М. Савина.

---

12 октября в Москву прибыл Премьер-Министр Японии г-н Ициро Хатояма. Вместе с ним прибыли министр земледелия и лесоводства Ициро Коно, посол Сюници Мацумото, заместитель генерального секретаря кабинета министров Такидзо Мацумото и другие лица. Представители японского правительства прибыли в Москву для продолжения переговоров о нормализации советско-японских отношений.

Г-н Ициро Хатояма и сопровождающие его лица 14 октября посетили Дом-музей В. И. Ленина в Горках.

Фото А. Устинова.

15 октября в Москве начались переговоры между Правительственными делегациями СССР и Японии. На снимке: открытие переговоров.

Фото А. Новикова.

В нашу страну по приглашению Советского правительства прибыли Премьер-Министр Афганистана Сардар Мухаммед Дауд и сопровождающие его афганские государственные деятели. На снимке: встреча на Центральном аэродроме в Москве.

Фото А. Новикова.

СТОЛИЦА АФГАНИСТАНА

Еще ночь, но утро уже чувствуется по серо-пепельным тонам неба, по тишине, разлитой над городом. Только изредка, в положенные минуты молитвы, слышен голос муллы, отраженный и усиленный амфитеатром гор, окружающих Кабул.

Первые вестники рассвета — караваны верблюдов. Улицы города оглашаются криками погонщиков и тем радостным шумом, который всегда сопутствует окончанию большой и трудной дороги.

Но вот караван прошел, и снова воцаряется тишина. Белое облако, словно снежный ком, сползает по склону и расстилается над городом. А изогнутый, совсем как в мусульманском календаре, месяц еще висит над суровой головой огромной горы...

В шесть часов утра город уже живет шумной, деятельной жизнью.

Новые улицы афганской столицы распланированы на редкость хорошо. Прямые, широкие, они как бы в контуре рисуют облик нового Кабула. Густая листва деревьев прячет их от лучей палящего солнца, и даже в самые жаркие часы здесь прохладно.

Кабульцы с благодарностью вспоминают советских специалистов, помогавших в асфальтировании улиц. Эта работа была проделана в самые сжатые сроки.

В старом городе узенькие улочки; на протянутых поперек них веревках полощутся огромные полотна свежевыкрашенной материи. Маленькие лавочки завалены самыми разнообразными товарами — от старинного оружия до «западных» зажигалок. Один из наших афганских друзей, Мухаммед Джабакериль, как-то шутливо заметил:

— Когда наш город станет весь таким, как новые площади и улицы, мы сохраним в целости одну маленькую уличку. Это будет этнографический музей.

Энергично сигналя, проносятся юркие «Москвичи», фасонистые «Форды», деловые «Победы», красные московские автобусы. Они обгоняют длинные караваны верблюдов, груженных лесом. Много в городе извозчиков — гади. У каждого гадивана под ногой маленький звоночек, в воздухе разливаются мелодичные трели. Вопрос сигнализации — жизненно важный вопрос на улицах Кабула. Горцы часто игнорируют машины, считая, что те должны уступать им путь.

В Кабуле очень много учащейся молодежи. Веками страна не имела своей интеллигенции. После завоевания независимости положение изменилось. В столице были созданы университет, крупные колледжи «Хабибие», «Истикляль», «Неджат». Наиболее одаренные ученики по окончании колледжа отправляются за границу. Многие студенты вместе с толстыми учебниками по математике носят тоненький русский букварь и, разглядывая рисунки, переводят подписи под ними.

— Ма-ша чи-та-ет бук-варь. Скажите, а Маша — это ханум?

— Ханум.

— А букварь — это китаб?

— Китаб.

— Спасибо, возлюбленный брат мой и дорогой гость...

Студент прикладывает руку к сердцу и записывает себе в тетрадочку то новое, что он узнал из разговора с русским. Поехать учиться в Советский Союз — мечта многих студентов.

Редактор журнала «Эрфан» господин Жобыль очень молод, экспансивен и подвижен. Мы встретились с ним в павильоне Советского Союза на Международной промышленной выставке.

— Знаете, недавно я побывал в Советском Союзе. А когда посетил советский павильон Международной выставки в Кабуле, мне показалось, что я снова в вашей стране... Я журналист, литератор. Вы должны понять, как мне было приятно слышать в Москве, в Институте востоковедения, настоящую афганскую речь, знать, что языком пушту, языком моего народа, так живо интересуются в Советском Союзе...

Кабул расположен на высоте полутора километров над уровнем моря. А еще выше, прицепившись к склонам гор, лежит изумительный по красоте город Пагман.

Когда гуляешь по его паркам в тени шелковистых елей, останавливаешься у диковинных цветов, растущих из воды, кажется, что все это написано тонкой кистью художника.

Пригород Кабула Дар-уль-Аман интересен не только своими парками и садами. Тут расположен Кабульский исторический музей — гордость страны. Здесь собрана богатейшая коллекция монет — от времен македонских нашествий и до наших дней. Прекрасное собрание оружия — тяжелые, выше человеческого роста ружья, изогнутые кинжалы, маленькие пушки, приспособленные к транспортировке в горах, изрешеченные пулями черные знамена священной войны — газавата. Все это воскрешает славные эпизоды борьбы афганского народа с иноземными захватчиками.

Под стеклом хранятся вазы, найденные при раскопках. Несмотря на столетия, роспись сохранилась так хорошо, что кажется, кусочки высокого, необычайно голубого афганского неба вкраплены в глину.

Несколько залов музея целиком отведено раскопкам в Бамиане. Расположенный недалеко от советско-афганской границы, Бамиан являлся крупнейшим центром буддийской культуры.

* * *

...Слово «шурави» означает по-афгански «советский». При этом слове улыбка освещает лицо афганца, и он вам дружески пожимает руку. И это не удивительно. История отношений между нашими странами — образец равноправного сотрудничества. Помощь, оказываемая Советским Союзом дружественному Афганистану, приобретает все более широкие размеры. В одном только Кабуле советские специалисты построили или строят асфальтово-бетонный завод, завод азотных удобрений, авторемонтные мастерские, гражданский аэродром в районе Баграми.

В путеводителях по Афганистану часто отмечается сходство Афганистана со Швейцарией. И сходство это определяется не только красотами природы. Со времени завоевания Афганистаном независимости политика государства отличается последовательным нейтралитетом. Особенно благотворна эта политика сейчас, когда в ряде стран Среднего Востока некоторые державы пытаются связать судьбы народов с агрессивным багдадским пактом. «Лучше тратить деньги на строительство фабрик и электростанций, чем на закупки оружия», — говорят сегодня афганцы. И не только говорят, но так и делают.

Великий Бабур, желая сохранить столицу Афгании от набегов иноземцев, обнес город крепостными стенами. Труден был путь в Кабул. Неприступные скалы, выжженные солнцем пески, бурные реки — это были препятствия, созданные природой. Зубчатые стены — препятствия, созданные руками людей. Сама история учила афганцев замкнутости.

После того как Афганистан в суровой борьбе с колонизаторами завоевал свободу и национальную независимость, крепостные стены начали мешать общению с внешним миром. И Кабул, разрастаясь, вышел за крепостное кольцо, превратился в большой строящийся город. Теперь крепостные стены, полуразрушенные временем, остались только в центре города. Это как бы символ независимого афганского государства, вышедшего на широкую международную арену.

Юлиан СЕМЕНОВ

Новый музыкальный театр

В Челябинске в новом здании открылся театр оперы и балета, которому присвоено имя М. И. Глинки. Восьмиколонный портик фасада, зрительный зал на 1 200 мест, просторные фойе — все хорошо спланировано, удобно, красиво, радует глаз.

Мы связались по телефону с главным режиссером театра Дмитрием Николаевичем Смолнчем и попросили его рассказать о новом музыкальном коллективе.

— Первым спектаклем, который мы показали нашему зрителю, была опера Бородина «Князь Игорь». Спектакль прошел очень хорошо, зрители тепло встречали молодых певцов. В спектакле, кроме исполнителя заглавной роли, заслуженного артиста Армянской ССР Евгения Окунева, почти все остальные партии пела молодежь. Все это выпускники Ленинградской и Московской консерваторий, Московского института имени Гнесиных, местного музыкального училища. Балетный коллектив — воспитанники Ленинградского хореографического училища; в 1955 году, окончив училище, они всем курсом приехали сюда. 2 октября был дан первый балетный спектакль — балет «Лебединое озеро». В главных партиях дебютировали С. Адыршаева и А. Федоров.

Мы показали челябинцам еще две постановки: оперы «Евгений Онегин» и «Чио-Чио-Сан». До открытия театра наш коллектив выступал на заводах, в клубах.

Сейчас мы готовим новые постановки: «Бахчисарайский фонтан» и «Кармен». Впереди — работа над спектаклями: «Пиковая дама», «Фауст», «Севильский цирюльник», «Дон Кихот». Хотим создать балет с местными молодыми авторами на уральскую тему.

Фото В. Георгиева (ТАСС).

Дорога построена своими силами

Рабочие и колхозники Горьковской области решили построить своими силами автомобильную дорогу от Горького до районного центра Красные Баки.

Проектировщики и изыскатели появились на трассе 7 мая, а к середине мая коллективы почти всех предприятий, принимавших участие в стройке, вышли на свои участки.

На строительстве дороги были два основных вида работ: подготовка земляного полотна и мощение трассы камнем. Оказалось, что дело это совсем не простое, как вначале казалось некоторым слесарям, фрезеровщикам, токарям и другим, изъявившим желание принять участие в народной стройке. Большинство было занято на земляных работах, и, нечего греха таить, нелегкий это труд, тем более, что многое приходилось делать вручную.

— Раньше по дорогам я только ходил, а теперь вот строить их довелось,— говорил слесарь одного из горьковских предприятий Николай Яковлевич Козлов, ставший на стройке мастером дорожных работ.

Из 135-километрового участка дороги от Бора до Красных Баков около 100 километров предстояло замостить камнем. Мастера—работники дорожных отделов товарищи Иванова, Михайлов и другие— быстро научили молодежь профессии мостовщика. Скоро всем участникам стройки стали известны имена молодых мостовщиков, повседневно перевыполняющих нормы. Среди них — бригады девушек-мостовщиц Ани Рябиковой из «Стройгаза» и Ани Симагиной с завода «Красное Сормово» и многие другие.

Колхозники Семеновского, Красно-Баковского, Линдовского и других районов собирали на полях валуны и подвозили их к дороге.

На стройке часто проводились воскресники, на которые выходили тысячи колхозников, трудящихся городов.

Непрерывным потоком шел камень по железной дороге из Арзамасской, Владимирской, Рязанской областей. Рабочие каменных карьеров этих областей хорошо помогли горьковчанам.

Труд тысяч людей увенчался успехом.

Сейчас по новой магистрали движутся по расписанию рейсовые автобусы, идет поток машин, бесперебойно доставляющих в областной центр молоко, картофель и другие продукты. В 1957 году намечено большую часть пути заасфальтировать.

Рабочие и колхозники Горьковской области решили и в дальнейшем осуществлять строительство новых магистралей методом народной стройки.

И. ЛЕВИН

На съезде терапевтов

— Слово имеет профессор Теодор Бругш, Германская Демократическая Республика.

На трибуну поднялся высокий пожилой человек. Выдающийся клиницист нашего времени, он только что приехал из Венеции и потому не захватил письменного доклада. Свое сообщение об инфаркте миокарда — главной болезни нашего века, как он назвал ее,— профессор сделал «напамять», по многолетним наблюдениям. Переводил сообщение действительный член Академии медицинских наук СССР М. С. Вовси. В 1927 году Вовси был в научной командировке в Берлине и в клинике «Шарите» вместе с Бругшем слушал лекции знаменитого терапевта Фридриха Краусса. И вот почти тридцать лет спустя оба ученых — немецкий и советский — встретились в Москве на XIV Всесоюзном съезде терапевтов.

— И я и мой покойный учитель всегда были тесно связаны с русской терапевтической школой,— сказал Бругш.— Теперь я счастлив лично установить контакт с вами.

В дни работы съезда Бругшу исполнилось 79 лет. Делегаты сердечно приветствовали юбиляра.

Проблемы атеросклероза, нарушений коронарного кровообращения, инфаркта миокарда и санаторно-курортного лечения болезней сердечно-сосудистой системы, обсуждавшиеся на съезде, привлекли свыше двух тысяч делегатов и более пятисот гостей, в том числе около семидесяти из других стран.

После вступительного слова министра здравоохранения СССР М. Д. Ковригиной с программными докладами выступили академик Н. Н. Аничков, действительные члены Академии медицинских наук А. Л. Мясников, М. С. Вовси, Е. М. Тареев и А. И. Нестеров, профессор П. Е. Лукомский... В прениях приняли участие и ученые из-за рубежа.

У профессора Корнельского университета Ирвинга Райта завязалось много знакомств. Мы встретили его оживленно беседующим со свердловским профессором Б. П. Кушелевским, одним из пионеров внедрения в лечебную практику антикоагулянтов, важных препаратов, которые способствуют быстрейшему восстановлению нормальной деятельности организма, перенесшего инфаркт миокарда. Райт, собравший данные в сорока кардиологических клиниках мира, заметил, что в Советском Союзе антикоагулянтная терапия применяется ко всем инфарктным больным, в то время как за рубежом этот метод применяется при специальных показаниях.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Профессор А. Л. Мясников (справа) беседует в Институте терапии с иностранными гостями, участниками XIV Всесоюзного съезда терапевтов.

Фото Г. Санько.

ЗОЛОТО ТООТСИ

Пневмовалкователь собирает торфяную крошку в валы. ↑

Н. ХРАБРОВА

Фото В. Темина.

«...Карл Жубур целые дни проводил на болоте. В одних трусах, повязав носовым платком голову, он прокладывал в вязкой почве свою широкую и глубокую борозду. И рядом, и впереди, и позади двигались согнутые голые спины, лоснящиеся от пота. Шуршали лопаты, разбрызгивая во все стороны фонтаны грязи. Люди с ног до головы покрывались этой липкой грязью, она присыхала к телу, отваливалась, а коричневая жижа, стекая с груди и ног, разрисовывала кожу фантастическими узорами...»

«...Ария очутилась на торфяном болоте, где люди лишались даже собственной тени. Сначала она думала, что закалится, привыкнет к тяжелой и однообразной работе,— она докажет, что сможет прожить собственным трудом. Ни грязь, ни мозоли не испугают ее — все это несущественные мелочи, и потом это не навсегда.

Уже через несколько недель Ария затосковала. Взгляд ее потух. Она разучилась улыбаться, избегала разговоров с соседками по бараку и все глубже погружалась в какую-то угрюмую, не оставлявшую ее навязчивую мысль. Однажды утром подруги увидели в углу барака труп повесившейся Арии Селис...»

Эти строки из «Бури» Вилиса Лациса вспомнились мне, когда я ехала в Тоотси — на торфоразработки западной Эстонии.

Мы вышли из маленького вагона узкоколейной дороги и стали оглядываться по сторонам в поисках вязких торфяных болот с буртами сырого темного торфа.

Их не было... Вокруг, покрытые росой, светились тихие белоствольные рощи, влажный воздух был густо настоен крепким запахом березовой листвы. В еле заметную просеку уходили серебряные ленточки другой узкоколейной ветки, и, к нашему удивлению, над ней мы обнаружили опоры для трамвайного электропровода. Из зеленого вагончика с желтыми занавесками на окнах выпрыгнула девушка в лыжных брюках и, подбежав к нам, спросила по-эстонски:

— Вы, наверное, в Тоотси? Садитесь в электродрезину: до разработок три километра.

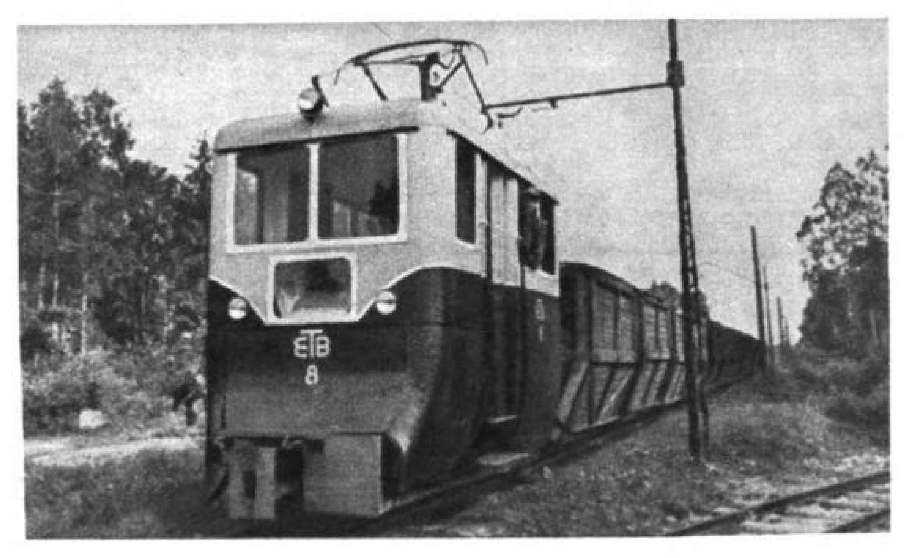
— Как в трамвае, правда? — нажав рычаг, спросила Лейда Кольт (так звали первую гостеприимную хозяйку Тоотси). — У нас все пути электрифицированы, торф с полей на завод возим на электропоездах. Трамвай на болоте! Нигде в Эстонии этого нет, да, кажется, нет и в других республиках. Вы не слышали? — спросила Лейда.

Нет, мы тоже не слышали. Глядя на светлые, красиво уложенные волосы Лейды, я опять вспомнила Арию Селис из «Бури» В. Лациса. Образ, взятый из жизни. И вот теперь молоденькая латвийская девушка Ария Селис, замученная болотной каторгой, как бы пошла со мной незримо к своим эстонским подругам: в их дома и на торфоразработки, в детские ясли и на завод, в клуб и на спортплощадку — в другую, незнакомую ей жизнь...

Рабочий поселок Тоотси — это маленький, красивый, окутанный зеленью берез, благоустроенный городок. Он начал строиться в 1938 году — тогда здесь было два «директорских» дома и бараки

Одна канавошнековая машина заменяет труд двухсот рабочих.

Электрифицированная дорога на торфяных полях.

Новый поселок.

На вышке — Анна Полтояйнен.

для рабочих. Теперь в Тоотси целые улицы новых, таких же «директорских» домов, в них живут рабочие. Здесь есть просторный клуб, новая школа, магазины. Почти в самом поселке — завод, но это нисколько не мешает поселку: завод не дымит и не коптит, вокруг него всегда стоит пряный запах жженого кофе — так пахнет нагретый в брикетных прессах торф. За заводом — механические мастерские и депо электровозов. Отсюда и начинают ветвиться электрифицированные узкоколейные пути, они расходятся на торфяные болота.

Болота. Так говорят здесь просто по привычке, да и то уже редко: никаких болот нет, а есть фрезерные поля.

Известны два способа добычи торфа: кусковой и фрезерный.

При первом способе машины берут торф прямо с болота, режут его на куски, а потом он сушится на солнце. В этом случае теряется много торфа, часто портятся дорогие, сложные машины, обработанное болото затекает водой, там и сям торчат островки неубранного торфа, и не пройти здесь уже ни человеку, ни машине.

Фрезерный способ уничтожает болота: их фрезеруют, то есть дробят торфяной слой в мелкую крошку, которая быстро сохнет на солнце, и потом на заводе эту крошку прессуют в брикет. Брикетирование без фрезерования торфа было впервые начато в России,— в 1891 году под Петербургом был построен первый в мире торфобрикетный завод. Работа на нем долго не ладилась: трудно было размельчать торф. Уже после Октябрьской революции группа советских ученых разработала метод фрезерования торфа. Брикетирование распространилось в нашей стране и, по нашему опыту, за границей.

Отработанное фрезерное поле — это плодородная почва, с которой снят торф. В таком виде торфяники и передают свои бывшие владения колхозам и совхозам — прямо под посевы. Вот оно лежит перед нами, ровное, высушенное солнцем, фрезерное поле, точно плоское коричневое блюдо с туманно-синими краями далеких лесов.

В Тоотси рука человека не касается торфа, здесь работают уже не чернорабочие-сезонники, а водители машин.

Вот идет канавошнековая машина, созданная недавно, она одна заменяет труд двухсот рабочих-канавщиков. А что такое труд канавщика? Это и есть то, о чем пишет Лацис: целый день лопатой выбрасывать из засорившейся канавы жидкую коричневую грязь. В Тоотси до появления этой машины работали на очистке сотни сезонников. Теперь Карл Рандоя сидит за рулем в комбинезоне и защитных очках; он один за два дня очистит все канавы на фрезполях и перейдет на корчеватель, трактор или автомашину. Летом работа на полях, зимой в мастерских — таков организованный директором торфоразработок А. К. Халугой производственный цикл, который превратил бывших сезонников в оседлых рабочих высокой квалификации. Здесь, на западе Эстонии, запасы торфа таковы, что можно не только еще сотни лет делать брикет — бытовое топливо, но и построить мощную электростанцию на самом дешевом виде топлива — торфяной крошке.

Утром на участки вышли фрезерные барабаны, усаженные острыми шипами; они дробят торфяную массу в мелкую крошку, и солнце за два часа высушивает верхний слой. Потом ворошилки пройдутся по нему, перевернут слой — теперь вторая его сторона досыхает на солнце. Высохла — и пошли гулять по сухому торфу пневмовалкователи. Чудесные, большие и легкие машины! Их особенно любят в Тоотси. Они пневматически втягивают широкими соплами легкую, сухую торфяную крошку и сваливают в валки. Отсюда и название такое сложное. А за ними идут собиратели валков, похожие на парусные суда. Потом к бурту придет путеукладчик, проложит железнодорожную ветку, и электропоезда увезут сухой торф на завод. Там гидравлические прессы сделают из него удобное, недорогое топливо — брикет. Как все просто! А предшествовали этому сотни лет болотной каторги, тысячи искалеченных человеческих судеб!

На пожарной вышке стоит Анна Полтояйнен, приехавшая сюда на практику из Пярнуского торфяного техникума. Вон идут — видит она сверху — две подруги: начальник участка Мария Васильевна Израйлова и ее заместитель Майму Янсон. На первом участке работает много женщин, его так и называют здесь «женской половиной».

А вон и Малле Матизен — подружка Ани по техникуму. Малле измеряет электровлагомером процент влажности торфа, а потом пойдет на метеостанцию. Единственное, что еще не подвластно человеку в Тоотси,— это погода; дождь за несколько минут может погубить труд двух — трех дней. Но, зная наперед о дожде, можно перестроить работу, и Малле Матизен каждый час составляет сводку тоотсинской погоды.

Многому можно поучиться в Тоотси: и механизации, и организации труда, и умению работать. Но главное, что на всю жизнь запомнится студентке Пярнуского техникума,— это забота о людях. Электровоз Лейды Кольт повез на поля вагон-столовую, в которой рабочие ежедневно получают горячие завтраки, обеды и ужины. На всех участках и в заводских цехах стоят установки с газированной водой.

Ария Селис... Теперь бы она вместе с Анной Полтояйнен, Майму Янсон и Малле Матизен, закончив работу, выкупалась в теплой воде бассейна, отдохнула и пошла бы в клуб. А быть может, просто прогулялась бы по веселым улицам светлого городка среди покоренных болот Тоотси!..

Тоотсинцы в часы досуга.

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

В СТЕПИ

Здесь в молодой траве весною
Подарком каждый был цветок.
Теперь над полосой лесною
Взметнулся уток табунок.

Теряясь в синем бездорожье,
Они исчезли вдалеке.
О них напомнит пух, быть может,
На пожелтевшем полынке.

Сухую пыль разносит ветер,
По балкам скачет и свистит.
Бодылья обвисают плетью,
Да суслик в узкой норке спит.

Но и поблекшей, и такою,
Мне эта степь давно мила.
Вдыхаю с жадностью большою
Лучи последнего тепла

И этот запах горьковатый
Трав и привянувших цветов...
Смешалась в сердце боль утраты
С осенней щедростью даров.

Хоть степь пустынней час от часу,
А все ж на осень я не зол:
В одно и то же время сразу
Я потерял и приобрел.

Мне грустно, что кружáтся листья
И что поля оголены.
Зато на лозах зреют кисти,
Медовой зрелости полны.

Хоть веет свежестью вечерней
И как-то зябко на душе,
Но угощает нас бахчевник
Арбузом в теплом шалаше.

В своей любви к степному краю
Я с детства постоянным был:
По крику горлинку узнаю
И стрепета по взмаху крыл.

А если ночь вдали от дома
В степи застанет,— что ж, друзья,
Посплю охотно на соломе,
Пока прояснится заря.

НА ОХОТЕ

Синие изгибы Дона,
Под ногами вязкий ил.
Желтый лист,
Слетевший с клена,
Как утеночек, поплыл.

Перелетных птиц
Встревоженный
Крик срывается с высот.
Старые гнездовья брошены,
Труден дальний перелет.

Как вода в степной кринице,
Ночь студена в сентябре.
Спят охотники. Им снится
Белый лебедь на заре.

В бережок уткнулась носом
Лодка. Дремлет рыжий пес.
Камыши шумят над плесом,
Слышен крупной рыбы всплеск.

Звезды светят остро, молодо...
В нашей стороне донской
Серебро смешалось с золотом,
Синева — с голубизной.

СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ О ДРУЗЬЯХ ИЗ КИТАЯ

Президент Сукарно выступает на двухсоттысячном митинге в Шанхае.

Фото Г. Боровика.

Окончилась продолжительная поездка президента Республики Индонезии Сукарно пс многим странам. Посещением Китайской Народной Республики завершен второй, по выражению президента, этап этой поездки. Соединенные Штаты и страны Западной Европы были первым этапом; затем президент посетил Советский Союз, Югославию, Чехословакию, Монгольскую Народную Республику и, наконец, Китайскую Народную Республику.

— Во время этого второго этапа,— говорит президент,— я встречал горячие дружеские чувства народов всех стран. Советские люди, югославы, чехословаки, монголы, китайский народ приветствовали меня, представителя Индонезии. Чем это объясняется? Ведь мы не одна нация.

Президент Сукарно сам отвечает на свой вопрос:

— Хотя в этих странах живут разные народы, но всех нас объединяют общие стремления и чувства братской дружбы.

Президент Сукарно сказал в одном из своих выступлений:

— Китайский народ — старый друг индонезийского народа. Мы «познакомились» несколько тысячелетий тому назад. Нас объединяли и объединяют общие идеи борьбы за свободу и независимость. Поэтому каждый успех китайского народа мы, индонезийцы, считаем своим успехом, а каждое наше достижение вы, китайцы, считаете своим достижением. Мы всегда понимали и будем понимать друг друга.

За два дня до отъезда президента Сукарно из Китая специальный корреспондент «Огонька» Г. Боровик обратился к нему с просьбой написать несколько слов советским читателям. Президент любезно согласился и передал для опубликования в журнале «Огонек» следующее письмо:

PRESIDEN REPUBLIK INDONESIA

Kepada saudara-saudara Rakjat di Soviet Uni.

Sebagai wakil Rakjat Indonesia, saja menjampaikan salam-persahabatan kepada saudara-saudara.

Saja sekarang berada di Republik Rakjat Tiongkok.

Saja amat bersjukur, bahwa saja berada di Tiongkok djustru pada saat-saat jang bersedjarah ini: saat Tiongkok meninggalkan zaman-lampaunja jang penuh dengan kesedihan, dan menempuh hari-depannja jang akan penuh dengan keterangan-tjahaja.

Saja jakin, bahwa hari-depan Rakjat Tiongkok akan gilang-gemilang. Sebab, Tiongkok bukan sadja memiliki bahan-bahan materiil jang amat banjak, tetapi ia mempunjai pula bahan jang lebih berharga daripada semua bahan-bahan: Rakjat, jang tjinta merdeka, tjinta kerdja, tjinta damai, tjinta persatuan. Rakjat jang demikian itu ta' akan mati; ia akan hidup selama-lamanja!

Salamku kepada Rakjat Tiongkok! Dan salamku kepada Rakjat Soviet-Uni!

Salamku kepada semua Rakjat jang tjinta kemerdekaan, kemadjuan, kesedjahteraan, perdamaian.

Sjanghai 12 Oktober 1956

Soekarno

(Bung Karno)

«От имени индонезийского народа я шлю вам дружеский привет. Я пишу из Китайской Народной Республики. Я счастлив быть здесь как раз в то время, когда в Китае происходят события огромного исторического значения. Миновала година бедствий, Китай вступил в эпоху света и счастья.

Я уверен, что перед китайским народом открыты великие перспективы, ибо в Китае есть не только неистощимые природные ресурсы, но и нечто более ценное. Это народ, который дорожит своей независимостью и любит мир и труд, народ сплочен, как один человек. Такой народ не погибнет никогда и будет жить вечно.

Привет китайскому народу.

Привет советскому народу.

Любовь и уважение всем народам, стремящимся к независимости, прогрессу, счастью и миру.

СУКАРНО (брат Карно)

12 октября 1956 года.

Шанхай».

У телефона — ИВ МОНТАН

Фото А. Новикова.

«Огонек». Здравствуйте, Ив Монтан! Привет Вам от читателей нашего журнала. Как здоровье Ваше и Симоны Синьоре?

Ив Монтан. Здравствуйте, рад побеседовать с Вами. Мы с женой здоровы. Симона тут же, у аппарата.

«Огонек». Многочислённые поклонники Вашего таланта с нетерпением ждут возможности увидеть и услышать Ива Монтана. Когда мы сможем приветствовать Вас в Москве?

Ив Монтан. Мы выезжаем из Парижа четвертого ноября, приедем пятого. Мы с таким же нетерпением ждем встречи с московскими, ленинградскими и киевскими зрителями и с нашими друзьями — советскими артистами и режиссерами.

«Огонек». Какие Ваши песни мы услышим в Советском Союзе?

Ив Монтан. Я уже выслал программу в Москву, она переводится на русский язык. Буду исполнять «Песенку солдата», «На рассвете», «Парижский гамэн», «Мой Париж», «Большие бульвары», старые народные песни Франции, две — три новые песни.

«Огонек». Один из наших читателей спрашивает: «Когда Ив Монтан вторично получит приз — золотую пластинку — за очередной миллионный тираж граммзаписей его песен?»

Ив Монтан. Я очень растроган тем, что у вас знают такие подробности о моей деятельности певца и артиста. Я очень рад услышать это от Вас по телефону. Одну золотую пластинку мне уже присудили, а вторую я надеюсь получить, когда вернусь из Советского Союза.

«Огонек». С неделю назад в «Библиотеке «Огонек» вышла Ваша автобиографическая книга. Тираж — 150 тысяч экземпляров, но книжки уже нельзя купить в Москве...

Ив Монтан. 150 тысяч! Это рекордная цифра.

«Огонек». Ваша творческая биография обрывается для наших читателей на последней странице этой книги. Но мы надеемся, что попрежнему «солнцем полна голова»? Расскажите нам о новых своих работах.

Ив Монтан. Большое удовлетворение доставила мне работа в фильме Джузеппе де Сантиса «Люди и волки», который снимался в Италии. Охотник на волков в Абруццах — такова моя роль. Герой проходит сложный путь от внутренней пустоты и тщеславия до сознательного выбора жизненного пути честного труженика. Интересно было играть с волками, заставляющими людей все время быть начеку.

«Огонек». Вам предстоит, как мы слышали, совершить после гастролей в Советский Союз поездку в другие страны?

Ив Монтан. Да, я должен побывать в Польше, Чехословакии, ГДР, Болгарии, Румынии, Венгрии. Программа моих поездок точно разработана, день за днем.

«Огонек». Что будет Вас особенно интересовать в Советском Союзе?

Ив Монтан. Все. Абсолютно все! Побывать в Советском Союзе — моя мечта. Я совершенно уверен, что я и моя жена увидим и узнаем много интересного и поучительного.

«Огонек». Вас ждут здесь не только как популярного певца и артиста, но и как друга. Каково Ваше мнение о значении дружбы между французским и советским народами в современных условиях?

Ив Монтан. Дружба эта очень важна для дела мира. Я считаю, что ей помогает культурный обмен между нашими двумя странами, которому буду служить и я. Искусство имеет почетную задачу: прежде всего укреплять мир!

«Огонек». Эта наша беседа будет напечатана незадолго до празднования 39-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Не желаете ли сказать что-либо нашим читателям в связи с приближающимся праздником?

Ив Монтан. Передайте читателям «Огонька», что я от всего сердца приветствую их, что я бесконечно рад возможности собственными глазами увидеть то, что они создали. Каждый год в ноябре французский народ неизменно вспоминает о выдающемся значении Октябрьской революции для вашего народа и для всего человечества.

«Огонек». Не хочет ли и Симона Синьоре сказать несколько слов?

Симона Синьоре. Передайте мой привет всем друзьям в Москве. Я бесконечно рада сопровождать Ива Монтана в Советский Союз.

«Огонек». Спасибо за беседу. До свидания.

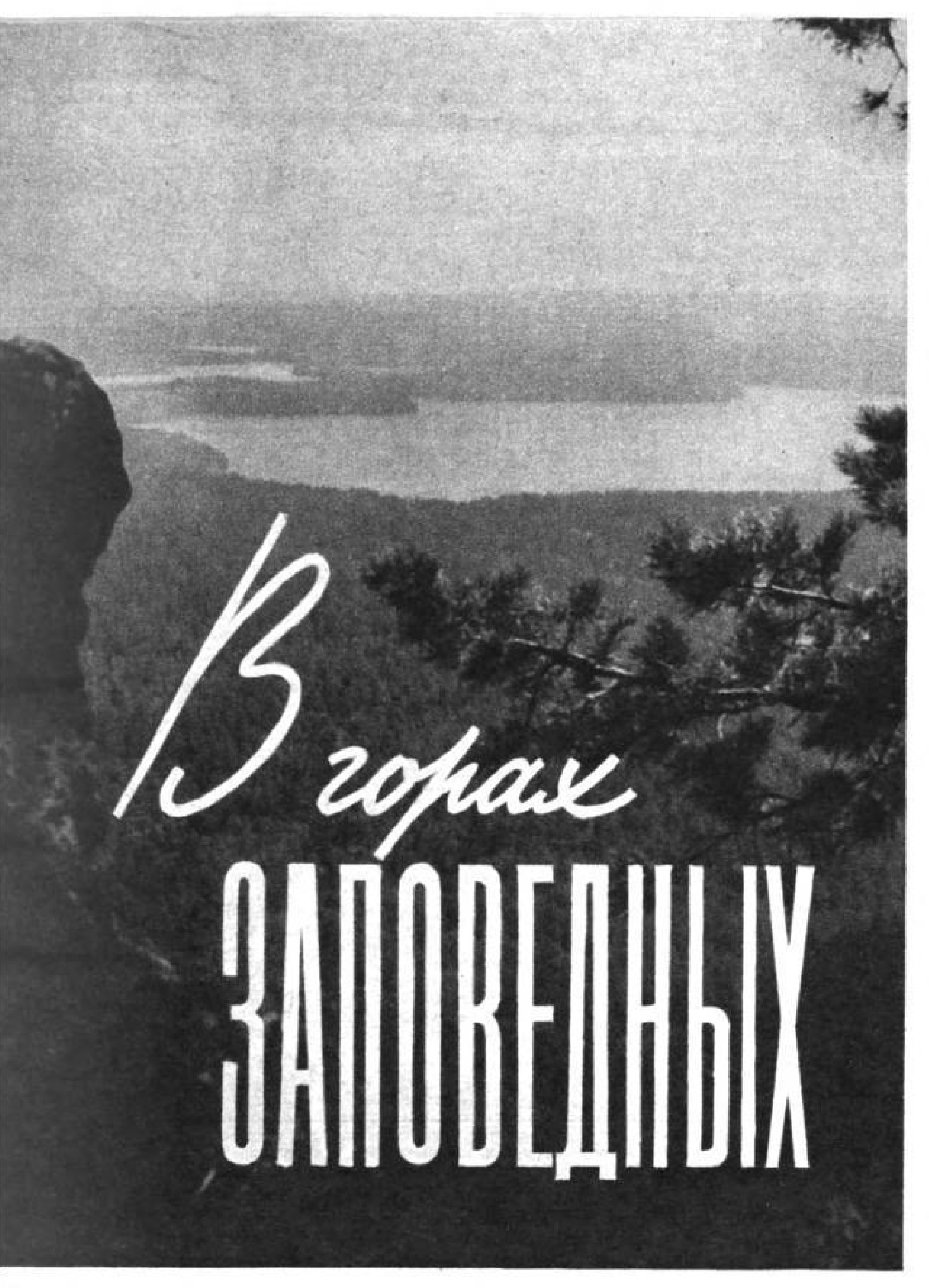
Ив Монтан. Спасибо и Вам. До скорого свидания!

Ив Монтан и Симона Синьоре в спектакле «Салемские колдуньи».

ЗАКОНЧИЛОСЬ ОБСУЖДЕНИЕ СУЭЦКОГО ВОПРОСА. 13 октября в Совете Безопасности закончилось обсуждение суэцкого вопроса. На снимке: в зале заседания Совета Безопасности. Слева направо: Министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов, Министр иностранных дел Англии С. Ллойд, Государственный секретарь США Д. Даллес, Министр иностранных дел Египта М. Фавзи.

Я. ФОМЕНКО

Фото И. Тункеля.

Дважды мы взбирались на вершины и дважды, разочарованные и раздосадованные, ни с чем спускались вниз. Густой лес мешал съемке.

Пыхтя и отдуваясь, всходим наконец на каменную шапку третьей горы и застываем. Перед нами — Миассовы озера с горбатыми островами, с «курьями» — заливами неуловимых очертаний. Мы в центре Ильменского заповедника.

...Сделаем маленькое отступление, чтобы рассказать о нескольких неожиданных и приятных знакомствах, какие состоялись у нас в Ильменях.

В день приезда нас встретил в Управлении заповедника высокий человек с ласковыми глазами. Нам показалось, что мы где-то с ним встречались. Действительно, мы старые знакомые. Геолог Владимир Михайлович Басов только что вернулся домой после антарктической экспедиции. Мы видели его фотографии в журналах.

Воспоминания об Антарктиде у Басова были очень свежие. Нас устраивали его рассказы об экспедиции. Особенно в часы передвижения по здешним дорогам, хранимым, к сожалению, в таком же первобытном состоянии, как и природные богатства заповедника.

Одна из дорог привела нашу машину на берег Большого Миассова озера, виденного нами с вершины. Тут мы неожиданно попали в мир науки. Неожиданно, потому что о существовании того, что нам здесь показали, мы даже не подозревали. Посещение кабинетов и опытных участков биофизической лаборатории было равносильно восхождению на трудную высоту. Говоря точнее, это была тщетная попытка подняться на уровень современной биофизики — науки молодой и во многом для нас малодоступной. Только недюжинное педагогическое дарование руководителя лаборатории профессора Николая Владимировича Тимофеева помогло нам кое-что понять.

С юношеским увлечением, то приподнимаясь на носки, то опускаясь, профессор рассказывал нам об остроумных опытах биологической очистки отходных вод, насыщенных радиоактивными веществами.

Потом мы осматривали кормовую капусту, просо и лен, посеянные после обработки семян гамма-лучами, видели кобальтовый излучатель.

Николай Владимирович повел нас на прибрежную скалу. Она выглядывала из-за сосен и нависала над озером, точно увеличенный «ТУ-104».

Широким жестом профессор пригласил полюбоваться озером.

Гость Николая Владимировича, профессор Борис Александрович Ляпунов, видный специалист по кибернетике, а в данное время отпускник, со своей точки зрения оценил окружающую природу:

— Трудно желать лучшего места для отдыха.

— И для науки! — сказал Николай Владимирович.

Весьма важное уточнение. Ильмени — прекрасное обиталище для науки. Природа создала тут богатейший музей, или, как писал Павел Петрович Бажов, редчайшую «кладовуху» минералов. Их изобилие позволило академику А. Е. Ферсману назвать Ильмени «минералогическим раем». Тут найден самородок золота в два пуда семь фунтов и кристалл циркона более восьми фунтов весом.

Мы попали в заповедник в разгар туристского сезона, видели тут ученых, юношей с рюкзаками за плечами и девушек со связками бубликов-сушек на шее, юных краеведов-натуралистов и пожилых людей, шагающих с посохами по горным тропам.

Самые счастливые посетители заповедника, конечно, — минералоги.

...Отвал возле глубокой копи. На него всходит юноша в клетчатой рубашке-ковбойке. У него под ногами готовая коллекция камней: от белоснежного альбита до нефелина цвета запекшейся крови.

Юноша наклоняется и берет в руки камень. Это письменный гранит. По светлому срезу идут правильные линии «письма», похожего и на арабскую вязь и на клинопись древней Ассирии. Студент откладывает в сторону гранит и, словно найдя слиток золота, хватает скромный по окраске и рисунку камень. Это миаскит, типичный представитель Ильменских гор.

Рядом с осколками гранита у самого носка давно не чищенных башмаков студента лежат пластиночки лепидомелана — угольно-черной слюды. Юноша достает спички, нагревает пластиночку слюды. Она распухает, делясь на тончайшие листочки, и принимает золотистый оттенок.

На лице студента улыбка. Он доволен опытом. Так получают вермикулит — прекрасное сырье для производства изоляционных материалов. Потом юноша разламывает прозрачные пластинки светлой слюды — мусковита. Мусковитом когда-то «остекляли» окна на Руси.

Занятия юноши прерываются радостным криком:

— Коля! Я нашла, кажется, лунный камень!

Студент стремглав бросается вниз, где его ждет одетая в шаровары и лыжную куртку спутница. Слышится горячий спор. В результате камешек летит в заросли папоротника. Ошибка!

Лунный, солнечный, лучистый... Это все названия камней с чудесными отливами, с такой игрой нежными лучиками, словно внутри минерала заключен таинственный светильник.

Девушка и юноша спускаются на усеянную цветами лужайку. Им кажется, что она усыпана камнями-самоцветами. Они находят, что растительный мир повторяет краски камней. Разве не старается костяника подражать рубинам и турмалинам? А колокольчики или вот те сине-голубые и розовые цветы, тихо покачивающие головками на ветру? Они позаимствовали расцветку аметиста, бирюзы и амазонита. А есть цветы и камни с одинаковыми именами: гиацинт, гелиотроп...

И вновь возникает спор. Теперь о расцветках.

С дерева снимаются вспугнутые громкими голосами тетерки. Люди следят за их полетом, ожидая, что птицы сядут на близкое дерево. Тетерки исчезают в кустах.

В заповеднике обитает до двухсот представителей пернатого царства. Есть беркуты-орлы с двухметровым размахом крыльев. Есть крохотный желтоголовый королек — местная колибри с крупного жука величиною и весом в пять граммов.

Сбившись с маршрута и нечаянно попав в «зону спокойствия», вы будете напуганы внезапным шорохом в кустах или шумом осыпающейся каменной россыпи. То шарахнулась в сторону учуявшая человека косуля. А может, пятнистый олень помчался стрелой в дебри? Только шелест пошел по чуткому к звукам лесу.

Перед одной из поездок Владимир Михайлович Басов шутя посоветовал не забывать перочинных ножей на случай встречи с медведем. Кроме косули, мы, к сожалению, никого не видели. Из Воронежского заповедника переселены на Ильмени бобры. Они прижились в местных водоемах и развили энергичную деятельность. Одна из плотин, сооруженных новоселами, на целый метр подняла воду в озере Малый Кисегач.

Немало трудов стоит охрана животного и растительного мира Ильменей. Триста квадратных километров — не такая малая территория, чтобы уследить за двуногими хищниками и вредителями. К стыду нашему, надо сказать, что, кроме ревнителей природы, заповедник посещают падкие на легкую добычу нелегальные гости. Директор заповедника Александр Иванович Симонов с особым возмущением говорил про обладателей ружей и вездеходов.

На Соколиной скале, любимом месте туристов, мы видели окоренные стволы сосен с фамилиями людей, привыкших всюду оставлять приметы своего пребывания и... глупости. А некто Лохматихин «расписался» в книге природы буквами таких размеров, каких не увидишь на вывесках бакалейных магазинов.

Нам захотелось посмотреть, как живут люди, охраняющие богатства заповедника. Поехали на дальний, северный, кордон и вскоре увидели озеро-пруд. У плотины притаилась старая-престарая, словно декорация к «Русалке», мельница. У ворот подворья, обнесенного, по уральскому обычаю, высокой стеной, нас встретил хозяин кордона Карл Яковлевич Саулиэтс, старейший труженик заповедных земель Кавказа, Алтая и Урала.

На участке Карла Яковлевича давно не было никаких происшествий. Когда мы спросили, почему его не беспокоят браконьеры, он с веселой усмешкой ответил:

— Знают, что попадутся. Я сын браконьера и сам в юности браконьер. Меня не обманешь. В помещичьих лесах с отцом когда-то охотились. Известны все браконьерские повадки.

Уроженец Латвии, Карл Яковлевич поселился после гражданской войны в России и всю жизнь посвятил охране природы. В его квартире мы увидели на стенах три давным-давно не стрелявших и запылившихся охотничьих ружья. Зато «свечка» — карабин, постоянный спутник Карла Яковлевича при обходах угодий,— находится в образцовом состоянии.

...Жалко было расставаться с этим полным поэтической прелести уголком родной земли.

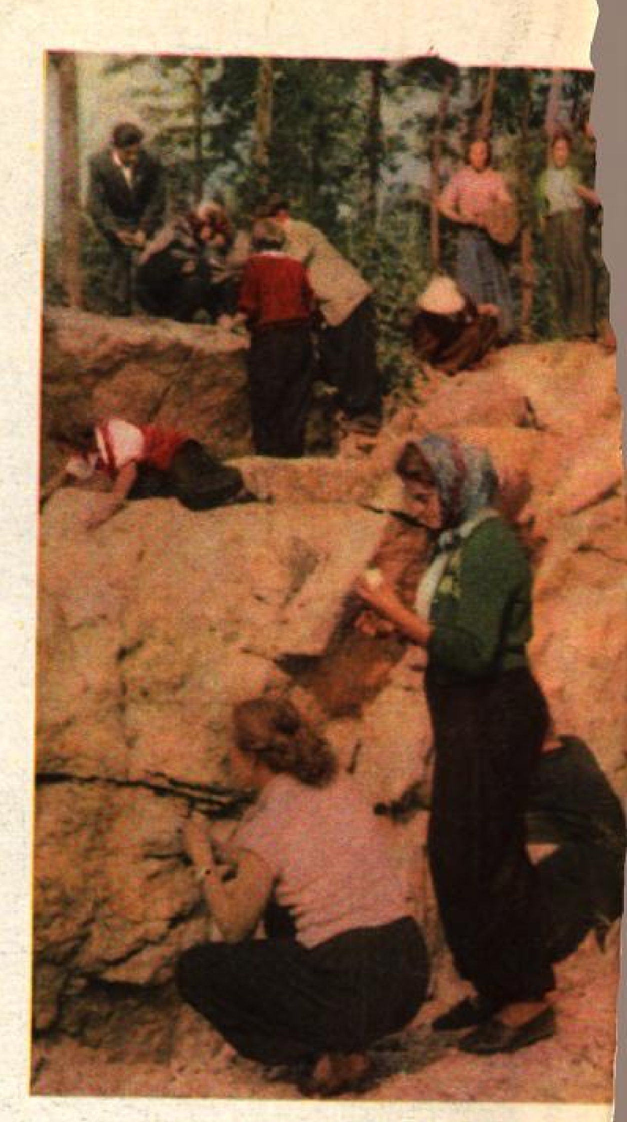
Берега озера Ишкуль одеты в неполированный гранит.

Пятнистый олень, уроженец Дальнего Востока, хорошо прижился в Ильменских лесах.

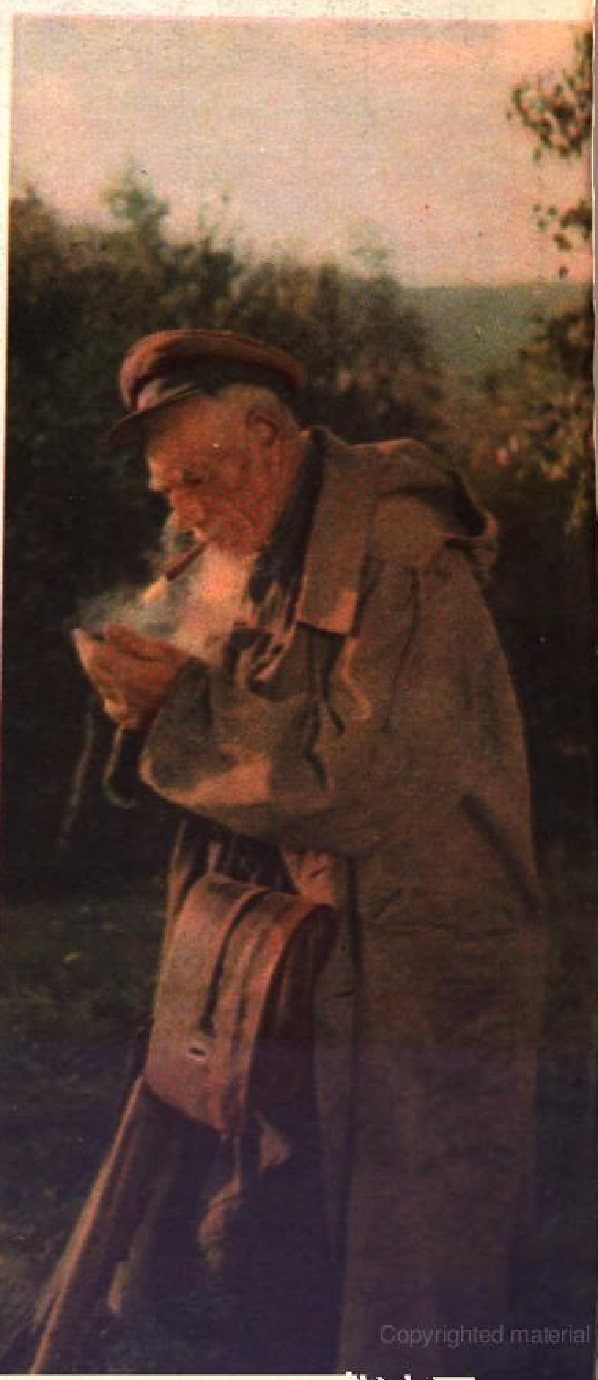

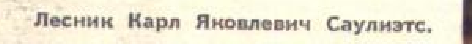
Юные краеведы на привале.

У старой копи.

Эту скалу называют Соколиной.

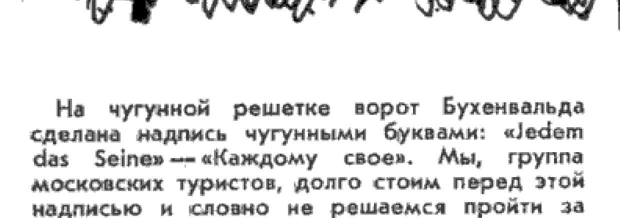
Лесник Карл Яковлевич Саулиэтс.

ВЕЙМАР И ОКРЕСТНОСТИ

Юрий НАГИБИН

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Рассказ

На чугунной решетке ворот Бухенвальда сделана надпись чугунными буквами: «Jedem das Seine» — «Каждому свое». Мы, группа московских туристов, долго стоим перед этой надписью и словно не решаемся пройти за ворота, на землю бывшего лагеря смерти.

— С добрым утром! — раздается негромкий, мягкий, но очень ясный мужской голос.

В сопровождении нашего постоянного спутника, работника берлинского Райзебюро Петера Шульца, к нам подходит среднего роста, сухощавый, хорошо сложенный мужчина с большими темнокарими глазами, кажущимися черными по контрасту с голубоватой сединой волос. У него красивое, твердо очерченное лицо, несколько бледное, несмотря на тонкий и ровный слой желтоватого загара. На нем легкий плащ из прорезиненной ткани, серый фланелевый костюм, коричневые замшевые туфли, на белизне накрахмаленной рубашки узкий модный галстук, заколотый булавкой.

— Познакомьтесь, товарищи! — говорит Петер. — Экскурсовод Георг Бергер, бывший узник Бухенвальда.

Мы поочередно пожимаем узкую, сухую, горячую руку Георга Бергера.

— Нун, форвертс! — говорит он с улыбкой и первый устремляется в ворота.

У Георга Бергера своеобразный, легкий и вместе с тем чуть торжественный шаг. Впечатление торжественности создается оттого, что он ходит не совсем обычно — не с пятки на носок, а наоборот. Он сперва касается земли концом чуть оттянутого вперед носка, затем утверждает на земле ступню. Его поступь напоминает строевой парадный шаг. Впрочем, уже через несколько минут после нашего знакомства эта походка перестает удивлять. Учитель истории Георг Бергер, заключенный в Бухенвальд в 1938 году за отказ обнажить голову перед портретом фюрера в день его рождения, провел в лагере семь лет. Каждое утро после переклички заключенные должны были маршировать под требовательным взглядом коменданта лагеря. При этом их заставляли петь шуточные нацистские песни. Это была провокация: политических заключенных, не желавших петь фашистских песен, выводили из строя и подвешивали на столбе.

— Выглядело это вот так, — поясняет Георг Бергер.

Сцепив за спиной руки, он медленным движением подымает их над головой. Кажется невероятным, что плечевые кости не выламываются из суставов. Коротко улыбнувшись, Георг Бергер расцепляет пальцы и роняет руки вниз.

Другая цель «пения» была чисто практическая: под эти песни расстреливали осужденных у дверей крематория. Тысячеголосый хор заглушал выстрелы и стоны раненых. С зимы сорок первого года пение стало каждодневным: расстреливали пленных русских офицеров...

Мы выходим на территорию бывшего лагеря. Перед нами расстилается пустырь, поросший низкой и очень зеленой травой, как на футбольном поле. Пустырь обнесен колючей проволокой, туго натянутой на железные столбы. В обширном пустом пространстве (бараки, где ютились заключенные, не уцелели) кажутся совсем неприметными грубо сколоченная повозка, ручной чугунный каток и столб с железной скобой.

Георг Бергер подводит нас к столбу и, став на носки, касается скобы кончиками пальцев.

— Вот здесь подвешивали...

Затем он поворачивается к повозке, груженной крупными желтыми кусками породы.

— Из этого камня ничего не строили, его только возили взад и вперед по всему лагерю. Этот вот каток ничего не трамбовал, хотя находился в движении с утра до вечера...

Георг Бергер нагибается и с силой отдирает глубоко въевшуюся в землю, почти невидную за травой рукоять катка. Он обхватывает ее снизу тонкими, длинными пальцами.

— Час за часом толкали заключенные этот каток по широкому кругу, и он не оставлял никакого следа на твердой, плотно укатанной многими узниками земле. Быть может, потому, что не видишь ни результата, ни конца этому труду, силы иссякают куда быстрее, чем при любой, хоть мало-мальски полезной работе. Я знал заключенных, которые месяцами выдерживали каторгу каменоломен и надрывались в первые же часы у этого катка. Даже секундная передышка стоила пули в затылок. И люди шли, шли, приваливаясь друг к дружке, своим телом поддерживая соседа и находя поддержку у него. И вдруг твое плечо теряет опору: сосед упал, и надсмотрщики добивают его дубинками, начиненными свинцом. Иной раз смерть настигала человека на ходу, и он волокся за катком, не выпуская его из мертвых рук. А ты вместе с теми, кто остался в живых, идешь дальше, идешь, уже ничего не видя, но все же выписываешь круг, потому что круг — это путь слепца. И, бывало, ты начинаешь путь вшестером, а заканчиваешь его один... — Голос Георга Бергера звучит попрежнему спокойно и ясно, в уголках губ — вежливый намек на улыбку, и, верно, он сам не замечает, как напружинились его руки, подалась грудь к железной рукояти, туго спрямилась спина,— тяжеленный чугунный каток, за годы бездействия образовавший вдавлину в земле, ржаво скрипнул и сдвинулся с места.

Веки Георга Бергера затрепетали, кожа тонко растянулась вокруг сведенного рта, все лицо заострилось, и на миг из-под обличья корректного, расчетливо-сдержанного в каждом движении экскурсовода проглянул узник Бухенвальда.

Георг Бергер тут же выпустил рукоять катка и, вынув из кармана носовой платок, старательно вытер пальцы. Тихим смешком он прикрыл смущение. Он забылся, он вышел из роли точного передатчика фактов. Быть может, недовольство собой придало голосу Георга Бергера особенно вежливую сухость, когда он предложил нам проследовать дальше...

Мы идем за Георгом Бергером путем, который для стольких узников лагеря был последним путем в жизни. Мы обходим камеры, комнаты пыток, помещения, где расстреливали, подвалы, где вешали, крематорий с его печами и электрокарами. Георг Бергер больше не дает себе забыться, он подчеркнуто скуп, точен и бесстрастен. Он называет трехзначные цифры убитых в каждом отсеке и подводит шестизначные итоги. Он не пропускает ни одного экспоната Бухенвальдского музея. Мы осматриваем блестящие, как в зубо-

врачебном кабинете, инструменты для выделки человеческой кожи, орудия пыток, заспиртованное простреленное сердце, урну с человеческими костями, гору женских волос и горку заскорузлых тупоносых детских башмачков, сумки из татуированной кожи и высушенные в горячем песке размером с ананас головы...

Представитель Райзебюро, моложавый и полноватый Петер Шульц уже несколько раз со вздохом поглядывал на часы: видимо, мы опаздывали либо на обед, либо на какое-то очередное экскурсионное мероприятие. Петер Шульц был неумолим во всем, что касалось графика поездки, ему не раз случалось прерывать на полуслове слишком многословного экскурсовода, если тот ставил под угрозу график. Но разве прервешь человека из Бухенвальда? В ровном, бесстрастном голосе Георга Бергера странная, завораживающая сила. Бухенвальд растет, ширится, его гигантская тень простерлась над пространством и временем. И, отирая пот, страдальчески кругля глаза, Петер тащится за нами со своим толстым портфелем, макинтошем и зонтиком...

Мы снова на пустыре. Наши взгляды, покорные движению сухой, узкой руки экскурсовода, обращены теперь за колючую проволоку, туда, где среди зеленеющих деревьев видны остатки двухэтажных домиков. Здесь, в десятке метров от ограды, находились дачи эсэсовцев, сад для прогулок их жен и детей и маленький тиргартен — с медведями, лисами, оленями, ланями и зелеными, вечно орущими попугайчиками.

— Пройдем дальше,— говорит Георг Бергер.

Петер Шульц давно перестал даже вздохами выражать свое нетерпение. Трудно сказать, сколько уже времени длится наша экскурсия — час, день, вечность. Ощущение такое, будто ты валишься в черную, бездонную яму и, как во сне, не можешь скинуть с себя душный ужас падения. А потом уже хочется, чтобы падение длилось бесконечно, потому что возвращение к привычной дневной обыденности кажется невозможным.

И все мы не почувствовали никакого облегчения, когда вдруг оказалось, что наша мучительная экскурсия закончена. Но ярко светит майский день, а к воротам уже подкатил наш цветастый, украшенный флажками автобус.

У ворот лагеря с чугунными буквами «Каждому свое» мы в последний раз пожимаем сухую, горячую руку Георга Бергера. Сейчас мимо нас привычно замелькают по сторонам шоссе распустившиеся буки, тополи с лопнувшими почками, каштаны, выпустившие первые бледнозеленые стрелки листочков, опушенные, готовые зацвести яблони, затем мы увидим красные черепичные крыши Веймара, белые, желтые стены домов, испещренные памятными досками, золотые вывески погребков, одутловатого Карла-Августа на бронзовом коне, Шиллера и Гете, шагающих об руку сквозь века. Георг Бергер останется здесь, у пустого зеленого, обнесенного колючей проволокой поля, которое силой его неутихшей памяти так легко населяется призраками былого. Уезжая, мы увозим с собой его короткую, чуть трогающую углы рта улыбку, крепкое рукопожатие, оставляющее тепло в ладони, его странную, словно он все еще шагает в ряду заключенных, чуть торжественную походку.

Автобус трогается. Георг Бергер приветственно подымает руку, затем сразу поворачивается и своим четким шагом идет к новой группе поджидающих его туристов...

В этот день ни у кого из нас не было желания осматривать исторические памятники Веймара. Поняв наше настроение, неутомимый Петер Шульц впервые предоставил нас самим себе. Мы разошлись кто куда. Я долго бродил по городу, не давая себе труда вчитываться в многочисленные мемориальные доски, затем спустился в маленький погребок неподалеку от Виланд-плац. Полутемный старинный кабачок был почти пуст, если не считать двух подростков в коротких замшевых штанах и зеленых тирольских курточках, пивших пиво в уголке погребка. Они даже не пили, а цедили пиво, стараясь до бесконечности растянуть удовольствие. Да еще следом за мной вошла и заняла соседний столик стриженная под мальчика женщина в темной шерстяной юбке и клетчатом жакете. Она с шумом уселась за столик, разложив вокруг себя множество вещей: лакированную сумочку, стянутую шнуром кошелку, кожаную папку, серые замшевые перчатки, красный с синими полосами зонтик.

— Обер! — позвала женщина сильным носовым голосом, и, когда рядом с ней очутился кельнер в хвостатом фраке и белой манишке, твердой, как панцырь, она коротко бросила: — Обычное!

— Эйн коньяк! — крикнул кельнер, оборотясь к стойке, словно кондуктор, объявляющий остановку.

Через секунду он поставил перед женщиной рюмку коньяку и бутылку сельтерской.

Я спросил пива. Кельнер бросил на стол картонный кружочек с гербом Веймара в центре и названием погребка по краю, затем ловко поставил, вернее, как-то плавно сбросил на картонку, запотелый продолговатый и пузатенький вверху бокал пива. Устав от острых и тягостных впечатлений утра, я с удовольствием сосредоточивал сейчас внимание на простых вещах. Мне нравилось следить за резко-изящными, тренированными движениями кельнера, за этой женщиной, от которой веяло чем-то очень уютным, житейским, прочным.

У женщины было круглое лицо, большие серые блестящие и все же усталые глаза. Усталость ощущалась в чуть желтоватых белках, в недряблых, но обмякших и истончившихся нижних веках. Женщине было немного за сорок. В ее стрижке, в следке помады на губах и крошках пудры на носу, в чуть излишне смело открытых мускулистых ногах чувствовалось желание выглядеть моложе своих лет, но время не подарило ей ни одного года. Ее сильные, немного опущенные плечи и узковатая для крупного тела, округлившаяся спина несли полное бремя нелегко прожитых лет.

Женщина часто поглядывала на часы, нервным, нетерпеливым движением поправляя часовой браслет. После этого она открывала сумочку, доставала зеркальце, пудреницу, пудрила нос и морщинки между густыми бровями. При этом у нее делалось огорченное лицо. Она кого-то ждала, и человек этот опаздывал. Она чувствовала, как с каждой минутой пропадает в ней та непрочная прелесть, которую дарит на миг и стареющей женщине ожидание и волнение встречи.

Вылив полрюмки коньяку в бокал, женщина добавила туда сельтерской, отчего смуглый коньяк бледно пожелтел, быстрыми глотками выпила смесь, затем вылила в бокал остатки коньяку и совсем немного сельтерской. Покончив с этим, женщина раскрыла сумочку, посмотрела на свои слегка зарумянившиеся щеки, тронула пуховкой нос и лобик и крикнула кельнеру тем же сильным, носовым голосом:

— Обер! Нох ейнмаль!

Когда кельнер поставил перед ней новую рюмку коньяку и другую бутылку сельтерской, напряженное выражение лица женщины смягчилось — что-то отпустило ее внутри, — стало милее, проще, я бы сказал, сентиментальнее, и я вдруг узнал ее. Она была нашим гидом по гетевским местам. В том, что я не узнавал ее так долго, не было ничего удивительного. За дни, проведенные в Веймаре, у нас сменилось до десятка экскурсоводов. Были среди них и профессиональные гиды, школьные учителя и функционеры «FDJ» [1], журналисты и даже молодая евангелистка из Консума. Один водил нас по домику Шиллера, другой был специалистом по Гердеру, третий показывал Клопштокхауз, даже для осмотра памятника Виланду к нам был приставлен особый гид; что же касается гетевских мест, то здесь у нас сменилось целых три экскурсовода.

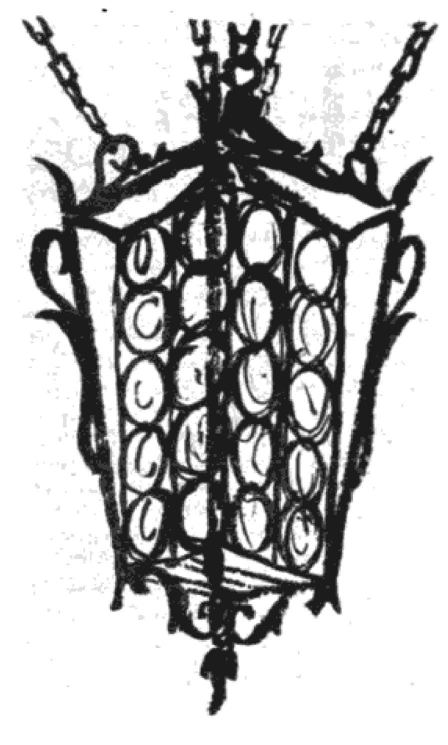
И надо сказать, что почти все они смазались в моей памяти, кроме этой женщины, водившей нас по гетевскому парку. Она запомнилась мне по одному немного смешному обстоятельству. Рассказывая нам жизнь Гете, она даже не упомянула о Шарлотте Кестнер, она коротко и сухо сказала о Шарлотте фон-Штейн, самой большой и долгой любви зрелого Гете. Всю свою нежность она отдала Христине Гете, законной жене. Она рассказывала о том, как юная Христина поджидала Гете, с которым даже не была знакома, у дверей театра, чтобы вручить ему пьесу своего брата; как поразило Гете ее «лехерлихес гезихтхен», и случайная встреча превратилась в многолетнюю супружескую связь; о том, как трудолюбивая Христина однажды задремала за пяльцами у окна и была так хороша и трогательна, что вошедший в комнату Гете не стал ее будить, а, взяв карандаш и лист бумаги, набросал портрет милой спящей жены. С увлажненными глазами говорила она о том, что после смерти Христины Гете перенес свою спальню в крошечную комнатку при кабинете. Она сетовала лишь на то, что примерная чета не была счастлива в потомстве.

Многочисленные воспоминания современников рисуют совсем иной образ спутницы Гете. Подавленная своим неравенством с мужем, его вежливым и безграничным равнодушием, Христина стала искать утешения в рюмке. Гете снисходительно относился к этой слабости жены, даже и в тех случаях, когда заставал ее за чашей в обществе офицеров местного гарнизона...

Меж тем в погребке сгущался сумрак, но, словно чувствуя тихое настроение присутствующих, кельнер не зажигал большой люстры, оформленной под старинный фонарь. В ровном, мягком полумраке по-дневному светлым казался краешек окна, возвышающийся над тротуаром. В длинной, узкой полоске света то и дело мелькали ноги прохожих. Вот протопали сапоги с коротким, жестким голенищем, тесно прижатым к тусклозеленому, с седым начесом сукну брюк в обтяжку — лесничий. Словно ножницами простригли светлый прямоугольник синие брюки рабочего комбинезона, спускающиеся на грубые, железом подбитые башмаки; мелькнули цветные гетры и туфли школьника на толстой подметке из эрзацрезины; стянутые у щиколотки шнурком и почти скрывающие обувь брюки мотоциклиста; множество замшевых, преимущественно коричневых, дамских туфелек на высоких или низких каблуках и совсем без каблуков; проплыли под черным раздувом подола темные плоские полуботинки монашенки с тусклыми оловянными пряжками. И среди всех куда-то спешащих брюк, гольфов, штанишек, юбок пара серых фланелевых брюк, широкие манжеты которых немного не достигали коричневых замшевых туфель, показалась мне вдруг знакомой. Собственно, не брюки и туфли, столь обычные для любого прилично одевающегося веймарца, а походка их обладателя, легкая и словно бы торжественная, оттого что человек сперва касался земли вытянутым вперед носком, затем впечатывал ступню в тротуар. И прежде чем я успел назвать его про себя, хлопнула на тугих пружинах дверь, легкие шаги шуршаще скользнули по каменным ступенькам погребка, и показалась сухощавая, стройная фигура, энергическое, матово-бледное лицо, темные глаза и голубоватая седина Георга Бергера.

[1] Союз свободной немецкой молодежи.

— Добрый вечер, Гизелла! — сказал он своим ровным, отчетливым голосом, в котором сейчас было немного больше тепла.

— Ты опять опоздал, Георг! — с упреком отозвалась женщина.

— Дорогая, я не мог раньше! Столько посетителей! С утра были советские туристы... — Говоря так, Георг Бергер целовал Гизелле руку, затем долго искал, куда бы повесить свой макинтош, и, не найдя вешалки, бросил его на спинку стула. Плащ тут же сполз на пол, тогда Георг Бергер подложил его под себя на кресло. Его сдержанно-изящным движениям не хватало точности, там, в лагере, они были какими-то более уверенными и непринужденными. То ли он был смущен своим опозданием, то ли в характере их отношений что-то сковывало его. Женщина пристально следила за этой возней с плащом.

— Милый, — сказала она, — ты же не один там, а туристы бывают каждый день!

— Ну, не сердись. Будь хорошей. Что ты пьешь? И я буду коньяк. Кельнер!.. — позвал он, но ровная интонация его голоса не вывела кельнера из состояния готовного и несколько сонного ожидания. Георг Бергер постучал ногтем по бутылке сельтерской.

— Обер! — громко сказала Гизелла. — Два коньяка.

В ожидании напитка оба молчали. Затем, когда коньяк был подан и разлит по рюмкам, Георг Бергер поднял рюмочку, низко, с чуть старомодной вежливостью наклонил свою серебристо-голубоватую голову и выпил коньяк. Гизелла поднесла к губам рюмку и отставила ее.

— Когда это кончится, Георг? — сказала она тяжелым голосом.

— Но это же мой долг, Гизелла...

— Не надо о долге, Георг. Свое бессилие, свое неумение изменить обстоятельства мы любим называть долгом... Помнишь, когда-то мы мечтали преподавать в одной школе, ты — историю, я — литературу?..

— Дорогая моя, я не выбирал себе судьбы. Но разве то, чем я занимаюсь сейчас, не история? История, не менее важная, чем... ну, чем Грюнвальдская битва. — Короткая улыбка тронула его губы и чуть задержалась, придав на миг его мужественному лицу выражение странной неуверенности.

— Ох, не надо, милый! Я все это слышала! Неужели тебе самому не хочется вдохнуть другой, чистый воздух, быть среди детей, Георг, очиститься, помолодеть с ними?..

— Да, да...

— Но послушай, Георг. У меня в выпускном классе есть два ученика: Гельмут и Курт. Если б ты познакомился с ними, Георг! Какое доверие к будущему чувствуешь рядом с ними!.. Они очень разные, очень непохожие. Гельмут — «FDJ», его отец и старший брат — члены Социалистической единой партии Германии, Курт — евангелист, сын эсэсовского офицера, застрелившегося на другой день после капитуляции. И как же они дружат, Георг! Дружат в книгах, в стихах, в занятиях, в спорте, даже в любви. Они влюблены в двух сестер.— Гизелла подняла рюмку и будто невзначай выпила ее. — Знаешь, однажды я прямо спросила: не мешает ли их дружбе то, что они придерживаются разных убеждений. Я чувствовала, что могу спросить об этом. Они сказали, что уважают всякие убеждения, кроме нацизма. А Гельмут добавил: «Мы хотим для Германии одного и того же». Разве это не прекрасно, Георг?

— Да, это прекрасно, — убежденно по тону, но несколько рассеянно отозвался ее собеседник. — Только...

— Только не лги, Георг, что тебя не отпускают! — почти грубо прервала его Гизелла. — Я сама говорила с Кирхгофом... Обер!.. Еще коньяк!

Выписав подносом сложный вензель, кельнер поставил перед ней рюмку коньяку.

— Сельтерской?.. — спросил он.

— Не надо! — Она подняла рюмку и резким движением опрокинула ее в рот. Когда она ставила рюмку на столик, рука ее задрожала, и рюмка звонко переступила тонкой ножкой.

— Ты много пьешь, — мягко сказал Георг Бергер.

— Чепуха! — сказала Гизелла. — Я могу совсем не пить!

— Но ты все-таки пьешь!

— Перестань, какое это имеет значение!.. Важно другое, Георг, мои старые руки, мое старое лицо. Я старая женщина, ты понимаешь это? Но я все еще хочу мужа, хочу семью, хочу детей. Один бог знает, как я хочу детей!

— Но я же не раз говорил тебе, Гизелла, пойдем в магистрат...

— Нет, Георг! Не это мне нужно! Мне нужно, чтоб ты был моим, а я — твоей. Ты никогда не бываешь моим, даже когда мы рядом, не здесь, в кабачке, а по-настоящему, совсем рядом.

— Так подожди еще немного, дорогая. Мне надо развязаться со всем этим...

— Я столько ждала, Георг! Я ждала семь лет, пока ты находился в лагере. Я ждала еще три года, пока ты ездил по судам то в качестве свидетеля, то наблюдателя, то уж не знаю кого. Я понимала, что тебе это нужно. Затем ты начал водить экскурсантов, делегации, туристов, случайных любопытных. Это был твой долг, как очевидца. Я снова ждала. Война кончилась одиннадцать лет назад, а я все жду!

— Ну зачем так безнадежно смотреть на вещи, дорогая?! Время...

— Молчи! — воскликнула женщина и даже протянула руку, словно хотела зажать ему рот.— Георг, бедный, молчи! Я все поняла сейчас. Вдруг все поняла, будто повязка спала. — Ее глаза расширились выражением ужаса и боли. — Я не дождусь тебя, сколько бы ни ждала! Ты никогда не выходил и никогда не выйдешь из лагеря, Георг! Ты «бессрочный» Бухенвальда...

Мужчина поднял голову. Странное выражение нежности, жалости, силы было на его смуглом лице.

— Да, Гизелла... Да, я «бессрочный» Бухенвальда. Каждый должен нести свою ношу. Пока фашизм в любом обличье оскверняет землю, я должен быть здесь как свидетель, как живая память, как ничего не забывшее сердце. Все это очень неуютно... Но, прости за громкие слова, это мой сторожевой пост, и я не покину его даже ради тебя.

— Я понимаю... — тихо и задумчиво сказала Гизелла. — Но почему же ты никогда не говорил со мной так, Георг?

— Я говорил, Гизелла, но ты не слышала меня. Я не знаю, слышишь ли ты сейчас.

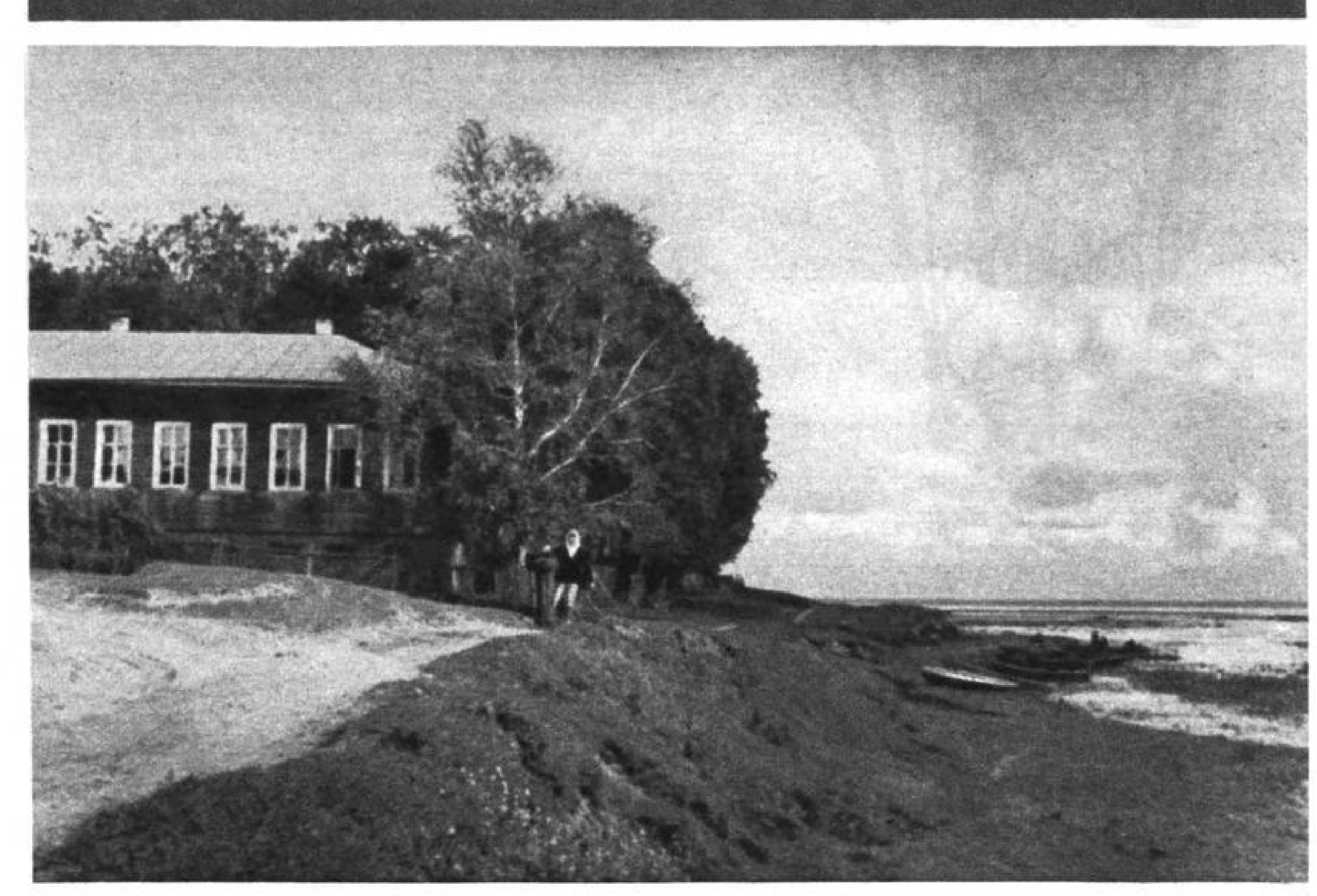
— Слышу... — сказала женщина.

Ник. КРУЖКОВ

Фото М. Савина.

ВЕСЬЕГОНСК — ГОРОД ТИХИЙ

В старину

Об отечестве нашем когда-то говорили:

— Россия — страна уездная!

Да, разбросаны были по великой Руси маленькие городишки, похожие друг на друга и внешним своим обликом — неизбежная пожарная каланча, пузатый собор в центре города, острог, площадь, заросшая лебедой и лопухом,— и общей, равно присущей городам российского захолустья духовной скудостью тусклого мира мелкого уездного чиновничества, нищего, ободранного мещанства, стяжательного купечества. Горьковский городок Окуров — некий символ уезда, уездной жизни,— он так типичен для старой России, что и само имя его стало нарицательным. Душно было в российских Окуровых: все живое, цепкое к жизни, способное к каким бы то ни было большим делам, уходило из таких городишек в губернию, в столицу искать применения своим силам, спасаясь от дикости, пьянства, от уездной одури. И даже, казалось бы, вовсе не приспособленные к жизни милые чеховские сестры, и те мечтали уехать («скорее в Москву») из своей тихой заводи, лишь бы не видеть опостылевшего мирка мелких людей и нудной скуки.

Революция смела, взорвала, перепахала уездную жизнь. Многие города разрослись — стали крупными индустриальными центрами, обзавелись собственными вузами, техникумами, дворцами культуры, электростанциями, асфальтовыми мостовыми, трамваями и троллейбусами. Их уже и не узнаешь, если приедешь после долгого отсутствия: так, какая-нибудь старая ветла, зажившаяся у берега реки, напомнит вам прежний городок, или если нырнете вы в переулочки с заборами и трехоконными домишками, то может показаться вам, что видите вы нечто прежнее, давно знакомое... Уезда, прежнего российского уезда, нет, но бывает так, что сквозь кипучую молодь нового проступают черты старого, черты, еще не стершиеся, напротив, обнаруживающие подчас удивительную живучесть. И речь идет здесь, конечно, не о внешнем облике города, не о заборах и трехоконных домишках с палисадниками и неизбежной лавочкой у ворот. Нет, речь идет о живучести уездных нравов, уездного духа, так нелепо и странно сожительствующих с тем новым и светлым, что принесено революцией.

«Кончишь работу — деваться некуда»

Четыре часа везет вас поезд от станции Сонково по ветке до города Весьегонска. Поезд мал, в нем всего три пассажирских вагона, но один из них цельнометаллический, и в нем можно без пересадки доехать из Москвы в Весьегонск. Поезд идет медленно; плывут перед глазами леса в горячей, пламенной осенней окраске, широкими разводьями лежат поля — лен, всюду лен кругом,— здесь сторона льноводческая; деревни стоят на косогорах, горделиво избоченясь; в льноводческих колхозах живут хорошо, много новых домов, сверкающих свежим тесом: строится народ, прихорашивает свое жилье.

Весьегонск встречает вас оглушительной тишиной своих улиц,— и это сразу удивляет, особенно после Москвы, оставленной пятнадцать часов назад; тишина кажется необычной; улица широка, песчана, изредка пройдет машина, пропылит; прохожие непременно обернутся вам вслед: здесь каждый новый человек на виду. Встречных, впрочем, не так уж много: две старухи с кошелками, молодой человек с брезентовым портфелем, дядька на подводе, покрикивающий: «Эй, берегись!»,— хотя, собственно, беречься нечего: конек староват, особой резвости не обнаруживает... Приехавшие с поездом разбрелись кто куда — еще тише стало вокруг, и кажется, что городок если не спит, то, во всяком случае, дремлет. Ну, разумеется, вам придется повоевать в Доме колхозника — единственном обиталище для странствующих и путешествующих,— чтобы получить койку, привлечь к содействию весьегонские власти, и, в конце концов, вы устроены. Сквозь окно вашей комнаты открывается вид на поле, далекий лес, а над вашей головой — потолок с таким сложным рисунком от недавнего дождя, просочившегося сквозь крышу, что мерещится вам, будто видите вы на нем карту сказочной страны с островами, заливами и реками...

У нынешнего Весьегонска сложная судьба: находясь в углу Калининской области, недалеко от вологодских и новгородских земель, он вместе с тем стал морским городом. Не удивляйтесь, это чистая правда: Рыбинское море подошло к городу вплотную, и над Весьегонском зашумели морские ветры. Городу пришлось потесниться, отступить, большую долю своей территории отдать под морское дно и отстраиваться заново; главная улица, идущая к вокзалу, самая молодая часть города. Все дома деревянные, одно только здание каменное — школа-десятилетка! И это очень хорошо, что не пожалел маленький город средств для школы: семьсот ребят учатся в здешней десятилетке,— в старом уездном городе так бы не поступили: «Хватит и уездного училища, да приходских — ученость нам ни к чему...»

Вот и библиотека города,— занимает целый дом,— тоже почтенный очаг культуры; приятно видеть, что весьегонцы любят свою библиотеку и скромный читальный зал ее полон. В городе десять тысяч жителей, а абонентов в библиотеке для взрослых одна тысяча двести. Нет, в старом уездном городе этого бы не увидать: книга в Окурове не была в почете, человек с книгой в руках почитался странной, а то и опасной личностью: «Может, у него в голове идеи».

Но, к сожалению, перечень весьегонских очагов культуры придется на этом и оборвать, ибо — вот что поистине удивительно! — нет в городе ни Дворца культуры, ни клуба, ни кино. Разве можно назвать кинотеатром сарай на двести пятьдесят мест, никогда не отапливаемый, продуваемый всеми ветрами? Разве можно назвать клубом покосившийся домишко возле винного заводика, где от горькой нужды выплясывает кадрили и полечки тоскующая весьегонская молодежь? И уж, конечно, не причислим мы к очагам культуры чайную № 1, именуемую в просторечии «Голубой Дунай», откуда по вечерам вываливаются охмелевшие парни, орущие «Шумел камыш», причем непостижимо, чем они там напиваются, ибо, кроме пива и ванильного ликера, там ничего не найти. И трудно назвать очагом культуры маленький клуб маленького деревообделочного завода: туда и ходить далеко, да и что, собственно, там найдешь и увидишь?..

И вот, когда наступает ранний осенний вечер, город цепенеет — пусто в городе и темно. Электрический свет виден только на окраинах, поближе к железнодорожной станции, к предприятиям города. Все остальное освещается керосиновыми лампами, в том числе и библиотека, что уж вовсе стыдно, ибо это, пожалуй,— единственное место, где весьегонскому жителю можно посидеть в чистой, культурной обстановке, почитать газеты, журналы, книги... А ведь совсем недалеко от Весьегонска мощные электростанции, дающие свет и силу на сотни километров, но этой благо-

дати Весьегонску не досталось: забыли о нем.

Учительница Елена Дмитриевна Королева, парторг школы-десятилетки, говорит прямо, без всяких оговорок:

— Живем в культурном отношении плохо, тяжело. Кончишь работу — деваться некуда. Хоть бы труппа какая-нибудь приехала. Впрочем, приедет — ей и выступить негде... Вот ждем, когда отстроят кинотеатр...

Недалеко от школы и впрямь сооружается каменный кинотеатр, пока что мы видим четыре голые стены...

— И давно его строят?

— Давно. Четвертый год... Летом у нас еще ничего: красивая природа вокруг, а вот зима наступит, завалит сугробами город — все сидят по домам, как мыши. «Ни зашелохнет; ни прогремит».

Отсюда понятно, почему такой излишней популярностью пользуются в Весьегонске «Голубой Дунай» и иные заведения подобного рода — «Бабьи слезы» и «Бабье горе» (названия эти, конечно, не официальные, но довольно точные); отсюда понятно и то, что частенько «шумит камыш» и в квартирах жителей весьегонских, ибо деваться некуда.

— Хоть самодеятельность бы какую организовали — драмкружок, хор... Ведь в городе немало интеллигенции: семьдесят учителей, добрый десяток медицинских работников.

— А где? На какой базе?

...Действительно негде.

Кто виноват!

Еще в 1918 году в Весьегонске усилиями местных партийных и советских работников, местной интеллигенции был создан краеведческий музей. В своем обращении к гражданам города уездный исполком писал: «Товарищи! Отнеситесь серьезно к данному делу и придите на помощь музею, собирая для него все редкие старинные и необходимые для сохранения вещи. Спасибо за это скажут после вам весьегонские дети...»

Во главе этого дела стал учитель Александр Александрович Виноградов, который, можно сказать, всю свою душу, все силы вложил в организацию музея. Музей стал настоящим культурным очагом в городе; там читались лекции, сотни экскурсантов посещали его: музеем гордились весьегонцы и радовались тому, что у них, в провинции, удалось создать такое большое дело...

«Спасибо скажут весьегонские дети».

Но спасибо сказать не придется: в 1954 году музей закрыли. Как? Почему? Оказывается, что это — убыточное предприятие. Не в пример «Голубому Дунаю», музей прибыли не давал. А раз прибыли нет, о чем тут разговаривать! При благосклонном содействии областных организаций музей растащили на клочки, а что не смогли или не захотели вывезти, то зарыли в землю. Картина Гвидо Рени «Положение во гроб Христа Спасителя» (весьегонцы утверждают, что подлинник!) была уничтожена по той причине, что в ней содержался «религиозный дурман». Картина Верещагина «Спаситель» исчезла вовсе. Коллекция старинного оружия погибла вся. Старинные печати свалили, как ненужный хлам. Их отрыл в яме на берегу Рыбинского моря Александр Александрович Виноградов. Причем 73-летний старик копался там самолично, никто ему не помог.

И когда спрашиваешь местных работников об этом неслыханном позорище — разгроме музея,— то получаешь ответ:

— Непонятно, как это произошло. И кто тут, собственно, виноват, до сих пор не разберем.

В общем, история об унтерофицерше: никто ее не сек, «она сама себя высекла».

В гостях у Александра Александровича Виноградова

Он жив еще, этот интересный, далеко не заурядный человек, и не только жив, но и бодр духом и телом, полон энергии, попрежнему страстен в речи и темпераментен в делах своих старый добрый весьегонский учитель Александр Александрович Виноградов. Это тот самый Виноградов, который в 1920 году ездил в Москву делегатом от весьегонского учительства, беседовал с Лениным и написал о своей беседе маленькую книжку, пользующуюся большой известностью. Это тот самый Виноградов, ученый — краевед и археолог, который стоял у колыбели весьегонского музея, который вырастил, воспитал и обучил за полвека своей учительской деятельности сотни и тысячи учеников, ставших, в свою очередь, учителями, врачами, инженерами, художниками, партийными и советскими работниками. Имя Виноградова пользуется большой известностью далеко за пределами Весьегонска и всего района — и в Академии педагогических наук, и в Калининском институте усовершенствования учителей, и в Московском педагогическом институте; он, 73-летний человек, переписывается с учеными — фольклористами, археологами, краеведами, и все относятся к нему с должным уважением и почтением.

Очень хорошо написала о нем студентка Московского педагогического института Лидия Козаченко в студенческой газете «Ленинец»:

«Представьте себе человека в 70 лет. Как по-разному выглядят люди в таком возрасте! И только тот, кто всю жизнь живет с благородной целью беззаветно служить народу, сохраняет в эти годы энергию, прекрасную человеческую простоту в обращении и страстное, искреннее желание помочь молодым. Студентам географического факультета довелось встретиться с таким человеком. Александр Александрович Виноградов приехал к нам на одну из географических пятниц. Тридцать километров до станции старый учитель шел пешком...»

Высокий, стройный, красивый старик, Александр Александрович Виноградов, встретил нас с большой душевностью, радушием и той приятной, несколько старомодной вежливостью, которая сразу дает вам ощущение того, что вы здесь желанный гость и дом хозяина — это ваш дом.

Виноградов учительствует сейчас в Горской средней школе, в тридцати километрах от Весьегонска, преподает детям географию.

Весьегонск для села должен был бы выглядеть этакой столицей, неким средоточием культуры, но, увы, следует сказать, что в селе признаков культуры найдешь, пожалуй, больше, чем в городе. Электрический свет, хорошие, добротные крестьянские дома, хорошо обставленная школа, радиоприемники и патефоны в квартирах, явственно ощущаемый колхозный достаток — все это радует сердце, и понимаешь, что с прежней деревенской жизнью, бедной и жалкой, покончено навсегда...

Старый учитель, неугомонный энтузиаст, внес в окружающую его жизнь свой труд, жар своего сердца, и вот рядом с его домом в простой деревенской избе мы видим учреждение, для деревни совсем необычное, — краеведческий музей!

Две тысячи экспонатов в этом музее. Не только школьники, но и взрослые крестьяне из разных окрестных и дальних селений посещают этот музей — экскурсиями и в одиночку. И все они уносят оттуда познания о природе и богатствах родного края и чувство благодарности к старому учителю, всегда приветливому, радушному, толково объясняющему, ученому человеку. «Наш Александр Александрович»,— говорят про него. И действительно «наш»: народный, крестьянский учитель и просветитель!

В Весьегонске закрыли музей («за ненадобностью»!), в селе Гора его открыли.

Музей этот интересен не только тем, что в нем собрано много экспонатов — образцы местных почв, минералов, старинной одежды, орудия труда, исторические реликвии, — музей этот ведет большую научную краеведческую работу, имеет прочный актив из сельской молодежи, организует лекции, собирает фольклор, издает краеведческую стенную газету, выходящую регулярно, состоит в переписке с различными научными учреждениями.

В музее Горской школы (Весьегонского района) Александр Александрович Виноградов беседует с учениками.

Вот что пишут ученики школы села Гора Михайлов, Голубкова и Романов о своем музее:

«Изучая полезные ископаемые местного края, мы обнаружили в его недрах огромные залежи известкового туфа и торфо-туфа, которые используются сейчас в качестве удобрений наших колхозных полей. Пробы туфа, глин и местных песков для анализа мы отправляем во Всесоюзный институт минерального сырья. Анализы их показали, что в местном известковом туфе содержится 85 процентов солей кальция, что имеет большую ценность при удобрении наших почв с их высоким показателем кислотности. Кроме того, нами открыты в районе залежи сероводородных грязей, содержащих в себе очень высокий процент сероводорода. В Институте курортологии был сделан анализ проб наших грязей, и из Министерства здравоохранения СССР и из Калининского облздравотдела мы получили отношение, что в наш район назначается научная экспедиция по обследованию водных бассейнов с сероводородными грязями. Мы вели агитацию среди местного населения о практическом использовании колхозами не только минерально-сырьевых ресурсов края, но и его водных богатств — гид-

розэнергии местной реки Рени (правый приток Мологи). Мы имеем большие успехи: все местные колхозы сейчас не только электрифицированы, но и радиофицированы.

Весь Весьегонский район под руководством археолога и учителя А. А. Виноградова мы обследовали в археологическом отношении; нами обнаружены славянские курганные погребения VII—XI веков, а также открыта на берегу реки Рени неолитическая стоянка людей каменного века (позднейший неолит).

Нами собран богатейший материал по фольклору, доходящий до сорока пяти тысяч произведений устного народного творчества. Кроме того, мы передали в Московский Гослитмузей около сорока тысяч произведений фольклора и недавно от заведующего фольклорным отделом музея тов. Минц С. А. получили сообщение, что данным материалом пользуются в настоящее время не только научные работники музея, но и студенты университета и педагогических вузов города Москвы».

В этом рассказе школьников ничего не преувеличено. Да, так и есть!

Как же не радоваться тому, что в селе возник такой культурный очаг, как же не гордиться им?

Но, может быть, были отпущены большие средства для организации сельского краеведческого музея, может быть, весьегонские и калининские работники, желая смягчить впечатления от своего набега на весьегонский музей, решили замолить грех и подали руку помощи селу? Ничего подобного! Музей создан Виноградовым и его учениками, никакого отношения к нему весьегонские деятели не имеют.

Но, может быть, Александра Александровича Виноградова окружили после этого почетом, вниманием, простерли к нему свое благоволение? Ведь, право, он заслуживает не только того, чтобы ему не мешали, но и того, чтобы всячески помогали и поощряли!

— Чуть не выгнали, — сказал нам Александр Александрович, — право, чуть не выгнали. Несколько лет меня ели поедом, и только вот теперь я малость вздохнул: освободили от работы директора нашей школы Быченкова Ивана Михайловича. Он меня ел, а все кругом посматривали...

И это тоже горькая правда. Быченков, в прошлом сам ученик Виноградова, вконец донял своего старого учителя. И успеваемость учеников у него плохая (зачем ставит двойки?); и сам-то он при кровавом Николае служил, учительскую кокарду носил; и «задается» он, непочтительно относится к директору; и музеем каким-то занимается (для чего, неизвестно, подумаешь, какой ученый!). Однажды даже попытался директор обвинить Виноградова в том, что ведет он растлевающую агитацию среди учеников. Какую же? А вот прочитал Виноградов на уроке стишки:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.

— Чей же это, спрашивается, ангел? Наш ли это ангел? Безусловно, не наш,— беспокоился Быченков.

О том, что учитель цитировал Лермонтова, директор школы не подозревал...

Быченкова наконец сняли, но вовсе не за то, что он травил Виноградова. За Виноградова никто не счел долгом вступиться — почему же? Да потому, что и до сих пор он в глазах культуртрегеров города Весьегонска всего только старый чудак, смешной со своим энтузиазмом, со своим музеем и своим просветительством.

Стыдно?

Да, стыдно!

Зарема Афанасьева отправляется по колхозам с новыми книгами.

Врач и жена прокурора

Живет в Весьегонске врач-хирург Иван Афанасьевич Костромов, старый член партии, и двадцать пять лет лечит людей.

Это крупный человек с простым, крестьянским лицом прирожденного весьегонца и сильными руками хирурга. За двадцать пять лет работы он сделал около пятнадцати тысяч операций, иначе говоря, спас жизнь тысячам людей, ибо к хирургическому ножу прибегают, как правило, тогда, когда других способов спасти жизнь человеческую нет.

В прошлом он был учеником Александра Александровича Виноградова, который в 1918 году его, деревенского мальчишку, чуть ли не силком повез в Москву, почуяв в нем парня способного, повез под стенания семьи, провожавшей своего Ванюшку на ученье так, словно его везли на каторгу. До сих пор Иван Афанасьевич говорит о своем учителе с нежностью, как о человеке, который дал ему путевку в жизнь.

Иван Афанасьевич тяжеловат, мрачен, выглядит нелюдимым. Да и в самом деле, оградился Иван Афанасьевич от весьегонского общества своей мрачностью, знает свою больницу, свою операционную, нигде не бывает, кроме как у больных, да и к нему мало кто заходит. О весьегонском обществе рассказывает в духе Собакевича: «Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

Впрочем, прокурор здесь приведен фигурально, о прокуроре весьегонском Иван Афанасьевич как раз ничего и не говорил.

Иван Афанасьевич, умный, образованный врач, недавно сдал большой диссертационный труд «Венозные клапаны», над которым работал семнадцать лет. Кроме того, более сорока научных статей опубликовано им в медицинских журналах; его знают в медицинских кругах, говорят о нем, как о человеке, который, живя в провинции, ведет серьезную научную работу...

Но почему же так мрачен Иван Афанасьевич, так нелюдим? Почему на его лице запечатлелось этакое ожесточенное выражение, какое бывает у человека, который устал бороться?..

К тому есть свои причины. Главная из них кроется в характере Ивана Афанасьевича. Другой бы старался ладить с окружающими его людьми, а особенно с начальством, а он не умеет.

Приехал некоторое время назад новый прокурор в Весьегонск — Меркулов Виктор Сергеевич. У прокурора жена, Елизавета Петровна,— медицинская сестра. Прокурор звонит Ивану Афанасьевичу и просит (очень вежливо) устроить его жену на работу в больницу. Другой бы сказал: «Пожалуйста, выгоню свою хирургическую сестру, с которой работаю двадцать лет, а вашу жену возьму», — а Иван Афанасьевич этого не сделал. Так взял и отрезал: «Вакансий нет, будет вакансия — пожалуйста!».

Пожилой, можно сказать, человек, а сообразительности не проявил. Чем все это кончилось, легко догадаться: Ивана Афанасьевича с должности главного врача сняли и даже вынесли решение: «Просить облздравотдел прислать в Весьегонск другого хирурга». За что же? За злоупотребление служебным положением: он держал свою личную лодку в пустом больничном сарае. Кроме того, прокурор поспешил завести на старого врача новое дело «по обвинению в спекуляции моторными лодками». «Дела», собственно, никакого не было, но врачу потрепали нервы, он был скомпрометирован, что и требовалось доказать. Костромова поспешили вывести из состава пленума райкома. А Елизавета Петровна? Она, конечно, работает в больнице, как же иначе?! Для нее создали ранее не существовавшую должность старшей медицинской сестры!

Эх, Иван Афанасьевич! Не хватило у вас силенок бороться с прокурором, перекусил он вас.

Вот и сидите теперь бирюком...

— Не жалко мне моей должности главного врача, не в этом дело, — говорит Иван Афанасьевич, — с меня хватит и хирургической работы, а обидно, обидно до слез! Двадцать пять лет тяжелого врачебного труда — и вот вам благодарность. От партийной жизни я не оторвался, — продолжает он, мрачно посмеиваясь, — Елизавета Петровна, хоть и беспартийная, находится в курсе всего, что происходит в райкоме, на бюро. Ей муж рассказывает, она сестрам и санитаркам, а те мне. Информация всегда бывает точной и безошибочной, и я, таким образом, осведомлен... И за то спасибо!

«Некогда!»

Но почему же не заняться городом, его благоустройством, его культурой, его людьми, его интеллигенцией райкому партии, в частности, скажем, первому секретарю Михаилу Ивановичу Видонову? Все о нем говорят хорошо, тепло. Почему же не чувствуется его руки, твердой и сильной, в городе? Как-никак, Весьегонск — центр большого района, ему не к лицу быть захолустьем.

Некогда — вот, пожалуй, единственное объяснение! Когда секретарь райкома находится в городе (а чаще он в разъездах по селам), то обычная деловая поза секретаря в его кабинете такова: телефонная трубка у уха и вечный, неумолкающий разговор с «периферией»: как хлебопоставки, как с яровыми, с картофелем, с ремонтом застрявшего где-то комбайна, с расстилом льна, с озимым севом? На столе у секретаря сводки, цифры и планы. Если звонок из области, а звонят по нескольку раз в день обязательно, то опять те же дела. За хлеб, лен и картофель взыскивают, за город и его жизнь не взыскивает никто!

Живет город, и ладно, вопросов нет. А раз вопросов нет, то и задумываться нечего: некогда!

Партийный актив весь в селе — с понедельника до субботы. Все это, разумеется, нужно и важно, кто же станет отрицать?

Ну, а судьба города? Она находится в руках работников третьестепенных, с которых, собственно, и спросить нечего. На все вопросы у них один готовый ответ:

— От нас это не зависит!

Не зависит ни от кого, что в городе бескультурье, что нет света, нет настоящего клуба, кинотеатра, грязная баня, скверные магазины... А ведь в Весьегонске, как и в любом советском городе, есть, как мы видим, хорошие, интересные люди, прекрасные работники, подлинные энтузиасты. Помогать им надо, любовно выращивать, оберегать от глупцов, равнодушных чинуш, мещан-«окуровцев»...

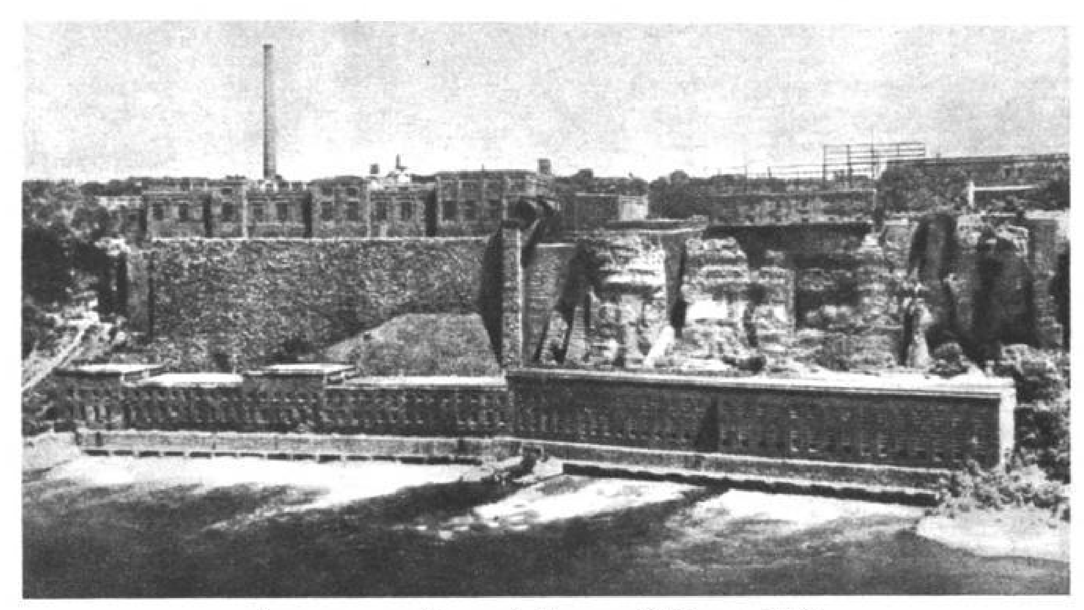
В библиотеке трудятся отличные, преданные делу работники: Елена Васильевна Глинская, Софья Яковлевна Афанасьева, ее дочь, девятнадцатилетняя Зарема, студентка-заочница Московского библиотечного института, Наталья Дмитриевна Постникова. Кто же им помогает? Да, собственно, никто...

— Будем бороться за то, чтоб у нас горел электрический свет, — говорит Глинская.

А почему надо «бороться» за это? С кем бороться? С горсоветом, с райисполкомом?

Тихий городок — Весьегонск, хороши его окрестные леса, большая вода подошла к городу, — недалеко то время, когда возникнут в городе большие предприятия, расширятся его пределы.

И чем скорее здесь будет покончено с чертами прежней уездной жизни — такой чуждой и нелепой в наше, советское время,— тем легче будет расти и крепнуть Весьегонску. Край кругом большой, богатый, только руки, настоящие хозяйские руки надо приложить к нему — и город, естественный центр Весьегонской стороны, станет тем, чем он должен быть, — хорошим, благоустроенным, веселым, жизнерадостным советским городом...

Гидростанция Шелкопф 7 июня 1956 года, 17.00.
Фото из американского журнала «Электрикал уорлд».

Тысячетонные глыбы скалы с высоты 150 метров обрушились на машинное здание станции. Первым же ударом одно крыло здания ГЭС было снесено в ущелье. Затем сверху отделилась огромная часть скалы, медленно качнулась и, обрушившись вниз, снесла центральную часть здания. Колоссальные массы камня превратили в бесформенную кучу металла пять самых крупных гидротурбин и генераторов общей мощностью в 234 тысячи киловатт.

Уцелевшая часть машинного зала была на 3 метра затоплена водой, завалена камнями и выведена из строя.

В течение нескольких дней после катастрофы не удавалось остановить поток воды. Чтобы сделать это, пришлось выше места обвала сооружать перемычку.

По заявлению вице-президента компании «Ниагара мохок» Чарльза Уика, ущерб, причиненный катастрофой, составляет примерно 100 миллионов долларов, не считая огромных убытков, связанных с прекращением электроснабжения крупных химических и обрабатывающих предприятий, подключенных к ГЭС Шелкопф.

Как сообщает американский журнал «Электрикал уорлд», сотрудники компании «Ниагара мохок» и специалисты-геологи полагают, что причиной обвала явилось землетрясение. Слабое землетрясение в этом районе действительно было зарегистрировано 7 июня сейсмическими станциями.

Другой американский журнал, «Модерн пауэр энд инжениринг», считает, что землетрясение только ускорило катастрофу, которая объясняется тем, что построенный много лет назад туннель не имел бетонной облицовки, как это принято делать в настоящее время. Скопление воды в трещинах и щелях из-за сильного давления могло привести к тому, что часть скалы обрушилась. Меры для предупреждения обвала были приняты слишком поздно.

Инженер **В. СТЕКЛОВ**

Катастрофа на Ниагаре

Американские журналы недавно сообщили подробности одной из крупнейших в истории гидротехники катастроф. Эта катастрофа произошла 7 июня, в 17 часов, в ущелье реки Ниагары и привела к разрушению большей части гидроэлектростанции Шелкопф.

Шелкопф — одна из наиболее мощных гидроэлектростанций на Ниагаре. Ее мощность — 334,8 тысячи киловатт. Станция строилась очередями в течение нескольких лет.

Незадолго до катастрофы в стенах здания станции, расположенного у подножия скалы, стала обнаруживаться незначительная течь. Вызванная бригада рабочих — 35 человек — должна была остановить просачивание воды. Однако меры, к которым прибегла бригада, не дали результатов.

7 июня появились первые признаки катастрофы. Там, где раньше просачивались капли, вода стала бить струей. Поток воды ворвался в здание станции, увлекая с собой груду камней. Начали трескаться стены. В здании вылетели стекла из окон. Бетонный пол машинного зала был исковеркан.

Рабочие в панике искали спасения. Машинист Ричард Дрейпер был сброшен сползающей скалой на выступ ниже станции, смыт волной и погиб в бушующих водах Ниагары.

Гидростанция Шелкопф 7 июня 1956 года, 17.30.

Письмо из Рима.

ЗАБАВНАЯ ДИСКУССИЯ

Несколько недель всю Италию занимал забавный случай, происшедший с Марией Луизой Гароппо из Казаль Монферрато. Эта молодая, живая и симпатичная девушка из провинции стала предметом неожиданной острой полемики между католическими и светскими газетами.

Поводом послужила популярная игра под названием «Откажись или удвой», которая практикуется в итальянском телевидении. Желающие принять в ней участие выступают на экранах телевизоров, отвечая на вопросы, касающиеся ими самими выбранной темы. В зависимости от количества вопросов, на которые они правильно ответят, они могут получить премию от 40 тысяч до 5 миллионов лир [1]. Многие итальянцы включаются в эту игру. Дело здесь не столько в культуре, сколько в хорошей памяти. Многие участники игры стали популярными, как, например, человек, знавший все о чемпионах футбола за последние полстолетия или о русской литературе прошлого века.

Вместе с другими претендентами в студии телевидения появилась Мария Луиза Гароппо. Выбранная ею тема — греческая трагедия. Она удачно ответила на ряд вопросов и получила приглашение явиться на следующей неделе, чтобы объявить, хочет ли она удовлетвориться выигранной суммой или предпочитает продолжать игру.

Но совершенно неожиданно газета «Куотидиано», орган партии «Католическое действие», выступила с яростными обвинениями против руководителей телевидения. Они-де насаждают в народе безнравственность. По утверждению «Куотидиано», некоторые «физические данные» Марии Луизы могли вызвать у зрителей... греховные мысли.

В Италии народ весьма живо реагирует на подобные выступления клерикалов. Позиция, всерьез занятая в этом вопросе католической газетой, сделала ее мишенью хлестких шуток и прибауток. Тем более, что сама «Куотидиано», боясь совершить смертный грех, искусно избегала в своей филиппике уточнять, о каких «данных» шла речь.

«Вочэ републикана», газета республиканской партии, язвительно указала воинствующим ханжам на то, что человеческое тело «божественного происхождения».

И потом, как могли бы учителя математики, спрашивала газета, не вызывая гнева служителей церкви, объяснять невинным юнцам правила измерения округлости или, упаси боже, полушарий!

Газета «Куотидиано» взбешена, ей вторит вся клерикальная пресса. У редакторов «Вочэ републикана», вопят они, «мозги блуждают среди призраков мертвого мира».

Левые газеты поднимаются на защиту «Вочэ републикана». Газета социалистической партии «Аванти» замечает:

«Быть может, это и призраки, но призраки довольно дородные; и, в конце концов, мы именно этим призракам обязаны тем, что мир не умирает».

Моралисты из «Куотидиано» совсем теряют голову. «Это язык солдатской казармы!» — неистовствуют они.

Час от часу растет интерес телезрителей к исходу затеянной клерикалами перепалки. В газетах появляются предположения, что для следующего выступления в телевидении бедной Марии Гароппо придется сшить специальное одеяние, может быть, монашескую мантию францисканцев, по своему покрою весьма пригодную для сокрытия всего того, что взволновало церковную братию.

В долгожданный вечер выступления Марии Луизы происходит непредвиденное. Конферансье появляется на экране и оглашает медицинское свидетельство, в котором говорится, что Мария Луиза Гароппо не может выступить, так как вследствие нервного напряжения у нее шок.

Миллионы телезрителей разочарованы. Они подозревают трюк и требуют в ряде писем в газеты, чтобы Гароппо выступила и чтобы моралисты из «Куотидиано» оставили в покое телевидение и девушек.

Ханжи повержены. Девушка из Казаль Монферрато снова появляется на экранах телевизоров. Она правильно отвечает на вопросы и в пику «Куотидиано» получает заслуженную крупную премию.

Так была выиграна небольшая, но забавная битва против обскурантизма, смешанного с лицемерием.

Последнее слово осталось за газетой, выступавшей в этой полемике против «Куотидиано». «Вочэ републикана» опубликовала сообщение, которое, правда, трудно проверить: на каждые десять телезрителей в вечер выступления Гароппо приходилось, по мнению газеты, по крайней мере четыре священника.

И еще какой-то остряк, каких много в стране Боккаччо, сказал, что если чьи-то глаза видят такое, чего не заметили другие,— это значит, что они именно это и хотели увидеть.

Альберто **ЯКОВЬЕЛЛО**

Мария Луиза Гароппо из Казаль Монферрато.

[1] 1 000 лир — около 6 рублей 50 копеек.

ЦВЕТНЫЕ ЛИНИИ НА ЩИТЕ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Три инженера — три дежурных диспетчера — сидят в ряд за длинным столом. Они управляют энергосистемой такой большой территории, что на ней уместились бы четыре европейских государства: Бельгия, Дания, Голландия и Швейцария.

Все инженеры окончили один и тот же институт — Московский энергетический, — только в разные годы. Старший диспетчер, тот, что сидит в центре, Гурий Сергеевич Соколов, справа и слева от него — А. И. Обрезков и А. А. Козьмин.

У каждого диспетчера телефонный коммутатор с десятками рычажков и сигнальных лампочек, который соединяет их со всеми электрическими станциями, подстанциями и сооружениями Московской энергетической системы, самой крупной в нашей стране. Вот три инженера и управляют ею отсюда, из диспетчерского пункта, хотя многие электростанции отстоят за несколько сот километров от дома, в котором мы находимся. Из широкого окна видна одетая в гранит Москва-река.

Диспетчеры сидят лицом к пульту управления, который протянулся вдоль всего зала, и к рельефной схеме Московской энергетической системы, занимающей огромную стену. Поворот любого рычага на пульте управления тотчас же отражается на схеме: сигнальный глазок начинает мигать, как бы говоря этим, что где-то далеко автоматы выполняют приказ диспетчера о включении в работу гидрогенератора.

Ознакомимся с этой схемой. На ней четыре тысячи двести сигнальных лампочек, и нужен немалый опыт, чтобы сразу увидеть любой сигнал. Схема охватывает территорию нескольких областей: Московской, Рязанской, Тульской, Ярославской и других. На ней отражены десятки электрических станций, от московских тепловых до гидростанций волжского каскада, дающих электроэнергию столице и другим городам, входящим в Московскую энергетическую систему.

Щит на стене изрезан цветными линиями. Они показывают связи электростанций между собой и с районами снабжения энергией. Цвет линии говорит о напряжении в сети. Больше всего линий желтых и красных — это 220 и 110 тысяч вольт. Но видны и голубые, и синие, и зеленые, и оранжевые линии: так разнообразно напряжение тока с различных электростанций. Недавно появилась линия нового цвета — белого. Это — передача с Куйбышевской ГЭС. Ее напряжение — 400 тысяч вольт. Пока что небольшая белая полоска протянулась в правом верхнем углу.

— Скоро на схеме появится вторая белая линия, — говорит главный диспетчер Мосэнерго Вадим Константинович Мешков. — Это будет означать, что в строй вступила еще одна подстанция, передающая ток с Куйбышевской ГЭС. Уже и сейчас Куйбышевская гидроэлектростанция оказывает существенную помощь в снабжении электроэнергией столицы и других городов. Благодаря этому мы отменили всякие ограничения в пользовании электроэнергией для бытовых нужд и имеем резервы для покрытия потребностей развивающегося народного хозяйства.

Показывая на одинокую белую полоску, Вадим Константинович продолжает:

— Через несколько лет белый цвет будет основным на нашей схеме: напряжение в 400 тысяч вольт, как наиболее эффективное и экономичное для дальних передач, получит широкое распространение.

...В зале тихо. Мягкая дорожка заглушает звуки шагов. На схеме горят тысячи зеленых глазков. Как и на железной дороге, здесь зеленый цвет означает, что путь для тока открыт, работа протекает нормально. Кое-где горят красные сигнальные лампочки: в этих точках электрическая сеть разомкнута.

Инженер Соколов подходит к схеме, берет в руки штангу, напоминающую указку. К концу ее прикреплен магнит. Соколов дотрагивается магнитом до металлического значка, на котором начертана буква «Т». Магнит снимает значок с буквой.

— Текущий ремонт окончен, — объясняет нам Соколов. — Об этом сообщили мне по телефону.

Соколов идет к пульту, поворачивает ключ управления — и красная сигнальная лампочка на схеме Щербаковской ГЭС гаснет, на месте ее вспыхивает зеленый свет.

Диспетчеры работают спокойно. Они знают по опыту, когда стрелка отклонится вверх, а когда опустится вниз. В потреблении электроэнергии есть повторяемость, которую можно предвидеть заранее. Так, ночью, когда затихают города, прекращают работу электрички и останавливаются многие предприятия, расход электроэнергии понижается. Но это длится недолго. Уже в четыре часа утра жизнь закипает снова. В течение нескольких минут расход может увеличиться на сотню тысяч киловатт.

В напряженные часы включаются новые агрегаты. Тогда кажется, что диспетчерский пункт — это огромное сердце, которое наполняет жизнью целые районы и гонит по проводам оживляющий ток.

Картина резко меняется в воскресные дни, когда большинство предприятий не работает. Правда, диспетчер должен учесть и погоду, и народные празднества, и многое другое. В теплый летний день увеличится число пригородных электропоездов, а если небо затянуто грозовыми тучами и рано стемнеет, горожане поторопятся зажечь свет. Пульс жизни в субботу изменился за последнее время: рабочий день сокращен на два часа. Об этом и многом другом должен помнить диспетчер.

...Время приближается к полудню. Вдруг на пульте и на щите замигали сигнальные лампочки. Но это не удивило Гурия Сергеевича Соколова. Что же произошло? Наступило, оказывается, время обеденного перерыва. Потребление энергии несколько понизилось. И вот на Щербаковской ГЭС начали регулировку частоты генераторы № 1 и № 2. Они вступили в действие автоматически, едва только спала нагрузка.

Потом позвонили со Щекинской районной электростанции, что находится за Тулой. Дежурный сообщил о неисправности котла и просил разрешения поставить его на ремонт. К утру котел будет отремонтирован.

— Отключите котел, приступайте к ремонту! — сказал в трубку Соколов. При этом он нажал белую кнопку на телефонном коммутаторе. Это означало, что разговор диспетчера со Щекинской ГРЭС записан на пленку. Так поступают во всех случаях, когда диспетчер отдает приказ или производит переключения.

На центральном диспетчерском пункте Мосэнерго.
Фото С. Фридлянда.

Час идет за часом.

Вечер вступал в свои права, и это нашло отражение на приборах.

— Москвичи включили телевизоры, — сказал Соколов, поглядывая на стрелки приборов.

Он подождал несколько минут и потом добавил, словно продолжая начатую фразу:

— ...Только программа сегодня неинтересная!

Диспетчеры могут безошибочно оценить работу Центральной студии телевидения. Уж им-то хорошо видно, сидят ли телезрители у своих телевизоров или они с горечью повернули ручку выключателя!

— Видите, — говорит Соколов, показывая на стрелку прибора, — она была бы много правее, если бы все москвичи включили свои телевизоры. К сожалению, такие случаи стали очень редки. Разве только при особо интересном футбольном матче...

Раздался звонок — и на щите замигали сигнальные лампочки. Что случилось?

Диспетчер объясняет:

— Автоматически отключились выключатели линии Егорьевск — Радовицы напряжением в 110 тысяч вольт. Автоматы не включили линию обратно. Значит, на линии произошло короткое замыкание и линия повреждена. Где это произошло? Можно узнать. Есть прибор, действующий по принципу локации. Но подождите, кто-то вызывает по телефону. Это, вероятно, дежурный диспетчер Коломенского района...

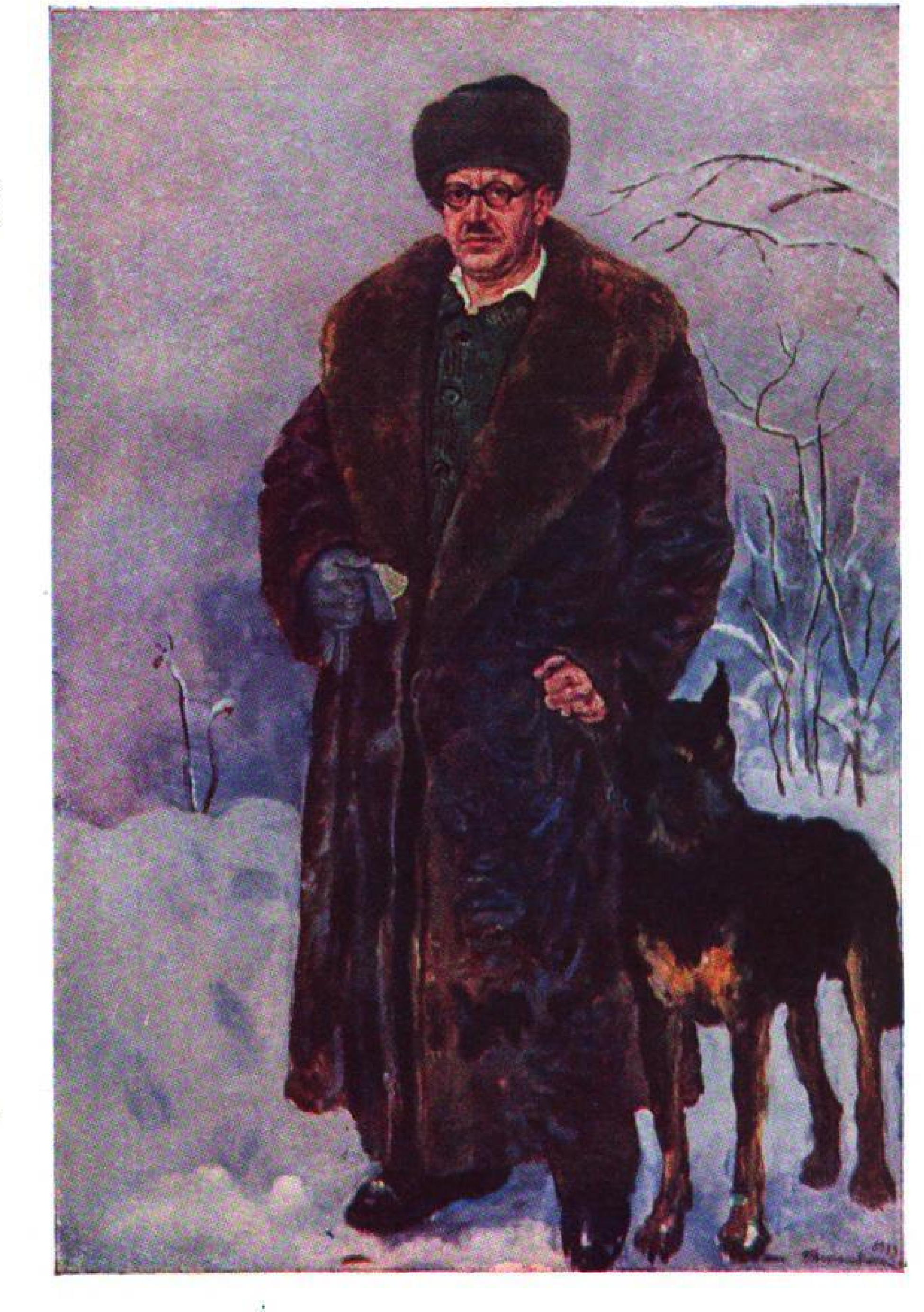
Соколов поднимает трубку коммутатора и продолжает разговор:

— Расстояние — 32 километра? Выезжает аварийная бригада? Хорошо, действуйте!

Пока мы вели этот разговор, аварийная бригада уже неслась к месту происшествия.

Живопись Петра Петровича Кончаловского

1876—1956

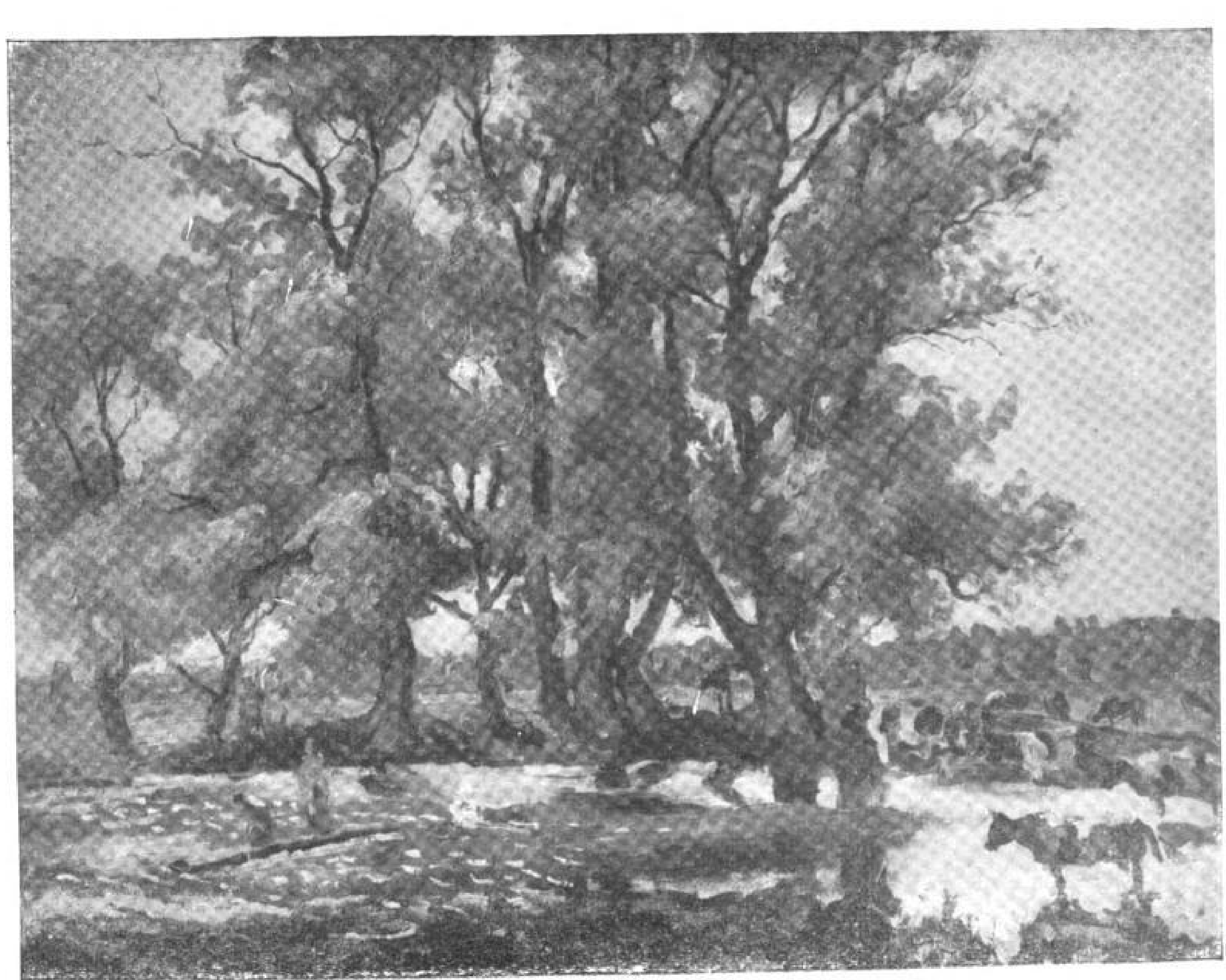

П. П. Кончаловский. АВТОПОРТРЕТ. 1933 год.

С ЯРМАРКИ (НА ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРЕ). 1926 год.

С ПОКОСА. 1948 год.

АНДРОН С СОБАКОЙ. 1949 год.

ПЕЙЗАЖ.

СИРЕНЬ БЕЛАЯ И КРАСНАЯ. 1951 год.

НАТЮРМОРТ НА ФОНЕ ЗИМНЕГО ОКНА. 1937 год.
Государственная Третьяковская галерея.

Недавно в Советский Союз приезжала делегация шведских библиотекарей во главе с директором Королевской библиотеки в Стокгольме г-ном Уно Виллерсом. Во время посещения Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде г-н Уно Виллерс преподнес Публичной библиотеке фотографическое воспроизведение нескольких автографов русских деятелей. Автографы эти хранятся в Королевской библиотеке в Стокгольме.

Наибольший интерес представляет фотокопия неопубликованного письма Пушкина к шведскому дипломату Густаву Нордину. Ниже приводится подлинный текст этого письма (по-французски) и перевод:

Veuillez, monsieur, reçevoir mes très sincères remerciements pour votre aimable contrebande. Me pardonnerez-vous de vous importuner encore?

Il me serait bien nécessaire d'avoir l'ouvrage sur l'Allemagne de ce mauvais sujet de Heine.

Oserai-je espérer que vous aurez la bonté de le faire prendre aussi?

Agréez, monsieur, l'assurance de ma haute consideration.

A. Pouchkine.

Адрес:

Monsieur le Chamb[eellan] Nordin De la part de Mr. Pouc[hkine].

Перевод:

Соблаговолите, сударь, принять мою самую искреннюю благодарность за Вашу любезную контрабанду. Простите ли Вы мне, если я еще Вас затрудню?

Мне было бы весьма необходимо иметь книгу о Германии этого негодника Гейне.

Смею ли я надеяться, что Вы будете так добры, что достанете также и ее?

Примите, сударь, уверение в моем высоком уважении.

А. Пушкин.

Адрес: Господину камергеру Нордину от г-на Пушкина.

Шведский дипломат Густав аф Нордин (Gustav af Nordin), которому адресовано публикуемое письмо, был ровесником Пушкина — родился в 1799 году (умер в 1867 году); он сын видного ученого-историка и политического деятеля Карла Густава аф Нордина.

В 30-х годах прошлого столетия Нордин состоял секретарем шведско-норвежского посольства в России.

В дневнике Пушкина имеется запись: «Вчера (17 декабря 1834 г.) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве — о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc».

Этот разговор, повидимому, происходил в салоне А. О. Смирновой. Пушкин мог также встречаться с Нордином у Е. М. Хитрово и в доме австрийского посланника графа Фикельмона и его жены, известной красавицы графини Фикельмон (дочери Е. М. Хитрово). «Вся животрепещущая жизнь европейская и русская политическая, литературная и общественная имела верные отголоски в этих двух родственных салонах», — писал друг Пушкина князь П. А. Вяземский. По его словам, в салоне Фикельмон «и дипломаты, и Пушкин были дома».

Нордин был в курсе работы Пушкина над историей Петра I. Во время непродолжительного отсутствия посла (декабрь 1836 — март 1837) Нордин был шведско-норвежским поверенным в делах. В донесении министру Веттерштедту о дуэли и смерти Пушкина от 6/18 февраля 1837 года Нордин сообщал: «Император поручил ему написать Историю Петра Великого и г. Пушкин в последние годы занимался изучением и исследованиями, необходимость коих вытекала из столь огромной задачи; те кому довелось познакомиться с отрывками, написанными им уже на эту тему, способную действительно вдохновить русского историка, вдвойне оплакивают его преждевременную кончину». Донесение Нордина, напечатанное в исследовании П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», свидетельствует о глубоком уважении шведского дипломата к Пушкину, о преклонении перед его поэтическим гением.

Из остававшегося до сих пор неизвестным письма выясняется, что Пушкин был настолько хорошо знаком с Нордином, что пользовался его услугами для пополнения своей библиотеки иностранными книгами, запрещенными русской цензурой.

Он благодарит шведского дипломата за какую-то доставленную им «контрабандную» (запрещенную цензурой) книгу и обращается с новой просьбой достать сочинение Гейне о Германии. Речь идет о V и VI томах сочинений Генриха Гейне на французском языке, изданных в Париже в 1835 году. Оба эти тома были озаглавлены «О Германии» («De l'Allemagne»). Они содержали «Романтическую школу», «К истории религии и философии в Германии» и некоторые другие работы Гейне.

Шведский дипломат, очевидно, выполнил просьбу Пушкина. В библиотеке Пушкина имеются V и VI томы сочинений Гейне на французском языке, то есть как раз то самое сочинение, которое просил достать Нордина Пушкин.

Несколько ранее, в апреле 1835 года, Пушкин получил от графа Фикельмона II и III томы сочинений Гейне на французском языке, содержащие «Путевые картины» («Reisebilder»). В одном из этих томов сохранилась записка Фикельмона к Пушкину от 27 апреля 1835 года: «Вот два тома контрабанды, которые граф Фикельмон имеет удовольствие предложить господину Пушкину и которые он просит не отказать принять на память — и как визитную карточку при прощании» (подлинник по-французски).

Отметим, что Фикельмон так же, как и Пушкин, называет добытые им иностранные книги, запрещенные в России, «контрабандой».

В библиотеке Пушкина имеется и IV том сочинений Гейне на французском языке — книга «О Франции» («De la France»), вышедшая в Париже в 1833 году.

Все эти произведения Гейне были подвергнуты в России строгому цензурному запрету.

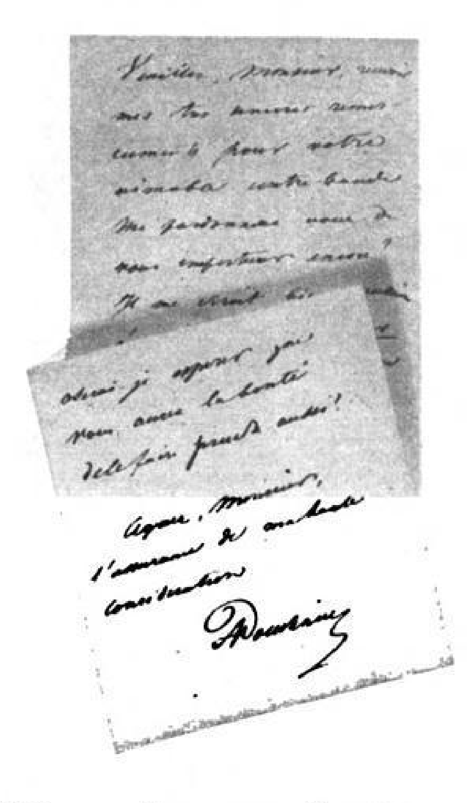
В письме Густаву Нордину Пушкин пишет, что ему «весьма необходимо иметь книгу о Германии». Это внимание к публицистике Гейне было прежде всего связано с работой Пушкина как историка, с теми «изучением и исследованиями, необходимость коих, — по приведенным выше словам Нордина, — вытекала из столь огромной задачи» — создания истории Петра I. Так же, как «История Пугачева», пушкинская «История Петра», над которой поэт работал в 1835 году, должна была быть не только историческим исследованием, но и политически острой, злободневной книгой.

Во II томе сочинений Гейне, хранящемся в библиотеке Пушкина, была обнаружена небольшая заметка Пушкина, связанная с мыслями Гейне о России: «Освобождение Европы придет из России, потому что только там совершенно не существует предрассудков аристократии...» В «Путевых картинах» («Путешествие от Мюнхена до Генуи», глава XXX) Гейне писал, что Россия принесет свободу Европе. Эта мысль привлекла внимание Пушкина, считавшего, что Петр I совершил революцию: «укротил дворянство, опубликовав Табель о рангах, духовенство, — отменив патриаршество». В заметке «О дворянстве» Пушкин писал: «Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)».

Тема революции, крушения феодализма, исторических судеб дворянства, повидимому, привлекала Пушкина к политической прозе Гейне. В предисловии ко французскому изданию «Путевых картин» Гейне поставил вопрос о самом понятии слов «аристократия», «дворянство». «Под словом «аристократия», — пишет Гейне, — я понимаю теперь не только родовую знать, но всех, кто, как бы он ни назывался, живет за счет народа».

Вопрос о том, что такое дворянство, остро волновал Пушкина в 30-е годы и был поднят им в специальной заметке «О дворянстве». Об особенностях русского дворянства беседовал Пушкин с Нордином. Выше мы уже привели запись об этой беседе из дневника Пушкина.

Имея в своей библиотеке три тома заинтересовавших его сочинений Гейне (почти все листы в этих томах разрезаны), Пушкин, естественно, захотел приобрести последующие два тома «О Германии». О трудах Гейне «О Германии» Пушкин, безусловно, знал, так как их отдельные части печатались во французских журналах «Revue de deux Mondes» за 1834 год и «L'Europe littéraire» за 1833 год. Кроме того, большая часть этих работ была издана отдельно в 1833 и январе 1835 года на немецком языке.

Письмо Пушкина к Нордину датируется 1835 годом — годом выхода в свет книги «О Германии». О новой книге Гейне, вышедшей в Париже в конце (по старому стилю в середине) апреля, Пушкин мог узнать не ранее конца этого месяца.

Шутливый эпитет «негодник» («mauvais sujet»), примененный Пушкиным в отношении Гейне, не свидетельствует об отрицательном отношении Пушкина к Гейне, а лишь констатирует дурную репутацию Гейне в определенных кругах европейского и русского общества того времени.

Один из близких знакомых Пушкина, В. Ф. Одоевский, служивший библиотекарем Комитета иностранной цензуры, дал в 1834 году сравнительно мягкий официальный отзыв о «Путевых картинах» Гейне, но и он писал, что хотя шутки Гейне «не могут быть названы собственно вредными, но они неприличны в высшей степени».

В библиотеке Пушкина имеется десятая книжка журнала «Телескоп» за 1836 год. Лишь небольшая часть статей заинтересовала Пушкина, судя по разрезанным листам. Таковой оказалась статья Искандера (А. И. Герцена) о Гофмане. В этой статье содержалась иная, чем у В. Ф. Одоевского, оценка великого немецкого сатирика: «По большей части сочинители, жившие до 1813 г., воображали, что все земное слишком низко для них, и жили в облаках... Теперь, когда Германия проснулась при громе Лейпцигской битвы, явилось новое поколение, более земное, более национальное. Теперь Гейне бичует своим ядовитым пером направо и налево старое поколение, которое разобщило себя с родиной...».

Герцен подчеркивает здесь реалистическую устремленность Гейне, его враждебность реакционному романтизму.

Несомненно, что Пушкин не мог пройти мимо воззрений Гейне, который развернул борьбу с немецким романтизмом, как выражением феодально-католической реакции.

Э. НАЙДИЧ

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

Замыкая летние гастроли театров периферии в Москве, показал свои спектакли Красноярский драматический театр имени Пушкина. Он поставил очень интересный спектакль — инсценировку романа Достоевского «Преступление и наказание». Глубокая режиссерская работа А. Дунаева, умное и темпераментное исполнение главных ролей, превосходные декорации Г. Волкова привлекли внимание зрителей к спектаклю.

Но мы хотим рассказать о спектаклях, которые своим рождением целиком обязаны этому театру, о пьесах, созданных в стенах театра при самом тесном и активном участии его коллектива. Здесь не нарушена была хорошая традиция, установившаяся этим летом на гастролях в Москве,— привозить созданные в содружестве с местными авторами пьесы, которые рассказывают о событиях и жизни людей, неразрывно связанных с родным краем или с судьбами родного города, с его историей и славными традициями.

Театр открыл свои гастроли инсценировкой А. Чмыхало «Хребты Саянские», сделанной по известному одноименному роману красноярского писателя С. Сартакова. В этом спектакле рассказывается история семьи Коронотовых — лесоруба Порфирия и жены его Лизаветы, прошедших долгий и трудный путь к революции.

Многое в постановке найдено и решено удачно. И в декорациях, и в своеобразной манере актерской игры, и в режиссуре зритель угадывает атмосферу сибирских просторов, бескрайной тайги с ее сказочными природными богатствами. Этот тон спектакля помогает понять, как выковывались здесь, в Сибири, сильные характеры борцов-революционеров и как в то же время вырастали именно здесь жестокие душители народных стремлений к свободе.

Инсценировка «Хребтов Саянских» построена путем отбора из романа тех глав, отрывков, сюжетных линий, которые помогают проследить рост самосознания людей, развитие их борьбы с эксплуататорами. Все же, что касается широкого исторического, бытового, психологического фона, на котором развиваются судьбы героев, опущено в инсценировке. Понятно, что актеры Красноярского театра оказались в трудном положении. Иным из них не удалось преодолеть его, а другие сумели все же рассказать о жизни своих героев взволнованно, подчас и талантливо. В первую очередь это относится к актрисе В. Романцевой, открывшей в Лизе Коронотовой мужество и женственность, большие духовные силы, неистощимый запас любви к людям. Для Лизы-Романцевой естествен переход от ненависти к людям, покалечившим ее собственную девичью жизнь, к борьбе против тех, кто уродовал жизнь множества таких же трудовых людей.

О судьбе народа рассказывает театр и в другом своем спектакле — комедии М. Кильчичакова «Медвежий лог». Веселая и бесхитростная, эта пьеса, действие которой тоже происходит в тайге, посвящена новым людям советской Сибири, строителям колхозного хозяйства. Но как изменились потомки героев «Хребтов Саянских»! Теперь они сами решают свою судьбу.

В комедии то и дело звучит веселая музыка, слышится острая шутка.

Вл. ПИМЕНОВ

«Преступление и наказание». Соня — О. Байкалова, Раскольников — Н. Федоров.

«Хребты Саянские». Сцена из первого акта.
Фото А. Гладштейна.

ЦЕХ ОБЕДАЕТ

Вл. РУДИМ

Фото О. Кнорринга.

Обер-мастер Григорий Евгеньевич Клименко сказал о своей заводской столовой:

— Хожу я сюда так же регулярно, как в цех. И, как в цехе, любой непорядок отражается на моем настроении.

В столовую № 10, расположенную почти рядом с мартеновским цехом, ежедневно заглядывают сотни рабочих Сталинского металлургического завода. Хорошо она накормит — довольны и спасибо говорят, плохо попотчует — достается ей: в жалобную книгу запишут, а то и до секретаря райкома партии дойдут.

Постоянные посетители столовой зорко подмечают малейшие перемены и к лучшему и к худшему. И, конечно же, они зарегистрировали такое значительное событие, как переход столовой на самообслуживание. С того дня уже прошло достаточно времени, чтоб убедиться в пользе самообслуживания. Правда, и сейчас можно найти таких, которые не одобряют этого дела, но большинство довольно.

Уже миновала пора «ученичества», когда поднос не слушался рук и качался, точно ты идешь по корабельной палубе во время шторма, пора, когда забывались то вилка, то еще что-нибудь. Теперь времени на обед тратится гораздо меньше, и в столовой нет былых «шумовых эффектов» из-за того, что семь официанток не справлялись в часы пик с обслуживанием.

Официанток сейчас нет, но они не уволены: их перевели на другие участки, где появилась в этом необходимость. И столовая № 10 стала выпускать в месяц четверть миллиона блюд — на сто тысяч больше, чем до самообслуживания. Увеличить выпуск блюд помогли и новые машины: обзавелись электромясорубкой, механизировали хлеборезку, приобрели электрочайники и кофеварки.

Научились «маневрировать» и кассами: одной не всегда хватало, поэтому в часы «приливов» открывают вторую — на короткое время кассиршей становится хлеборезчица. И на этом не остановились: стали продавать чеки в цехах, выпустили даже абонементы сразу на двадцать обедов стоимостью в пять рублей каждый.

— Теперь мы свободно вздохнули,— говорит заместитель заведующего столовой Таисия Яковлевна Стекольникова.— Хоть и больше людей к нам стало ходить, а в столовой просторнее против прежнего.

Итак, самообслуживанием, в общем, обе стороны довольны. Но, памятуя, что одним обслуживанием сыт не будешь, познакомимся и с содержимым тарелок. Прежде всего спросим Стекольникову:

— Есть ли какие-нибудь претензии к столовой?

Нас заверили, что претензий нет, есть только «одни благодарности».

Мы попросили «Книгу жалоб и предложений». Электросварщик И. Чижевский благодарит повара Евдокию Ивановну Катрич, которая «сегодня исключительно вкусно приготовила борщ». Оператор мартеновского цеха В. Гах и контролер Р. Кучина остались довольны обедом, который готовила Любовь Александровна Рябкова. Четверо посетителей,— видимо, все с одного стола — отмечают искусство опытного повара Василия Захаровича Чалого: обед был вкусным. А вот еще одна запись: болгарские практиканты из доменного цеха тоже благодарят работников столовой.

Неожиданно «одни благодарности» кончились, и начались «одни жалобы»: «Кто пришел первый, тот кушает что хочет, а кто за час до закрытия столовой, то, можно сказать, нет ничего». Дальше идут критические замечания по поводу плохого качества вторых блюд (мясные котлеты «почти из одного хлеба»), отсутствия огурцов или капусты.

Стекольникова смотрит с удивлением на записи: оказывается, в последнее время она не заглядывала в эту книгу... Таисия Яковлевна даже всплеснула руками: «Закрутилась та й забула...»

Обедали мы вместе с мартеновцами. Пять минут стояли в очереди в дополнительную кассу, выбили нам чеки: борщ, котлеты, компот — итого немногим более трех рублей. Хотели взять еще салат, но талонов на салат не оказалось: они были только в основной кассе. Четыре минуты занял раздаточный стол и четверть часа — сам обед. 24 минуты — совсем неплохо.

А каковы мнения о самом обеде?

Слесарю Владимиру Грудинову не очень понравилась окрошка: «Квас плох»,— а шницель и компот его вполне удовлетворили. Крановщик Анатолий Яценко остался недоволен картошкой: невкусно приготовлена, без укропа. Зато Михаил Салтанов, тоже крановщик, на картошку не в претензии. «А вот укропчика не мешало бы! Это верно»,—соглашается он.

Наши соседи — завсегдатаи — отметили:

— Сегодня борщ краснее вчерашнего.

— Смотри, и ножи появились! Не иначе, какая-то комиссия тут находится!

За следующим столом основательно устроились четверо парней из «Промвентиляции» — монтажники Геннадий Кожевников, Анатолий Кобзарь, Николай Григоровский и машинист подъемного крана Иван Селиванов. Судя по тому, что за блюдами не было видно стола, аппетит у всех четверых отличный.

— Как обед?— спрашиваем.

Парни долго думают, оглядывая тарелки, и наконец один из них говорит:

— Вентиляция в столовой плохая, душновато.

Одним словом, привести все мнения к единому знаменателю довольно трудно, что, впрочем, в таком деле, как питание, вполне естественно. Одно несомненно: всем хочется видеть больше овощей, больше приправ, и никто не желает отведывать таких котлет, какие достались работнице Фоминой: в них оказалось хлеба вдвое больше нормы.

Не все сталевары или доменщики имеют твердо установленный обеденный перерыв: от мартена, например, нельзя отлучаться. Таким столовая доставляет обеды прямо на рабочее место. Пообедав, мартеновцы дали заказ на завтра, а заодно и высказались критически:

— В первую смену носите еду, а во вторую и третью нет. А надо бы!

И ко всему, что уже было сказано, добавим: руководителям завода и работникам столовой рано почивать на лаврах, которые принесло им самообслуживание. Надо помнить, что самообслуживание не самоцель. Главное, чтобы в столовой и буфете можно было поесть вкусно, дешево и быстро.

Сегодня получено много кефира, и продажа его ведется и возле мартеновского цеха.

Итальянские кинофильмы НА СОВЕТСКОМ ЭКРАНЕ

В Москве и Ленинграде проходит неделя итальянского фильма. Для участия в ней в СССР приехала делегация итальянских кинематографистов. В ноябре этого года в Риме и Милане будет проходить неделя советского фильма, для участия в ней приглашена делегация советских кинработников. Прогрессивные итальянские фильмы послевоенных лет, в которых честно и правдиво показана жизнь простых людей с ее лишениями, трудностями, нуждой, заботами,— фильмы эти и их создатели завоевали горячие симпатии советского зрителя. Мы печатаем беседу с известным итальянским режиссером и актером Витторио Де Сика.

«Весна» Ренато Кастеллани — история молодого разносчика хлеба, рассказ о жизни и быте современной итальянской молодежи. Большинство ролей исполняют не профессиональные актеры.

На открытии фестиваля советские зрители увидели фильм Витторио Де Сика «Умберто Д.». Это история старого государственного служащего, уволенного в отставку, повесть об одиночестве и нищете. Действие начинается шествием пенсионеров с лозунгами: «Мы работали всю жизнь, старики тоже должны есть... увеличьте пенсии». На одном из международных фестивалей в Каннах картине «Умберто Д.» была присуждена специальная премия. Роли в фильме исполняют не только актеры-профессионалы. Умберто играет профессор Флорентийского университета, известный лингвист Карло Баттисти.

«Переживания Умберто, — говорит режиссер Витторио Де Сика, — мне близки и понятны, ибо они похожи на лишения и переживания моего отца. Кстати, отца звали Умберто, и ему посвящаю я эту работу».

Фильм продолжил традиции прогрессивной итальянской кинематографии, сложившиеся после войны. Выражением этой традиции были и другие фильмы Витторио Де Сика, знакомые советским зрителям,— «Похитители велосипедов», «Чудо в Милане». «В них я показывал,— говорит Де Сика, — тяжелую жизнь итальянских трудящихся; меня иногда упрекали за склонность к мрачным сюжетам. Но я не могу не говорить о тех, кому трудно живется. Я видел столько нищеты, столько горя, что не могу молчать. Я видел людей, живущих в норах. Я знаю, в каком положении находятся безработные, и открыто и честно хочу говорить именно об этом.

Я не коммунист и далек от коммунизма, но стремлюсь поставить свое искусство на службу народу. Не лишне еще и еще раз напомнить, что в тяжелом положении народа во многом виновата и война. Сейчас все мы заинтересованы в том, чтобы уничтожить какую бы то ни было угрозу новой войны. Тогда вместо забот о вооружении, об атомной бомбе появится забота о том, чтобы было больше хлеба, сельскохозяйственных машин, домов, больше работы для простых людей».

...Мы беседуем с Де Сика в Италии, в киностудии «Титанус».

«Вам просто повезло, что вы нашли меня,— говорит Витторио Де Сика.— Сейчас в самом разгаре съемки моего очередного фильма. Знаете, в этот период почти не бывает свободного времени. Кроме того, одновременно я снимаюсь как актер в других картинах. Заработок актера дает мне возможность финансировать съемки своих фильмов. Иначе работать было бы очень трудно.

В моих фильмах главные роли исполняют зачастую не профессиональные актеры. Мне всегда казалось, что именно эти актеры — если их можно назвать актерами — лучшие исполнители. Они не играют, а живут: на экране показывается их каждодневный быт. Поэтому я глубоко убежден, что для кинофильмов, подобных «Умберто Д.», самое лучшее решение вопроса — сочетание настоящих, профессиональных актеров и актеров-дилетантов.

Мне хотелось бы считать себя итальянским учеником Станиславского и Немировича-Данченко, основоположников современного театрального искусства. Я думаю, что мое искусство действительно сложилось под влиянием школы Художественного театра, школы, которая учит глубоко проникать в суть образа, раскрывать его, доносить до зрителя».

— Мы слышали, что вы хотите снимать фильм по повести Антона Павловича Чехова «Степь»?

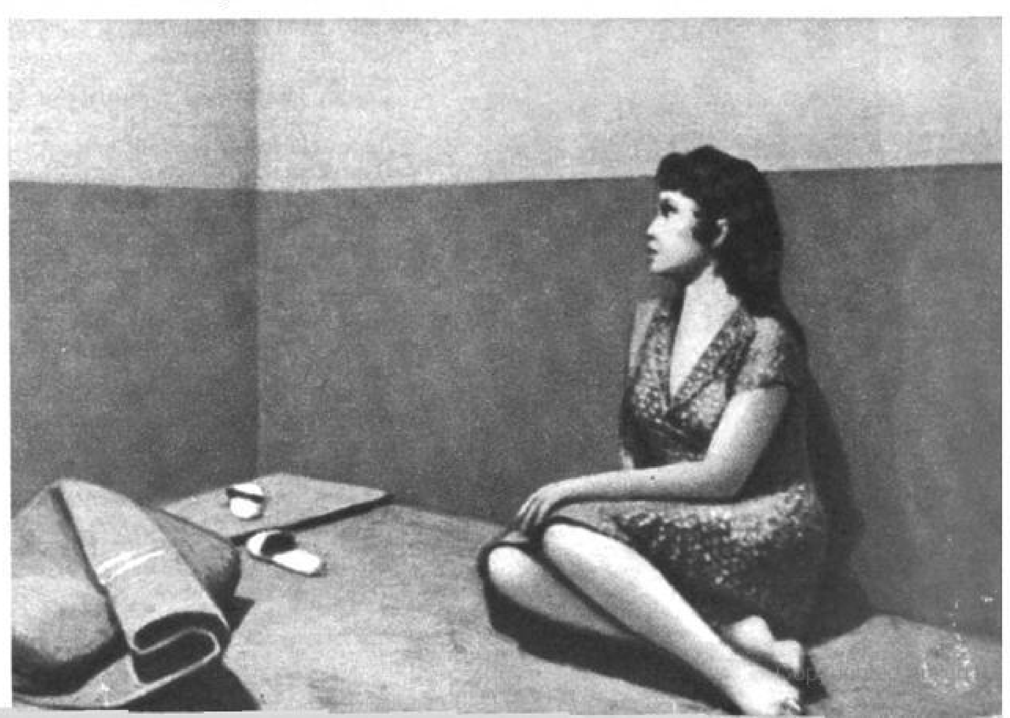
— Это действительно — одно из моих самых сокровенных желаний. Я очень благодарен кинорежиссеру Григорию Александрову, который на ассамблее мира в Хельсинки предложил мне совместно с советскими актерами снять этот фильм в вашей стране. А мне давно хотелось посетить Советский Союз. Думаю, что через год — сейчас у меня много ранее взятых обязательств — можно будет изучить и обсудить возможность съемок этого фильма в СССР. Тем более, что теперь рушатся многие барьеры, которые раньше отделяли нас от Советского Союза.

Я приветствую организацию в Москве и Ленинграде недели, посвященной итальянскому фильму. Это начинание очень полезное для взаимного знакомства наших народов.

На этом наша беседа прервалась. Начинался обычный рабочий день замечательного режиссера и актера, человека, которому итальянское искусство кино обязано столькими успехами.

В. ЕРМАКОВ

«Хлеб, любовь и фантазия». Этот фильм режиссера Луиджи Коменчини дублирован на Московской киностудии имени Горького и будет идти во многих городах Союза. В главных ролях Витторио Де Сика и Джина Лоллобриджида, знакомые по предыдущим фильмам. Действие происходит в местечке таком бедном, что его жители вынуждены питаться лишь хлебом, приправленным... фантазией.

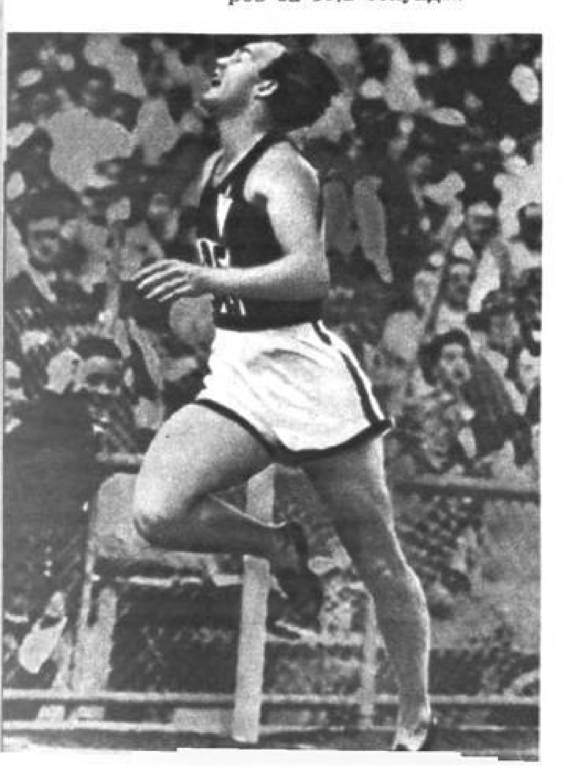

Известный чехословацкий стайер Эмиль Затопек — трехкратный чемпион XV Олимпийских игр.

Мировой рекордсмен в толкании ядра американец Перри о'Брайн. Его результат — 19 метров 6 сантиметров.

Гектор Хогэн — австралийский спортсмен, пробегающий 100 метров за 10,2 секунды.

Борьба БУДЕТ ОСТРОЙ!

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта

Шестьдесят лет прошло с тех пор, как состоялось открытие первых Олимпийских игр в Афинах.

Если бы участники и зрители, собравшиеся в 1896 году на древнем афинском стадионе, могли бы сквозь дымку десятилетий увидеть Олимпийский стадион в Хельсинки в 1952 году, то они удивились бы тому росту мирового спорта, который произошел немного больше чем за полвека, несмотря на две самые разрушительные в истории человечества мировые войны.

Сравните лишь четыре сухие цифры:

13 наций послало на I Олимпиаду 300 участников.

69 наций было представлено шестью тысячами участников на XV Олимпиаде.

Открывая страницы газет времен афинской Олимпиады, мы с улыбкой читаем: «Возгласы восхищения неслись со всех сторон — никто не верил, что кто-либо способен сделать такой потрясающий бросок». Восторги эти относились к достижению первого олимпийского чемпиона в метании диска Роберта Гаррета (США), который метнул диск на... 29 метров 15 сантиметров.

Интересно было бы посмотреть на выражение лиц зрителей и участников первой Олимпиады, если бы они увидели, как диск, пущенный рукой олимпийского чемпиона 1952 года Сима Айнеса (США), пролетел за линию 55 метров, и если бы они узнали, что мировой рекорд в 1953 году достиг цифры 59,28 метра!

Сейчас, когда спортсмены всех наций стоят в преддверии XVI Олимпийских игр, любителей спорта, естественно, интересует расстановка сил и особенно в таком основном виде соревнований, как легкая атлетика, которая становится все более популярной во всех странах.

Итак, чего же достигла легкая атлетика? Постараемся ответить на этот вопрос.

Самая необычная Олимпиада

До сих пор Олимпийские игры устраивались в разгаре лета, однако в 1956 году впервые эти крупнейшие соревнования состоятся в ноябре — декабре. Во второй половине ноября на юге Австралии лето. Это поставило спортсменов Европы и Северной Америки перед большими трудностями.

Дело в том, что почти никто из сильнейших атлетов мира в это время не находится в своей высшей спортивной форме. Как же обрести спортивную форму к ноябрю? Имелось два пути: сдвинуть и удлинить легкоатлетический сезон, начав его попозже, или же, оставив все по-старому и сделав небольшую «передышку», затем создать второй подъем к ноябрю. По первому пути пошли легкоатлеты Европы, по второму — легкоатлеты США. Кто из них окажется прав, покажут состязания в Мельбурне.

Легкоатлеты США вновь претендуют на победу

В августовском номере американского журнала «Трэк энд филд ньюз» даны прогнозы первых шести мест по 22 видам мужской легкой атлетики. Ввиду малой популярности в США женской легкой атлетики и спортивной ходьбы прогнозы в девяти видах женской атлетики и двух дистанциях ходьбы отсутствуют.

Журнал считает, что спортсмены США завоюют три первых места в беге на 100 и 200 метров, два первых и пятое места в беге на 400 метров, второе, третье и пятое места в беге на 800 метров, второе место в беге на 3 000 метров с препятствиями, три первых места в беге на 110 метров с барьерами, первых два и четвертое места в беге на 400 метров с барьерами, первое и третье места в прыжках в высоту, первых два и четвертое места в прыжках с шестом и в прыжках в длину, пятое место в тройном прыжке, три первых места в толкании ядра, второе, четвертое и шестое места в метании диска, третье место в метании копья, второе, четвертое и пятое места в метании молота, первые два и четвертое места в десятиборье и первые места в эстафетном беге 4 × 100 и 4 × 400 метров.

Итого: 12 золотых, 13 серебряных и 7 бронзовых медалей. Если оценивать первое место за 7 очков, второе — 5, третье — 4, четвертое — 3, пятое — 2 и шестое — 1 очко, то, по прогнозам «Трэк энд филд ньюз», легкоатлеты США должны набрать внушительную сумму в 204 очка.

Тот же журнал «Трэк энд филд ньюз» считает, что в 1956 году легкоатлеты СССР — мужчины — завоюют одну золотую (Кривоносов в метании молота), 2 серебряные (Щербаков в тройном прыжке и команда 4 × 100 метров) и 4 бронзовые медали (Игнатьев в беге на 400 метров, Литуев на 400 метров с барьерами, Ненашев в метании молота и Василий Кузнецов в десятиборье) и наберут 55 очков.

Основательны ли претензии журнала, реальны ли эти расчеты?

На первый взгляд, после знакомства с результатами, показанными легкоатлетами в соревнованиях 1956 года, кажется, что журнал «Трэк энд филд ньюз», хотя и недооценивает силу наших легкоатлетов, делает в отношении своих спортсменов и их возможностей правильные прогнозы. Но в спорте не всегда точными являются заочные соревнования без учета ряда обстоятельств, условий и времени их проведения. А эти факторы с приближением ноября и дня открытия Олимпийских игр будут играть все большую роль. Лишь когда сильнейшие спортсмены мира встретятся не в заочном, а в действительном единоборстве, не дома, а на дорожках и секторах в Мельбурне, только тогда станет ясным действительное соотношение сил.

Как известно, 5 августа американский спринтер Вилли Уильямс установил на превосходной беговой дорожке Берлинского Олимпийского стадиона мировой рекорд в беге на 100 метров — 10,1 секунды. Однако, встретившись в Бухаресте 16 сентября с советским спринтером Борисом Токаревым, он смог выиграть у него лишь грудь с результатом 10,5 секунды. Причем победа американцу была присуждена лишь после проявления кинопленки.

Один из сильнейших прыгунов США и мира в высоту, Эрни Шелтон, имеющий результат 212 сантиметров, на соревнованиях в Бухаресте проиграл советскому прыгуну Игорю Кашкарову, хотя последний прыгнул на 209 сантиметров.

Идеальные климатические условия Калифорнии зачастую приводят к тому, что в заочном соревновании американские легкоатлеты выглядят несколько сильнее, чем они есть в действительности. Если же учесть на редкость плохую погоду, которой отличалось лето в Европе, то станет ясным, что заочное сравнение результатов 1956 года — дело весьма спорное.

Теперь о самом, пожалуй, главном. Как мы уже сказали, американцы в планировании подготовки своих легкоатлетов приняли план «двух кульминаций». Что это значит?

Десятилетиями в США складывался традиционный календарь соревнований, обусловленный тем, что большинство легкоатлетов США — школьники и студенты, у которых каникулы начинаются в июле. Поэтому активный легкоатлетический сезон занимает полгода — от января до июня, причем кульминацией сезона является вторая половина июня, когда проводятся два крупнейших состязания — первенство университетов США и первенство страны. В Олимпийский год после этих состязаний, в конце июня, проводятся отборочные соревнования. В этом году в июне, кроме того,

было проведено еще и первенство вооруженных сил США.

Сроки XVI Олимпийских игр настоятельно требовали перенесения отборочных соревнований на начало октября. Но это, в свою очередь, требовало бы полной перестройки традиционного календаря, его полной ломки. На этом настаивали многие видные тренеры и спортсмены, однако руководители Любительского атлетического союза не согласились с ними.

Итак, отборочные состязания в олимпийскую команду США были назначены на 29 и 30 июня на стадионе «Колизеум» в Лос-Анжелосе, где в 1932 году проходили Олимпийские игры, и острота спортивной борьбы породила там ряд выдающихся достижений.

Достаточно напомнить, что Боб Морроу пробежал 100 метров за 10,2 секунды, а 200 метров — за 20,6 секунды, что Лу Джонс установил новый рекорд мира в беге на 400 метров — 45,2 секунды, что в финале бега на 800 метров результат победителя Тома Куртнея был 1 минута 46,4 секунды.

Особенно выдающихся результатов добились барьеристы в беге на 400 метров. Гленн Дэвис и Эдди Саутерн пробежали эту дистанцию впервые в истории быстрее 50 секунд — за 49,5 и 49,7 секунды.

Таким образом, команда США отбиралась за четыре с половиной месяца до Олимпийских игр. В июле — августе в Америке наступило затишье. Не попавшие в олимпийскую команду спортсмены выехали на турне в Европу, где показали в общем посредственные результаты. Будут ли американские легкоатлеты в высшей спортивной форме в ноябре, покажет время.

Говорит Европа

В мае — июне результаты американских атлетов заслонили на время все, что делалось за пределами США. Но прошел июнь, и полным голосом заговорила Европа. Таков уж ритм мирового легкоатлетического сезона.

Результаты Гордона Пири, Аудуна Бойсена, Януша Сидло, Иштвана Рожавельди, Шандора Ихароша, Шандора Рожньон — это было лишь начало. Изо дня в день газеты и радио доносили до нас знакомые и незнакомые имена и все нарастающие результаты.

Европейский сезон сейчас в разгаре, и спортсмены Европы, наращивая свои силы, уверенно идут к кульминационной точке 1956 года — Мельбурну.

На XVI Олимпийских играх легкоатлеты европейских стран будут, без сомнения, представлять большую силу. В беге на средние и длинные дистанции, в беге на 3 000 метров с препятствиями, в спортивной ходьбе, марафонском беге, во всех видах женской легкой атлетики они ушли намного вперед по сравнению с американцами. Кроме того, легкоатлеты Европы стали вплотную подходить и превосходить своих заокеанских конкурентов в «исконно американских» видах легкой атлетики — в прыжках и метаниях для мужчин. Так, например, результат Хенка Виссера (Голландия) — 798 сантиметров в прыжках в длину — явно в «американском классе». В прыжках в высоту Бенгт Нильссон (Швеция), имея результат 211 сантиметров, также приближается к прыгунам США.

Копьеметатели и молотометатели Европы в 1956 году превзошли своих американских коллег. В метании диска и в беге на 800 метров американские и европейские спортсмены имеют одинаковые шансы. В тройном прыжке американские спортсмены до сих пор не добились таких успехов, как европейцы. Лишь в барьерном беге на 110 и 400 метров, в толкании ядра и в прыжках с шестом результаты американских атлетов намного выше результатов спортсменов всех других стран. Их преимущество, вероятно, имеется и в беге на 100, 200 и 400 метров, однако насколько оно велико, будет видно лишь после того, как сильнейшие спринтеры мира выйдут на одну и ту же беговую дорожку.

Европа переживает сейчас эпоху возрождения легкой атлетики и не собирается без боя отдавать золотые олимпийские медали.

Легкоатлеты СССР перед Мельбурном

Сейчас, накануне XVI Олимпийских игр, в газетах и журналах многих стран с большим жаром спорят о том, смогут ли легкоатлеты СССР положить конец традиционному олимпийскому господству легкоатлетов США. Мы, тренеры и спортсмены, не любим делать каких-либо предсказаний. Соревнования покажут. Дело тренеров и спортсменов—упорно работать над тем, чтобы опровергнуть прогнозы своих соперников и превзойти ожидания своих болельщиков. Скажу лишь, что наши спортсмены приложили немало усилий к тому, чтобы выступить на XVI Олимпийских играх намного лучше, чем четыре года назад в Хельсинки. Тот, кто внимательно следил за ростом спортивных результатов советских легкоатлетов, без труда назовет наши сильные и наши слабые стороны.

Ни для кого не представляет секрета, например, что нашим мужчинам — бегунам на 800 метров — предстоит еще много потрудиться, прежде чем кто-нибудь из них сможет претендовать на участие в финальном забеге на Олимпийских играх. Однако знакомство с ростом результатов легкоатлетов СССР делает совершенно очевидным несомненный успех нашей легкой атлетики.

Такие результаты, как 66 метров 38 сантиметров в метании молота (Михаил Кривоносов), 16 метров 46 сантиметров в тройном прыжке (Леонид Щербаков), 209 сантиметров в прыжках в высоту (Игорь Кашкаров), 13 минут 39,6 секунды в беге на 5 000 метров и 28 минут 30,4 секунды в беге на 10 000 метров (Владимир Куц), 1 час 27 минут 58,2 секунды в ходьбе на 20 километров (Михаил Лавров), 4 часа 05 минут 12,2 секунды в ходьбе на 50 километров (Григорий Климов), 7 728 очков в десятиборье (Василий Кузнецов), 8 минут 39,8 секунды в беге на 3 000 метров с препятствиями (Семен Ржищин) и многие другие, вселяют — чего греха таить! — хорошие надежды в сердца наших болельщиков.

Особенно надеются они на наших женщин: на Галину Попову в беге на 100 метров (11,5 секунды) и прыжках в длину (631 сантиметр), на Марию Иткину в беге на 200 метров (23,5 секунды), на сборную команду — 45,2 секунды в эстафетном беге 4×100 метров, на Нину Виноградову в беге на 80 метров с барьерами (10,7 секунды), на юную Валю Баллод в прыжках в высоту (170 сантиметров) и, конечно, на наших знаменитых метательниц.

Каждый из членов команды легкоатлетов СССР чувствует, какие надежды возлагает на него наш народ, и постарается оправдать эти надежды. Вот почему мне кажется, что советские легкоатлеты выступят на XVI Олимпийских играх намного лучше, чем во время своего первого боевого крещения в Хельсинки.

Командное первенство

Во всех олимпийских уставах записано, что Олимпийские игры не являются командным первенством, что это личные соревнования сильнейших спортсменов мира. И действительно, судейская коллегия по легкой атлетике ни на одной Олимпиаде не определяла команду-победительницу. Но, тем не менее, на всех Олимпийских играх идет негласный розыгрыш этого командного первенства. Счет медалям и очкам ведут все газеты и журналы мира, и весь мир знает, кто победил в командной борьбе.

Эта борьба (особенно противников «равного веса» — США, СССР, Германии, Англии в одной группе, Чехословакии, Польши, Венгрии, Финляндии в другой группе и т. д.) привлекает к себе внимание всей мировой спортивной общественности, вне зависимости от устава Олимпийских игр и желания руководителей Олимпийского комитета.

В этом году командная борьба будет очень острой. Германию теперь будут представлять не только спортсмены Федеративной Республики, но и Демократической Республики. Объединенная команда ФРГ и ГДР — большая сила. Достаточно напомнить, что ГДР дает объединенной команде Германии таких спортсменов, как бегун на 1 500 метров Зигфрид Херрманн — 3 минуты 41,2 секунды, Криста Штубник — 200 метров — 23,5 секунды, барьеристка Гизелла Келлер — 10,8 секунды, прыгун с шестом Манфред Пройсгер — 445 сантиметров, и многих других выдающихся легкоатлетов.

Значительно сильнее стала команда Польской Народной Республики. Польша сейчас имеет трех метателей копья с результатами более 80 метров — Януш Сидло, Ян Копыто и Анджей Вальчак, мировую рекордсменку по прыжкам в длину Елизавету Кшесинскую — 635 сантиметров, прекрасного спринтера Барбару Лерчак — 200 метров — 23,8 секунды, замечательного бегуна Ежи Хромика — 3 000 метров с препятствиями — 8 минут 40,2 секунды.

Сильная команда Венгрии имеет в своем составе таких всемирно известных бегунов, как Шандор Ихарош, Ласло Табори, Иштван Рожавельди, Иожеф Ковач.

В команде Чехословакии — Эмиль Затопек, Карел Мерта, Ольга Фикотова, Иржи Скобла, Станислав Юнгварт.

Очень сильно должна выступить команда Австралии во главе с такими спортсменами, как Дэйв Стивенс, Джон Лэнди, Гектор Хогэн, Мервин Линкольн, Ширлей де ля Ханти (Стрикленд) и 18-летняя Бетти Кутберт — новая мировая рекордсменка в беге на 200 метров (23,2 секунды).

Л. Щербаков. Один из сильнейших легкоатлетов мира в тройном прыжке.

Фото М. Баташова.

До войны многие западные «специалисты» по легкой атлетике выступали с собственным мнением по поводу возможных пределов рекордных результатов. Теперь это вышло из моды. Сторонники теории «пределов» выглядят настолько смешно, что никто уже не решается заниматься предсказаниями.

К середине сентября нынешнего года побито уже 15 мировых рекордов по легкой атлетике из общего числа 24 ее мужских видов, входящих в программу Олимпийских игр.

Особенно двинулись вперед за последние годы рекорды в тех видах бега, которые связаны с развитием выносливости. Я уверен, что недалек тот день, когда тренеры смогут воспитать стайера, способного пробегать 100 метров за 10,3 секунды, а 5 000 метров — быстрее, чем в 13 минут. Фантастика? Возможно! Но мы сказали бы то же самое несколько лет тому назад и о сегодняшних мировых рекордах в беге на длинные дистанции. Перед тренерами, спортсменами и учеными стоит увлекательная задача — сделать эту фантастику явью. И тогда зрители и участники, скажем, XXIX Олимпиады 2008 года с такой же снисходительной улыбкой будут говорить о результатах олимпийских победителей 1956 года, как мы говорим о результатах победителей I Олимпиады.

ДЕТИ ХИРОСИМЫ

Рассказ о полете в Японию

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

В Нагасаки через американскую военную базу

Утром в Токио многое выяснилось. Почти все иностранные делегаты еще вчера выехали в Нагасаки поездом. Нам предстояло лететь до города Фукуока и там пересесть на поезд, идущий в Нагасаки.

Обычно, когда смотришь на карту Азии, Япония представляется очень небольшой. Такой она мне показалась и в первое утро в Токио. Думалось, сядем в самолет и через час — полтора будем в Нагасаки. После перелета Стокгольм — Токио все земные расстояния выглядели незначительными.

К 11 часам мы приехали на аэродром. Там узнали, что самолет запаздывает. Было очень жарко. Веера не помогали. Нужно было стать под вертящийся на потолке вентилятор, тогда струя воздуха некоторое время позволяла немного дышать. Все обливались потом: японцы и мы. Сопровождавший нас писатель-публицист Вада беспрестанно смотрел на часы и наконец сказал:

— Опоздали.

— Как опоздали?

— На поезд опоздали. Даже если мы немедленно поднимемся в воздух, мы опаздываем на нагасакский поезд.

Но мы не поднялись немедленно в воздух. После двух часов ожидания нас наконец пригласили в самолет. Шестьдесят пассажиров заполнили его дряхлый остов. Спустя некоторое время моторы остановились, и маленькая стюардесса объявила:

— Ввиду неисправности моторов вылет задерживается.

Вада трагически посмотрел на нас и махнул безнадежно рукой. Мы сидели, как кролики, с красными от жары глазами. Наконец стюардесса информировала:

— Капитан Кристи запросил разрешение на вылет.

Если бы не страшенная духота, отлет самолета под водительством капитана Кристи мог выглядеть очень торжественно.

— Разрешение на вылет получено,— взволнованно объявила стюардесса.

Взлет оказался благополучным. Заработало охлаждение, и самолет медленно стал заполняться прохладой. Около трех часов мы летели до города Фукуока. Справа оказался город Хиросима. Мы прильнули к окнам, разглядывая с воздуха этот многострадальный город, испытавший на себе первый в истории человечества атомный удар.

Под крыльями открылся большой аэродром. В разных местах замелькали реактивные американские истребители. Пассажиры вышли на бетонную дорожку. У самолета стоял автобус. Мы поехали к воротам, к ним тянулась колючая проволока.

На аэродроме шла работа. Скреперы поднимали землю. Из бетономешалок валили на дорожки бетон. Стройлись кирпичные здания. Японские рабочие в широких соломенных шляпах были рассеяны по всему аэродрому. Около ангаров ходили американские летчики. У ворот стояли часовые. На колючей проволоке висел плакат, предупреждавший: «Фотографировать запрещено». Пассажиры-японцы были смущены: слишком уж бесцеремонно их выпроваживали с территории аэродрома, на котором гражданский самолет казался посторонним, а военные американские самолеты по-хозяйски распростерли крылья над тесной японской землей, над этими худыми людьми в соломенных шляпах, лопатами разрыхляющими поднятую чужими машинами землю.

Автобус вывез нас за пределы аэродрома и остановился. Здесь же у колючей проволоки стояла небольшая группа молодежи с цветами в руках, с плакатом, на котором по-русски были написаны слова привета нашей делегации. Цветы перешли в наши руки. На легковых машинах отправились мы на вокзал города Фукуока.

Так мы начали узнавать Японию.

Окраина промышленного города Фукуока говорила о том, что рабочий люд живет здесь тесно. У вокзала нас ожидала большая группа людей. После взаимных приветствий кто-то взмахнул рукой, юноши и девушки взяли друг друга под руки и, раскачиваясь, запели песню с удивительно хорошим и запоминающимся мотивом. Напротив нас стоял аккордеонист, его пальцы бегали по перламутровым клавишам, лицо было сосредоточенно.

— Песня называется «Запретим атомную бомбу»,— сказал нам юноша, с трудом произнося русские слова.

Мы обрадовались:

— Вы говорите по-русски?

— Немножко... Я не один... У нас есть еще студенты, которые учат русский язык.

Завязалась беседа.

— Скоро ли пойдет у нас ваша новая кинокартина «Отелло»?

— Что сейчас снимает режиссер Сергей Герасимов?

Мы едва успевали отвечать на вопросы, недоумевая, откуда в этом сравнительно небольшом городе так хорошо знают, а главное, так интересуются тем, что делается у нас в театре, литературе, медицине.

Однако время шло, а мы все еще сидели в маленькой вокзальной комнате. Поезд наш давно прошел. Другой поезд приходил в Фукуока около десяти вечера, а в Нагасаки — глубокой ночью. Больше всех волновался Вада.

— Сколько отсюда до Нагасаки? — спросил он руководителя группы, встретившей нас.

— Километров триста.

— Может, поехать машиной?

— Плохая дорога.

Через несколько минут родилось еще одно предложение: отправиться до станции Хайки на ближайшем поезде. Там пересесть на другой поезд, идущий до станции Исигава, взять такси и последние 30 километров ехать автомашинами. Что ж, это нас устраивало: мы могли приехать в Нагасаки около 12 часов ночи...

Последние рукопожатия на перроне. Поезд трогается. За окном мелькают деревни, рисовые поля. Рекламные объявления с красными и черными иероглифами, похожие на большие щиты для учебной стрельбы. За маленькими, легкими домами быстро садится солнце. Зажигаются огни. Возле домов сидят люди. Жены моют мужьям ноги. Мужчины сидят, тяжело опустив на колени руки. У шлагбаумов велосипедисты смотрят на мелькающие мимо них вагоны.

Темнеет. В вагонах пассажиры чувствуют себя просто. Одни играют в какую-то игру, похожую на шашки, только с маленькими кругленькими фигурами. Другие читают. Люди сидят в майках, сняв верхнюю рубашку, аккуратно повесив ее так, чтобы пыль и сажа, летящие в открытые окна, не запачкали накрахмаленные воротнички. Белый цвет одежды преобладает в Японии. Если не кимоно, то обычно после работы белоснежная рубашка у мужчины, простенькая белоснежная кофта у женщины. Кроме вееров, почти у всех маленькие пестрые, блеклых цветов полотенца — вытирать пот. Когда надобность в полотенце исчезает, его засовывают за пояс... Пассажир, севший в поезд, первым делом идет в умывальник, там снимает рубашку, умывается, причесывается и возвращается на место...

Нами заинтересовались. Очень полный человек, в легкой, насквозь просвечивающей рубашке, похожей на детскую распашонку, подошел к нам.

— Русские?

— Да.

— В Нагасаки на конференцию?

— Да.

— Мы тоже. Представители города Осака. Всего из нашего города будет более ста человек.

За полчаса до остановки Вада говорит:

— Наш поезд опаздывает на три минуты. Остановка на станции Хайки сокращается с пяти до двух минут.

Мы переглянулись: а если поезд еще опоздает на полторы минуты?

Бежим по перрону, пытаясь поспеть на другой поезд. Разрыв в расписании оказался в полторы минуты. Бросив чемоданы на площадку, прыгаем в отходящий поезд. Вагон третьего класса. Темная лампочка тускло освещает деревянные скамьи и сидящих на них людей. Две седые женщины в замасленных кофтах. Дремлющий рабочий устало склонил голову на грудь. Напротив нас пьяный с закрытыми глазами... Открыв глаза, он изумленно смотрит на наши чемоданы и одежду, вздыхает и снова закрывает глаза. Через некоторое время от толчка поезда он поднимается, протирает глаза и, трудно передвигая ноги, идет к тамбуру. За окном звездная душная ночь. И вот наконец станция Исигава. У вокзала две автомашины. Выщербленной каменистой дорогой мы едем в Нагасаки. Шофер некоторое время молчит. Молчим и мы, приходя в себя от головоломной дневной скачки и духоты. В открытые окна машины тянет свежим воздухом. Кто-то из нас спрашивает шофера:

— Вы были в Нагасаки, когда американцы сбросили атомную бомбу на город?

— Нет, я был за городом, в нескольких десятках километров.

— У вас кто-нибудь пострадал от взрыва?

Шофер поворачивает в темноте голову:

— Убито здесь шестьдесят тысяч человек.

— А у вас в семье?

— А разве здесь есть семьи, которые не пострадали? Здесь все пострадали... И сейчас страдают...

— Как страдают?

— Увидите сами,— коротко говорит шофер.

Длинным туннелем, выложенным внутри белым камнем, въезжаем в Нагасаки.

Дракон и солнце

У берега Тихого океана, километрах в двадцати от Нагасаки, в рыбачьей деревне сушатся темнорыжие мотки сетей. Отражаются в спокойной голубой воде длинные рыбачьи лодки. Рыбачки развешивают только что постиранное белье... Ночью, когда мы приехали сюда, на берег Тихого океана, нам подарили по букету цветов, они показались нам при электрическом свете не очень яркими. Утро вернуло им сочность окраски. Около гостиницы пламенеют высокие кусты японских роз. Нас, не стесняясь, рассматривают молоденькие горничные и официантки.

— Первый раз в жизни видим русских,— говорит самая храбрая среди них, Иосико.

Здесь, около рыбачьей деревни, так тихо, так спокойно, что кажется, будто никогда эти горы и эти небольшие домики не оглашались страшным взрывом.

...Машина мчится в город. В узкой долине рисовые посевы. Они словно подстрижены, ровные, ярко-зеленые. Под посевы использован каждый клочок земли. Возле маленьких домиков много детей. Они смело перебегают дорогу.

В городе еще видны следы разрушений. Временные, полубарачного типа постройки, но район магазинов пестрый и шумный. Играет радио. Крикливая реклама американских фильмов. Посудные и обувные магазины с открытыми широкими прилавками, выходящими прямо на тротуар. Дешевая посуда привлекает взгляд разнообразием красок. Обувь на деревянной подошве с красным, зеленым, желтым верхом. Кожа в Японии дорога. Многие носят здесь деревянную обувь — ее мелодичный стук по тротуару напоминает звук ксилофона.

В большом спортивном зале одной из школ Нагасаки открывается 2-я Международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия. Здесь собралось более трех тысяч человек. Зал не вмещает желающих. Делегаты Хиросимы, Нагасаки, Токио, Осака, островов Окинава, Хоккайдо, Сикоку... Все в белой одежде. В конференции участвуют Изабелла Блюм, Мари Клод Вайян-Кутюрье, Моника Фелтон. Китайская делегация во главе с Сюй Гуанпин — вдовой замечательного китайского писателя Лу Синя. Делегаты Чехословакии, Румынии, Польши, Швеции... Гостей приглашают в президиум, дети вручают им цветы.

А в полдень на горе, где сооружен памятник погибшим в Нагасаки от взрыва атомной бомбы, состоялась заупокойная служба. Синее знойное небо. Широкие полотнища огромных палаток, растянутых для того, чтобы укрыть участников митинга от солнца. У подножия памятника бесчисленные букеты цветов — мертвым от живых. И очень много детей. В маленьких панамах, в светлых платьицах, с яркими полосатыми зонтиками, они заполняют площадь перед памятником. И оттого, что здесь много детей и они не могут удержаться, несмотря на торжественность обстановки, от улыбок и смеха, все до начала заупокойной службы кажется праздничным. Но вот взлетают в небо голуби. Начинается митинг. Разворачивая длинный свиток желтой бумаги, на котором крупными иероглифами написана речь, выступает мэр города.

— Отдадим все силы для запрещения атомного и водородного оружия,— негромко говорит он.

Выступает девочка-подросток Ситико Фукобори. Смотря на массивную фигуру памятника, произносит она первые слова:

— У меня убиты атомной бомбой мама и младший брат...

Радиорепродукторы далеко разносят печальные слова школьницы. Вдали темнеют покрытые густыми лесами горы. Однообразно вертится по спирали легкий самолет, кружатся голуби. Плачут сидящие на земле участники митинга.

— Люди, будьте бдительны! — словно говорит человек, изваянный из камня, поднимая в предупреждающем жесте руку. Другая рука, мягко отведенная в сторону, как бы следует за словами ораторов, обращающих свои слова погибшим:

— Мы не допустим повторения этой страшной трагедии! Спите спокойно, ваши потомки не забудут о вас!

Ярко светило солнце, отражаясь в серебристых лентах, украсивших площадку и полотнища перед памятником. Сильно звучал хор школьниц, певших траурную песню. Одиннадцать лет тому назад вынырнувший из-за облаков американский летчик равнодушно сбросил атомную бомбу на город. Те, кто направлял полет бомбы, хотели лишить человечество радости жизни, убить в людях веру в будущее. То страшное, что было в Нагасаки и Хиросиме, осталось, конечно, не только в ужасных шрамах, но главное — в душе людей. Кто-то из зарубежных делегатов сказал:

— Надо побывать здесь, чтобы понять, что это такое. Дома восстановить много легче, чем человеческие души.

На трибуну конференции выходили жертвы атомных взрывов. Некоторые выходили сами, других подносили к микрофону на руках. Тяжелое это было зрелище. На конференции выступила Иосико Мурадо из Хиросимы. Она сказала:

— Я училась в первом классе, когда американцы сбросили на нас атомную бомбу. Я ни в чем ни перед кем не была виновата. За что же эту бомбу сбросили на меня? Я выздоровела. Но я хочу, чтобы все люди в Японии и во всем мире знали, что я пережила. Вчера в Хиросиме одна девушка покончила жизнь самоубийством. Родители не разрешили ей выйти замуж за пострадавшего от взрыва человека, больного белокровием. Я обращаюсь ко всем народам мира. Спасите нас! Сохраните нам жизнь!

Да, на этой конференции, в городе, где еще многое напоминает о тяжелой трагедии, может быть, одним из самых часто употребляемых слов было слово «жизнь». Люди хотят жить! И когда вечером улицы Нагасаки заполнили колонны школьников, несущих зажженные разноцветные фонарики, чтобы их пустить по реке, и когда в парке Ураками собрались тысячи жителей города, чтобы именно в этот траурный день в песнях и танцах воздать хвалу жизни, мы почувствовали неистребимую силу человека.

...На открытой площадке показалось до десятка юношей, несущих на высоких шестах длинное тело дракона. Пасть дракона была раскрыта, он пытался проглотить золотой шар, изображающий солнце. Танец назывался «Дракон и солнце». Танцоры, каждый из которых обладал большой силой, искусно двигали чешуйчатое туловище дракона. Юноша, державший на шесте голову дракона, был, пожалуй, самым ловким. Не задерживая своих партнеров, он удивительно ловко вертел драконову голову, и моментами казалось, что дракон вот-вот цапнет зубами солнце. Но золотой шар неизменно уходил от дракона. Это был очень старый танец, начало свое он брал, как нам сказали, из древнекитайской хореографии.

Направляясь в гостиницу, слушали мы песенку нашего автобусного гида, девушки Камико, о Нагасаки. В песне говорилось о том, какой хороший город Нагасаки, какие красивые здесь цветы и как хороша жизнь. В такт песне мы качали головами. Слова песни были симпатичными, как и сама Камико, державшая в руках маленький микрофон, и в тряском автобусе без музыкального сопровождения она исполняла арию мадам Баттерфляй, словно напоминая, что именно здесь, в Нагасаки, и жила когда-то легендарная мадам Баттерфляй.

«Поющие голоса Японии»

На второй день работы конференции Вада сказал:

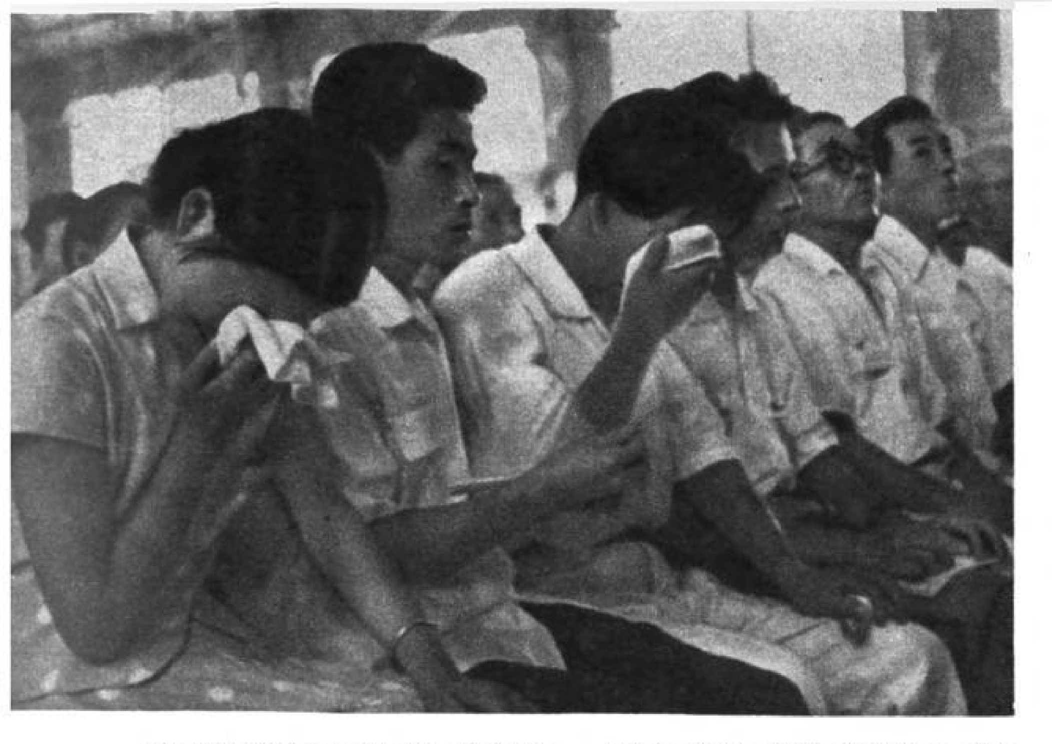
— Сегодня вечером вас приглашают к себе «Поющие голоса Японии»... Всего на один час.

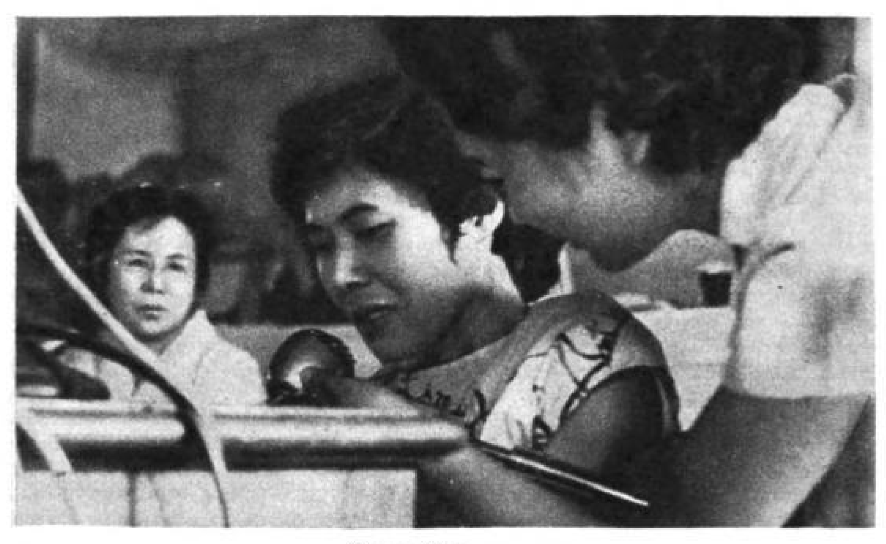
Мы уже и раньше слышали об этом движении японской молодежи, возглавляемом замечательным человеком, талантливой актрисой Акико Секи, но, признаться, не могли представить, какой огромный размах приняло это движение в Японии.

Машина взбегала на горки, резко поворачивала в узкие квартальчики и, наконец остановилась у тихого двухэтажного дома. Ни-

На улице Нагасаки.

На конференции.

Фото японских корреспондентов.

каких признаков жизни в доме не было. Вдруг послышались голоса. На крыльцо вышли юноши и девушки. Нас ожидали. В тускло освещенном коридорчике на полу стояло более ста пар обуви. Нас пригласили снять обувь. В носках мы отправились по мягким соломенным матам в небольшой зал, где у стен стояло около сотни веселоглазых юношей и девушек. Они дружелюбно смотрели на нас.

— Здесь, в Нагасаки, одновременно с конференцией за запрещение атомного и водородного оружия проходит семинар представителей коллективов «Поющие голоса Японии»,— сказал руководитель семинара.

Поджав под себя ноги по восточному обычаю, мы сели на пол. Так как времени на встречу было отпущено не больше часа, организаторы торопились. Девушки и юноши поднимались с пола, называли город, который они представляли, и коротко, двумя — тремя фразами, сообщали о положении в их коллективе.

— Хоккайдо, — сообщил невысокий подросток. — У нас шесть коллективов...

— Остров Хонсю...—сказал другой.

— А мы из Токио,— докладывал третий.— У нас три коллектива. Кроме хорового, мы имеем театральный и искусствоведческий.

— А мы с острова Сикоку, из города Коти,— отрывисто говорил юноша в темноголубом кимоно.

Волнение подступало к сердцу. Сколько на свете хороших людей, какая чудесная молодежь, ищущая путей в жизни! Как сопротивляется она пропагандируемой здесь американцами моральной разнузданности, неверию в высокое призвание человека!

В этом небольшом зале, в доме, всеми приметами напоминавшем что-то вроде дешевой гостиницы, — здесь стояла новая Япония, видевшая смерть своими глазами, жаждущая жить, готовая бороться за жизнь...

...Особенно горячие аплодисменты выпали на долю молодого парня с острым подбородком и жгучими, сверкающими глазами.

— Я с Окинавы,— сказал он.

Этого было достаточно, чтобы аплодировал весь зал. Окинава — символ борьбы японского народа с американской оккупацией.

— А мы из города Миядзаки,— сказала девушка в голубом платье, показывая на свою подругу, стоявшую рядом с ней, точно в таком же голубом платье.— Мы работаем на фабрике, которая производит кимоно...

— А теперь споем наши любимые песни,—сказал руководитель.

И вдруг по залу поплыла знакомая мелодия. Да что же это за наваждение такое! Звучат голоса молодых японцев. Чужой язык, а кажется, выговариваются русские слова. Вот она куда добралась, советская «Катюша», двадцать лет назад сочиненная Михаилом Исаковским и Матвеем Блантером! Завидна судьба этой песни. Она переплывает без парусов океаны и моря, становится любимой, объединяет людей, говорящих на разных языках.

Зазвучала еще более старая песня, с немного печальной, но не менее знакомой мелодией. Захотелось подтянуть: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...» А потом грянула песня из фильма «Кубанские казаки». И фильм-то не очень важный, а песня выплыла из него и долетела до Японии...

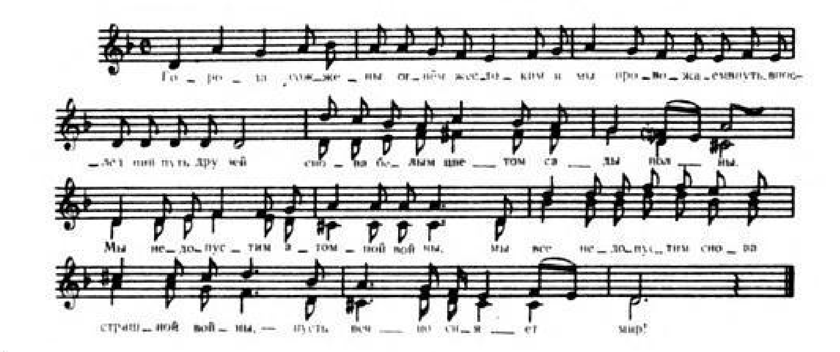
Позже, путешествуя по стране, мы не раз встречались с коллективами «Поющих голосов Японии», но эта первая встреча с лучшими представителями этого движения глубоко запала в память. Вот и сейчас перед глазами стоят черноглазые юноши и девушки, взявшие друг друга под руки, и, раскачиваясь из стороны в сторону, поют песню «Запретим атомную бомбу», песню, ставшую для японцев примерно такой же, как «Гимн демократической молодежи мира». В путешествии по Японии не раз и мы, и китайцы, и французы, и шведы, и румыны, и чехи оказывались в одном ряду с японцами и пели эту песню. И все мы были убеждены, что придет время и под воздействием народов правительства Соединенных Штатов Америки и Англии поддержат предложения Советского Союза о запрещении производства и испытаний атомного и водородного оружия, и матери будут избавлены от страха за жизнь своих детей.

Мелодия была настолько хороша, что я попробовал перевести на русский язык текст песни, несмотря на сложный поэтический размер. Вот эта песня:

Города сожжены огнем
жестоким,
И мы провожаем в путь,
в последний путь друзей...
Снова белым цветом сады
полны.
Мы не допустим атомной
войны,
Мы все не допустим снова
страшной войны,
Пусть вечно сияет мир!

Скрылось в небе за черной
тучей солнце,
И тени ползут, ползут над
милою землей;
Скрылась наша радость, дома
темны...
Мы не допустим атомной
войны,
Мы все не допустим снова
страшной войны,
Пусть вечно сияет мир!

Наше счастье мы не дадим
разрушить,
Все то, что своим трудом
создали для людей,
Радости земные нам всем
даны...
Мы не допустим атомной
войны,
Мы все не допустим снова
страшной войны,
Пусть вечно сияет мир!

Музыку песни написал композитор Киносита Кодзи, слова — поэт Асада Исидзи.

...Взволнованные встречей, попросив шофера не торопиться, мы возвращались в отель. В Японии так же, как и по всей Азии, жизнь торговых рядов почти не прекращается. В вечерние часы, пожалуй, еще больше шума у лавок и маленьких магазинов, и не потому, что так много покупателей — их как раз мало,— а потому, что гремят радиолы, кричат торговцы, зазывая покупателей, сверкают неоновые лампы, распространяя блеск на всяческую разноцветную мишуру, развешанную возле магазинов. На табуретах важно восседают хозяева магазинов.

На одном из перекрестков стояла группа высоких молодых людей в клетчатых легких рубашках навыпуск. Перед ними угодливо кланялся маленький японец. Торговец приглашал американцев в свою лавку.

Гремели и взвизгивали в радиолах дисгармоничные джазы, но они не могли вытравить из нашей памяти чистые голоса настоящих хозяев Японии.

Показания потерпевших

Трудно передать, с каким единодушием принимала конференция резолюцию, требующую запрещения атомного и водородного оружия. Снова все участники конференции, поднявшись, пели песню «Запретим атомную бомбу». Долго под сводами зала гремели аплодисменты.

— Да здравствует мир!

— Да здравствует дружба между народами!

В этот же день состоялась встреча иностранных делегатов с жертвами атомных взрывов. В небольшом зале школы у широкого стола стояли люди, пережившие трагедию Хиросимы и Нагасаки. Если в большом зале конференции трудно было отличить пострадавших от остальных делегатов, то здесь, когда все собрались в одной комнате, все они оказались чем-то похожими друг на друга, и совсем не потому, что у многих лица были стянуты шрамами,— просто в глазах было что-то, оставившее надолго тяжелый след.

Первой заговорила молодая женщина из Хиросимы:

— Мне трудно жить... Я почти не могу работать. Есть люди, которые до сих пор лежат в больницах. Многие из нас выглядят хорошо, но на самом деле безнадежно больны.

Слово предоставили молоденькой девушке. Она шевелила губами, но ничего не было слышно. Стоящий рядом с ней седеющий человек сказал:

— Извините мою дочь Нагату,

Заупокойная служба памяти жертв атомного взрыва в Нагасаки. Школьницы поют траурную песню.

Жители Нагасаки на траурном митинге.

Нагасаки. У домика мадам Баттерфляй.

Рыбачья деревня в районе Нагасаки.

она не может говорить. В момент взрыва она находилась дома... Была погребена под развалинами. Ее нашли. Она оказалась живой. Ей тогда было одиннадцать лет. Сейчас — двадцать два года. Прошло после взрыва всего десять дней, у нее начали болеть десны... Через некоторое время она начала терять голос... Ей сделали операцию, ничего не помогало...— Отец Нагаты остановился. Девушка заплакала и прильнула к отцовской груди.

Тишину, сковавшую зал, нарушил человек небольшого роста с глубокими шрамами на лице и шее. Он сбросил с себя рубашку, и все увидели его туловище, с правой стороны изборожденное шрамами, пересекающими друг друга.

— У меня ожог. Я умирал. Все время была высокая температура... Я хотел покончить самоубийством... Меня зовут Ямагути. Я отсюда, из Нагасаки... Да, я не хотел жить...— Ему было трудно говорить, он задыхался.

Бежали слезы по щекам Мари Клод Вайян-Кутюрье, платком она вытирала глаза, и как-то особенно стал заметен синий номер фашистского концентрационного лагеря, вытатуированный у нее на руке. Ямагути продолжал:

— Когда я уже совсем решил уйти из жизни, я подумал: что докажу? Кому докажу? Нет, я должен жить, жить для того, чтобы принести пользу людям. Жить для того, чтобы звать других людей к борьбе за мир, к борьбе за запрещение атомного оружия. У меня белокровие. Мне приходится много лежать. Но я решил собрать все силы — и поднялся с постели, чтобы принять участие в конференции. Когда вы вернетесь в свои страны, расскажите о нас. Сделайте все, чтобы установить мир на земле.— Ямагути неожиданно сел и, сжав руками голову, склонился к столу. И снова наступила тишина.

— Меня называют первой жертвой Хиросимы,— сказал человек, державший в скрюченных пальцах левой руки веер.— Меня зовут Киккава. Я из Хиросимы. Более шести лет я лежал в больнице. Мне сделали шестнадцать пластических операций. 2 апреля 1951 года я выписался из больницы. В Хиросиме организовал группы помощи жертвам атомного взрыва. Но нам не помогают американцы, виновные в нашей трагедии...

Стоявший рядом с Киккавой человек что-то тихо сказал ему. Киккава на мгновение остановился, сдержанно улыбнулся и упрямо продолжал:

— Виноваты американцы... Но и наше правительство, зная о нашем положении, не оказывает, по существу, никакой помощи. Правительство готовит свой бюджет для войны. Оно делает это под сильным давлением Америки. И мы все, весь народ знаем об этом. Сейчас пришло время в полный голос говорить о жертвах.— Киккава остановился и, обращаясь к иностранным делегатам, сказал: — Атомная болезнь не фатальная. Те, кто делает атомное оружие, сумеют найти и способы лечения. Мы просим сделать эти лекарства и направить их сюда.— Лицо Киккавы приняло гневное выражение.— Знаете ли вы о том, что 25 человек поехали в США для того, чтобы им там сделали пластические операции? Американцы выбрали из многих тысяч пострадавших 25 человек! Они широко рекламируют свои пластические операции... Но, как стало известно, операции эти прошли мало удачно... Хуже, чем у нас. Больше им не понадобилось, всего 25 человек?! Они протрубили об этом на весь мир. Мы-то здесь понимаем, что они беззастенчиво избрали для рекламы людей, пострадавших от их же руки. Это бесчеловечно! — Киккава замолчал. В тишине стал слышен шелест его веера, который он держал в скрюченных пальцах левой руки.

Хиросима

Организаторы конференции показали нам Нагасаки, старый буддийский храм, знаменитый домик мадам Баттерфляй — неизменное место паломничества туристов. Потом нас повезли на один день в высокогорный курортный район Ундзен. Четырехчасовое путешествие в автобусе мимо деревень, рисовых полей и плантаций лотоса, идущего в пищу, мимо рабочих поселков на берегу океана, по горным дорогам, где с двух сторон поднимается высокий лес, под ветвями которого разбиты плантации шампиньонов,— и мы оказались в тихой гостинице с едва не прозрачными стенами.

Всю ночь за окнами шелестел дождь. Утром выглянуло солнце и открыло высокий купол неба, окаймленный горными вершинами.

Короткое путешествие по государственному заповеднику в горы, где облака лежали у наших ног. У подножия гор — площадки для игры в гольф. В горах — тропинки для верховой езды.

На горной площадке, держа уздечки в руках, стоят возле лошадей японцы, предлагая прокатиться. Трогательна забота о лошадях у этих людей. Около нас стоял японец. Вдруг он заметил, что нога лошади, прокушенная оводом, кровоточит, и мгновенно припал губами к ране, высасывая кровь...

В полдень мы отправлялись из Ундзена автобусом для того, чтобы на станции Исигава сесть в поезд на Хиросиму. Ночевали мы на острове Миядзима в японской гостинице. Кроватей в номерах нет. Легкий матрац на мягком полу, маленькая жесткая подушка. Кимоно, в которое вы облачаетесь для того, чтобы пройти в большой зал, где прямоугольником поставлены маленькие столики — на каждого едока отдельно. Все в кимоно — китайцы, чехи, итальянцы, поляки, румыны и мы — сидели поздно ночью, окруженные черной ночной водой, на которой мелькали огоньки катеров и отсвечивали крупные звезды.

Утром осматривали достопримечательности острова, слывущего одним из трех самых красивых мест страны. В большом, построенном 600 лет назад японском храме, у высоких потолков которого, припорошенные пылью, расположились картины на всякие воинственные сюжеты, маленькие школьницы в кимоно исполняли танец под радиолу. Текст песни, сопровождавшей танец, примерно был таков: «Миядзима — красивое место, приезжайте сюда отдыхать!»

Высокий человек в страшной маске исполнял танец короля драконов. Говорят, танец этот родился в Индии, затем перекочевал в Китай и оттуда уже попал в Японию. О возникновении танца существует легенда: жил один военачальник — король драконов,— но проигрывал все сражения, так как у него было очень красивое лицо. Вместо того чтобы сражаться с врагами, воины смотрели на него. Тогда он надел страшную маску, после чего стал побеждать в сражениях.

...Небольшой пароходик скользит по заливу Хиросима. Пересев в автобус, едем вдоль залива к городу. У берега — частая сетка шестов, стоящих в воде. Между шестами скользят лодки, покрытые тентами. Жители собирают морские растения, во время отлива оседающие на шестах. Растения эти потом пойдут в пищу. Дохнуло чем-то пряно-спиртным...

— Завод сакэ,— говорит гид.

Сакэ — японская водка примерно 18 градусов крепости.

С двух сторон дороги — пустыри, заросшие травой. Япония — третья после Голландии и Бельгии страна по плотности населения, и странными кажутся эти пустыри.

Над городом висит сероватожелтая завеса. Знойно. Гид что-то продолжает говорить, но никто не слушает. Все жадно смотрят в окна. Вот и река Хиросима, в которой погибли в тот страшный день тысячи купающихся детей.

— Проспект мира,— сообщает гид.

Мы где-то около самого эпицентра взрыва. Перед нами разрушенное здание библиотеки. Рядом высокая трава, колючая проволока, и на ней — деревянный, выцветший под солнцем плакат.

Молча стоим, смотрим на это опытное поле смерти. Поблизости, за рекой, молодой парк. В нем — подпертые стойками пальмы. Говорят, что деревья плохо растут.

Молча направляемся к памятнику жертвам Хиросимы. Памятник необычный. Могильная плита, прикрытая во всю длину дугообразным грубым камнем. Кладем живые цветы на нагретый зноем камень. Склоняем головы.

Молча идем в музей Хиросимы. Здесь все запечатлено на огромных фотографиях: дым, огонь, обожженные, обезображенные мертвые и живые люди среди обломков и пепла. Под стеклом лежат экспонаты: домашняя утварь, детская обувь, посуда, почтовые номера домов, часы... Особенно запоминаются одни, четырехугольные, показывающие время: 8 часов 15 минут.

Уже после посещения Хиросимы, в Токио, нам довелось посмотреть японский фильм «Дети Хиросимы». В фильме рассказывается история молодой учительницы, возвратившейся в Хиросиму, на родное пепелище, после многих лет отсутствия. Она была школьницей, когда сбросили бомбу. Погибли ее родные и подруги. Девочка осталась живой. Выросла вдали от Хиросимы. В картине хороши эпизоды воспоминаний учительницы о днях своего детства и особенно утра 6 августа 1945 года. Минута за минутой передвигаются стрелки часов. Что происходило в это утро в Хиросиме? Мужчины шли на фабрики и заводы. Дети в школе делали утреннюю зарядку. Торговцы открывали магазины. По улицам весело ехали велосипедисты... А высоко в небе, в облаках, летел самолет с характерным для американских бомбардировщиков скосом крыльев. 8 часов 14 минут. Жизнь еще идет. 8 часов 15 минут. Страшный туман закрывает глаза.

Хиросима. Вблизи эпицентра атомного взрыва висит доска, надпись на которой рассказывает о тяжелой судьбе «первой жертвы Хиросимы» — К. Киккава.

...Мы были в Хиросиме всего несколько часов. После обеда у мэра города отправились по центральным, уже отстроенным улицам к вокзалу.

— Здание американского культурного центра,— сказала девушка-гид, указывая на промелькнувший слева серый дом. В автобусе засмеялись. Только в Хиросиме этого «культурного центра» не хватало!

Сотни ребятишек купались в реке и каналах. Их снова было много в этом городе. С набережных они бросались головой вниз, разбрызгивая воду, отчего под солнечными лучами пробегали пестрые радуги. Матери несли за спинами детей. Дети бегали в парке Мира.

Жизнь продолжалась.

ПО СЛЕДУ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ, В. ВЕДЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Пройдя еще два квартала, они сели в машину, которая ожидала их.

— Может быть, возвратиться и взять их? — неуверенным тоном предложил Гринюк, выслушав отчет Брайцева о встрече с Соней и разговоре с худощавым парнем, который сильно смахивал на Федю, известного по описаниям Корнеевой.

— Не болтай чепухи,— возразил Брайцев.— Полковник не разрешил предпринимать ни единого шага без согласования с ним, а кроме того, какие у тебя основания для ареста? Придет она завтра или не придет, вот о чем следует беспокоиться.

...Она пришла. Но, несмотря на горячие уговоры, главврач не разрешил свидания с Басовым. Гардеробщица, ведающая халатами, и нянечка у входа в лечебный корпус оказались неподкупными. Делать было нечего: Басову передали килограмм яблок и коротенькую записку, в которой Соня сообщала о своем приходе и осведомлялась о его самочувствии.

Араличева вручила сверток Басову, постояла, ожидая, пока он напишет ответ. Басов набросал карандашом несколько фраз на почтовой открытке, вложил ее в конверт и запечатал.

— И скажи ей,— сказал он, передавая Араличевой письмо,— чтобы обязательно. Сегодня или завтра обязательно.

— А чего обязательно-то? — невинным тоном спросила Араличева.

— Она знает чего. Там в письме все написано. Ну, ступай, а то ждет же внизу человек.

Но Араличева не торопилась спускаться вниз. Конверт распечатал Северцев.

«Соня! Сегодня или завтра вечером подходи к стадиону «Динамо»,— говорилось в письме.— Около кассы в кино спросишь у пацанов «Рыбака», они покажут. Скажешь, что от меня. Возьми у него керогаз и отнеси домой. За ним придут. Я очень беспокоюсь: 15-го дядя собирался на дачу, керогаз будет нужен ему. Я скоро выйду. С.»

— А почему «С»? — задумался Брайцев.

— «Скокарь»,— сказал полковник.— Помните показания Коваленко? Так вот, значит, кто этот «Скокарь»!

Араличева вышла в вестибюль и объяснила ожидавшей ответа девушке, что Басов благодарит за яблоки и записку, но написать ответа не может, так как очень слаб. Он просит завтра придти.

Северцев знал, что на воровском жаргоне словом «керогаз» обычно называют пистолет, револьвер.

...Ровно в восемь часов вечера к кассе кинотеатра «Динамо» подошла Люда Араличева.

— Не видел тут «Рыбака»? — спросила она у вертящегося возле кассы мальчишки.

— «Рыбак»? Да он только что был здесь. А вам чего, билетик?

— Давай-ка отыщи, дело есть. Быстро!

— Ну, я «Рыбак».— К Араличевой подошел подросток лет семнадцати. Он был в полотняных брюках и вылинявшей майке.

— «Скокарь» прислал,— сказала Араличева.

— А дальше?

— Керогаз верни.

— Кому?

— Мне.

— А примуса тебе, случайно, не треба?

Араличева протянула письмо. Он подошел к фонарю, извлек из конверта открытку и несколько раз по складам прочитал ее: «Рыбак» был малограмотным.

— Понятно,— как-то неопределенно промычал он и сунул открытку в карман.

— Э, э! — запротестовала Араличева.— Давай сюда.— И задержала его руку.

— Смотри, какая! — одобрил он.— Давно с ним ходишь?

— Ладно. Гони керогаз,— строго сказала она.

— Пошли.— Он сделал несколько шагов и остановился.— Стой. Лучше я сюда принесу.

Он возвратился через десять минут.

— На, держи. И Митьке там кланяйся.— Он сунул руку в карман.— Глянь, сзади меня никого нет?

— Все тихо. Давай.

— Осторожно: заряжен.

— Знаю,— сказала она, и в то мгновение, когда «Рыбак» протягивал ей пистолет, чьи-то руки железными объятиями стиснули его сзади и какой-то голос в самое ухо умиротворяюще зашептал:

— Спокойно, спокойно, все в порядке.

Мягко подошла машина и так же неслышно ушла. Араличева осталась одна стоять на тротуаре. У касс кинотеатра попрежнему толпился народ. Даже вездесущие мальчишки, и те не заметили ничего.

14

В научно-техническом отделе пистолет пробыл около суток. За эти сутки удалось уточнить многое. Было установлено, что вся коллекция гильз, хранящаяся в сейфе у Северцева, стреляна именно из этого пистолета «ТТ» образца 1933 года за номером... С номером произошло затруднение. Номер оказался уничтоженным. А узнать его было абсолютно необходимо, потому что только номер мог рассказать биографию пистолета, поведать историю о том, какими путями он попал в преступные руки. К сожалению, этого не удалось узнать о пистолете «Беретта», изъятом на квартире у Багрова. «Беретта» имела иностранное происхождение, возможно, пистолет был получен первым владельцем прямо из-за рубежа, поэтому номер его 001123 в общесоюзной описи огнестрельного оружия не числился. Другое дело «Тульский Токаревский». Итак, нужно было узнать номер.

Номера на пистолетах выбиваются чеканкой, и цифры получаются как бы вдавленными в корпус пистолета. Поэтому, естественно, если уничтожить слой металла и превратить место, где были отчеканены цифры, в гладкую поверхность, то кажется, что прочитать уже несуществующий номер невозможно. Но это только кажется. Металл, в частности, сталь, из которой изготовлен корпус пистолета, как и всякое неорганическое вещество, состоит из молекул. В том месте, где металл подвергался воздействию пресса при чеканке номера, молекулы неизбежно должны были уплотниться по сравнению со всей остальной массой молекул, составляющих корпус пистолета. Причем это уплотнение проходит по вертикали не только в тонком поверхностном слое, непосредственно соприкасавшемся с прессом, но распространяется и глубоко вовнутрь. Следовательно, как ни старайся уничтожить номер, в случае необходимости его всегда возможно восстановить.

После специальной обработки пистолета восстановили уничтоженный номер 0802 и передали его в соответствующие органы, чтобы установить, кому он прежде принадлежал.

...Соня сдержала обещание, данное Басову. Назавтра она снова пришла в больницу. И вновь врач не разрешил свидания. И вновь гардеробщица и нянечка у дверей были неумолимы. На этот раз Араличева не могла передать Басову ни яблок, ни записки. Однако девушка получила ответ — вчерашнее письмо Басова. Она пробежала его здесь же, отвернувшись к окну.

— Обязательно, он просил передать на словах, чтобы сегодня или завтра обязательно.— Араличева повторила фразу, сказанную накануне Басовым.

Девушка поблагодарила и сунула ей десять рублей. Араличева спрятала деньги в карман халата.

...Вечерняя операция была несколько сложнее вчерашней. Еще днем Брайцев два битых часа тренировал специально подобранных для этой цели мальчишек. Один из них, племянник Араличевой, должен был играть главную роль.

Гринюк, одетый в полосатую тельняшку, коротенький пиджак и

Продолжение. Начало см. «Огонек» №№ 40, 41, 42.

«бобочку», лихо сдвинутую набекрень, с независимым видом прогуливался у касс кинотеатра.

В половине девятого Брайцев издали указал мальчику на Соню, выходившую из метро. Мальчишка нагнал ее и, забежав вперед, спросил, не нужен ли лишний билетик.

— А ты кто такой? — спросила девушка.

— А вам-то что?

— «Рыбака» знаешь?

— А вон он, в тельняшке такой. А вам зачем? — с нескрываемым любопытством спросил малец и закинул рыжую голову.

— Много будешь знать, скоро состаришься,— улыбнулась девушка и, убыстрив шаг, направилась к кассам.

Мальчишка проводил ее одобрительным взглядом. Видимо, она произвела на него приятное впечатление. Но больше всего он был доволен собой, и непостижимый доселе Шерлок Холмс казался ему в этот момент примитивным дилетантом.

— «Рыбак»? — спросила она, подойдя к Гринюку.

— Допустим, — ухмыльнулся он.— А вы, как я догадываюсь, Сонечка.— И Гринюк подмигнул ей по-свойски.— Ну, как там «Скокарь», не отдышался еще?

— Пытается,— ответила девушка и тихо прибавила: — Я за керогазом пришла.

— Керогаз при нас,— процедил Гринюк,— а какая гарантия имеется?

— Какая еще гарантия? — забеспокоилась девушка.— Вот у меня его письмо.

Гринюк прочитал записку Басова и спрятал ее в карман. Соня не возражала. Потом он бесцеремонно взял ее под руку, и они, не торопясь, пошли к остановке троллейбуса. По пути Гринюк незаметно передал ей уже ставший безвредным пистолет.

...Было одиннадцатое число. Согласно записке Басова, за пистолетом должны были придти в течение четырех последующих дней, включая утро пятнадцатого. На пятнадцатое, вероятнее всего, было назначено какое-то новое дело, договоренность о котором существовала заранее. Северцев во что бы то ни стало решил поломать этот план.

На окраине Москвы, в одном из тихих переулков, где находился дом, застрахованный от огня, устроили засаду. Под наблюдение была взята квартира Сони, а также все входящие и выходящие из нее.

Между тем по мере приближения пятнадцатого Басов стал проявлять все более заметную нервозность. Тринадцатого Араличева и Карпатов, который дежурил вместе с ней, задержали Басова, когда он пытался бежать в одном белье через окно уборной. Северцев решил, что этот поступок более чем что-либо свидетельствует о полном выздоровлении и, к превеликой радости врачей, почувствовавших наконец долгожданное облегчение, приказал перевести Басова из больницы в тюрьму.

Все это время, пока проводились последние операции, связанные с ранением Басова, на Петровке, 38, не прекращались допросы.

Было бы слишком утомительно досконально описывать их, тем более, что в основном результаты допросов мало в чем влияли на ход дальнейшего следствия. Поэтому остановимся лишь на тех деталях, которые имели непосредственное отношение к делу.

Михаил Косов — «Рыбак» — оказался человеком, сделавшим в своей жизни лишь первый шаг по преступной дорожке. Еще не обладая достаточным опытом встреч со следователем, он на первом же допросе полностью капитулировал перед бесспорными фактами.

Дело в том, что сразу же после ареста Косова Северцев отобрал у него башмаки и направил их для биологического исследования. На этот раз исследование дало блестящие результаты. На нитях, скрепляющих рант с подошвой давно не чищенного башмака Косова, эксперт обнаружил мельчайшие частицы высохшей крови, которую он классифицировал по второй группе. В то же время кровь самого Косова относилась к первой группе.

Сама кличка «Рыбак» навела Брайцева на мысль возвратиться к старой, давно отброшенной версии относительно московского общества «Рыболов-спортсмен». Затребовав списки общества, он нашел в них фамилию активного члена и аккуратного плательщика взносов Михаила Косова.

Инженер Лосев, к которому съездил Брайцев, наконец вспомнил, что по его заказу Косов изготовил два десятка тяжелых блесен «шторлинг», на которые в подмосковных водоемах особенно успешно ловятся окунь и щука. Эти блесны Косов приносил ему домой, и он, Лосев, даже угощал его чаем. Далее был восстановлен в памяти тот самый вечер, когда заседала секция спиннингистов общества «Рыболов-спортсмен» и именно Косов уговаривал Лосева принять участие в массовом выезде, а сам так и не приехал.

— И кто мог подумать! — сокрушался Лосев.— Такой умелый рыболов — и такой мерзавец!

...— А вы, я смотрю, ловкач: здорово это у вас получилось с блеснами! — сказал, начиная допрос, Северцев.— Одних вещей на восемнадцать тысяч унесли. Только вот кровь на паркете не следует растирать ботинком: некультурно получается, и потом на подошве остаются следы.

— На пушку берешь, начальник? — неуверенно произнес Косов.

— Охота была брать вас на пушку! — откровенно признался Северцев.— Хотите, я вам расскажу, как было дело в квартире Лосева? Машину вы оставили во дворе, потом прошли через тот подъезд, где помещалась аптека: здесь подъезд не запирался на ночь. Поднялись на чердак, отжали замок и спустились на площадку восьмого этажа. Вы остались у двери, чтобы отвлечь внимание овчарки от окна столовой, куда, пройдя по карнизу и выставив стекло, проник Басов. Когда он уже находился в комнате, овчарка бросилась на него. Басов убил ее ножом, но она успела прокусить ему руку. Он открыл изнутри английский замок и впустил вас. Рука его была в крови, и кровь капала на паркет. Чтобы не оставлять следов, вы растерли пятно на паркете ногой. Я даже могу назвать вам точное время, когда все это происходило: в два часа сорок минут ночи.

Косов был ошеломлен осведомленностью Северцева. Он рассказал все. К сожалению, он пребывал в полном неведении относительно существования банды и был связан лишь с Дмитрием Басовым. Этой кражей в основном ограничивалось участие Косова в делах банды.

— Вы не сказали мне, каким образом к вам попал пистолет, — напомнил Северцев.

— Ночью как-то я возвращался домой... — стал рассказывать Косов.

— Где вы провели ночь?

— Да так, с одной знакомой.

— Продолжайте,— сказал Северцев.

— Значит, иду я домой, а мы с Басовым рядом живем. Он на Вятской, а я около «Динамо». Так вот, на Новослободской вдруг вижу — навстречу мне Митька. Хромает. За стену держится. Я ему помог, до дому довел. «Скорую помощь» это я по телефону вызвал. По дороге Митька рассказал мне, что его поцарапали, и отдал на сохранение свой пистолет. Митька боялся, что, если попадет в больницу, дома могут устроить обыск. Он сказал, что за пистолетом придут его корыши, которые будут предупреждены.

Басов был посложней Косова. Но Северцев располагал уже всем необходимым, чтобы в ходе допроса рассчитывать на успех.

Легенда о загадочном покушении на жизнь Басова была быстро развеяна в прах.

— Послушайте,— сказал Северцев,— мы только зря теряем время. Попробуйте посмотреть на себя со стороны: ведь уже сами по себе вы являетесь сплошным вещественным доказательством. Начнем с левой руки — отлично сохранившиеся следы собачьих клыков. Между прочим, вы счастливо отделались: еще немного, и лосевская овчарка порвала бы вам вену. Я уже не говорю о том, что на паркете у Лосевых вы расписались своей кровью. Не будем мелочны. Следующими по счету идут правое плечо, локоть и колено,— крути не крути, они ободраны, и даже сильно. Это память о сорок третьем километре Дмитровского шоссе, Басов. Далее — ваша левая нога — след милицейской пули. Мы уже не станем касаться таких пустяков, как гильза, найденная на Каширском шоссе. Попробуем подвести итог. Ко всему вышеперечисленному следует присовокупить, что шофер Валежин опознал вас. А косовские показания? Совсем упустил из виду косовские показания! Честное слово, не волныйте, Скокарь. Вам же все равно уже не выпутаться. Это конец.

И вдруг неожиданно для Северцева Басов закатил глаза к потолку и, сделав идиотское выражение лица, слезливо замямлил:

— Поеду... сейчас... в Сухум... купаться...

— Что? Что? — опешил Северцев.

— Купаться... в Сухум...— неуверенно повторил Басов и на всякий случай пустил слюни.

— Э, вот это уже зря,— критически заметил Северцев.— Неубедительно получается. Психа надо делать не так.

Но Басов продолжал сверкать белками и уверять, что поедет в Сухум.

И хотя Северцев ни на минуту не сомневался в его психической полноценности, все же, согласно существующим правилам, Басов был направлен на заключение врачебной комиссии, где его попросту подняли на смех.

Трудно было поверить, что неглупый и опытный Басов мог рассчитывать всерьез на возможность длительной симуляции психического расстройства. Скорее всего этот неловкий трюк понадобился ему, чтобы хоть как-нибудь оттянуть время. Аналогичное стремление наблюдалось и на допросах остальных подследственных. Северцев чувствовал, что в его руках отнюдь не главные заводилы банды. Кто-то более сильный, чем они, главарь, пользующийся у них непререкаемым авторитетом, находился на воле. И этот факт сам по себе связывал им языки и определял их поведение.

Профессиональное чутье не обмануло Северцева. Его подозрение подтвердилось новым фактом. Прибирая после утреннего туалета в умывальной внутренней тюрьмы угрозыска, надзиратель обнаружил записку. Написанная бисерным почерком на обороте трамвайного билета, она была скатана в тугую трубочку и вставлена в носик водопроводного крана. Очевидно, автор рассчитывал, что кто-то, находящийся не под столь пристальным наблюдением, как он, какими-то неведомыми для Северцева путями переправит записку на волю. Это был поистине отчаянный призыв подать о себе голос, хотя бы условный знак, потому что держаться далее не оставалось силы.

Записка была без адреса, обращения и подписи, но Северцев узнал почерк Багрова. Он хорошо понимал его состояние. Прижатый к стене неопровержимыми уликами, Багров не мог уже придумать ничего лучшего, как молчать, не произнося на допросах ни слова. Остальные трое, арестованные во время операции на Можайском шоссе, следовали в своем поведении примеру Багрова и напоминали в этом смысле его бледную тень: они были рядовыми в банде.

...Наступило пятнадцатое число. Сведения из дома Софьи Хмелько (такую фамилию носила знакомая Басова) были малоутешительными. В течение четырех дней за пистолетом никто не приходил.

Пятнадцатого, в девять утра, Северцев устроил очную ставку между Басовым и Багровым. Они сидели перед ним и молчали. Ни на один вопрос не последовало ответа. Можно было подумать, что Северцев встретился с глухонемыми.

— Отлично,— сказал он, когда были исчерпаны все средства.— Я никуда не спешу. Будем молчать вместе.

Иван Ильич достал из футляра очки, тщательно протер носовым платком стекла, предварительно подышав на них, и, раскрыв книгу, углубился в чтение.

Вдруг Северцеву послышалось деликатное постукивание. Как бы от скуки, опустив руки, Багров барабанил пальцами по ножке стула. Он делал это с безразличным, отсутствующим выражением лица и столь тихо, словно стеснялся отвлечь Северцева от чтения.

Иван Ильич собрался было пресечь эту фривольность. Но, вовремя передумав, сделал вид, что увлечен книгой, и стал прислушиваться.

В приемной стучала машинка, это мешало сосредоточиться, и все же... Точка-тире-точка... «Ес-ли про-дать Вол-ка, он убь-ет»,— складывал по буквам Северцев.— «Волк убь-ет»... Одна и та же фра-

за повторялась несколько раз... Очевидно, Багров был не слишком высокого мнения о познаниях своего приятеля в азбуке Морзе.

Постукивания прекратились. Снова воцарилась полная тишина, и только сквозь обитую войлоком дверь из приемной слышался глухой стук пишущей машинки.

...Итак, появилась новая фигура — «Волк». Не он ли является вожаком стаи? На протяжении всего следствия впервые появилось имя «Волка». Кто он, этот человек, который еще ни разу и нигде не оставил своего следа? А может быть, были следы, но Северцев прошел мимо и не заметил их?

Днем принесли прошитый и запечатанный сургучами пакет. Северцев, наклонившись над корзиной, сломал печати, потом, посмотрев конверт на свет, аккуратно срезал его край ножницами.

Это был ответ на запрос Северцева относительно пистолета «ТТ» за номером 0802. В письме сообщалось, что настоящий пистолет числился за охраной Н-ского исправительно-трудового лагеря МВД СССР и, согласно докладной записке начальника лагеря, был похищен из караульного помещения ** февраля 195* года.

Северцев подошел к сейфу и извлек из объемистой папки другое письмо. Даты сошлись. Исчезновение пистолета и побег Урганова были отмечены одними и теми же числами. Но, как известно, Урганов замерз в пути, и останки его покоились на кладбище. Каким же образом пистолет мог попасть в Москву и очутиться в руках членов ургановской банды? Но, позвольте, откуда вообще возникло само понятие «банда Урганова»? Какая связь существует между покойным и людьми, которые находятся сейчас под следствием?

Вопросы нагромождались один на другой. Они требовали немедленного ответа. Ответы можно было получить лишь в результате активных оперативных действий. А так как единственно известным, но малоизученным объектом теперь оставалась квартира Хмелько, Северцев решил снять не давшую никаких результатов засаду и, захватив с собою оперуполномоченного, сам поехал туда...

15

За дверью не ощущалось никаких признаков жизни. Северцев постучал настойчивее. Послышались торопливые шаги, и испуганный голос спросил:

— Кто там?

— Из уголовного розыска. Откройте.

— Сейчас. Одну секунду.

Шаги удалились. Прошло минут пять. Северцев постучал снова.

Наконец на пороге появилась Хмелько. Она была напудрена и подкрашена, но даже краска не могла скрыть бледности ее щек.

— Почему вы не открывали? — строго спросил Северцев.

— Странный вопрос, не могла же я выйти к вам голой! — Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкой.

Северцев прошел в комнату.

— Вы живете одна?

— Да, то есть нет, как вам сказать...— Она замялась.

— Говорите прямо: да или нет?

— Видите ли, собственно, я живу с братом, но он ночует у себя в мастерской.

— В какой мастерской? — не понял Северцев.

— Брат — скульптор.

— Так,— неопределенно сказал Северцев.— А сами вы чем занимаетесь?

— Сижу на шее у брата.— Она повела плечами, зябко кутаясь в свой халат.

— Можно видеть вашего брата?

— Сейчас. Я позову его,— забеспокоилась она.— Но если хотите, мы пройдем прямо к нему. Это здесь, в нашем доме.

По шаткой внутренней лестнице они поднялись на второй этаж.

Посреди комнаты на низком деревянном помосте возвышалась полутораметровая скульптура женщины с девочкой на руках.

Худощавый юноша с выпачканными глиной руками обернулся, и Иван Ильич прочел в его глазах недоумение.

— Товарищ из угрозыска,— поспешила объяснить Соня.

— Этого еще не хватало! — воскликнул он, но, тотчас спохватившись, добавил совсем иным тоном:— Входите, пожалуйста.— И, накрыв газетой не очень чистую табуретку, подвинул ее Северцеву.— Прошу садиться.

— Я вижу, что оторвал вас, извините,— сказал Иван Ильич.

— А я и не сомневался, что рано или поздно этим должно было кончиться. Чем могу служить? Впрочем, догадываюсь.— Он метнул молнию в сторону сестры, и та съежилась под его взглядом.— Надеюсь, ты отдала товарищу эту штуку?

— А у меня ее никто и не спрашивал.

— Может быть, ты ожидаешь запроса в письменной форме? — язвительно заметил он.— Сейчас же спустись и принеси, понятно?

Она послушно вышла из комнаты.

— Вы себе не представляете, с каким наслаждением я бы накостылял этой дуре по шее! Но, к сожалению, невозможно, женщина! — И он беспомощно развел руками.

Спустя несколько минут возвратилась Хмелько и принесла пистолет.

— Вот.— Голос у нее дрожал.— Только обещайте, что мне ничего не будет.

— Я не стану давать никаких обещаний,— сказал Северцев.— Откуда у вас оружие?

— Не подумайте, что я хотела воспользоваться им, ей-богу, я даже не знаю, из какого конца нужно стрелять.

Наступила пауза. Скульптор с мрачным видом расхаживал по комнате, поглощая одну сигарету за другой.

— Вы не ответили на вопрос,— напомнил Северцев.

— Что же ты, говори! — загремел скульптор.— Ты все, все говори!

Она подробно рассказала о визите Брайцева, о двух посещениях Боткинской больницы и о встрече с «Рыбаком». Только о «Дяде», о котором писал Басов из больницы, не было сказано ни единого слова.

— Значит, вам было известно, чем промышляет Басов? — спросил Северцев.

— Я догадывалась,— тихо ответила Соня.

— Не морочь голову,— вмешался брат.— Разумеется, она знала, знала все, даже больше, чем ей полагалось знать!

— И, несмотря на это, вы продолжали встречаться?

— Ну и что же! — неожиданно вызывающе крикнула она.— Мне нравится этот мужик, понимаете, нравится! А, да мне наплевать, что вы обо мне думаете!

— А кто такой «Дядя»? — резко спросил Северцев.

И без того уже бледное ее лицо стало еще бледнее.

— Я спрашиваю вас: кто такой «Дядя», гражданка Хмелько?

— Я не знаю... Нет, что вы, я действительно не знаю, клянусь мамой.

— Кто же, в таком случае, находился у вас, когда пришел человек из больницы?

— Я,— вмешался брат.— Я даже требовал, чтобы она не впускала неизвестного человека, а потом запретил ей идти в больницу.

— Ты говоришь дикие вещи! — Она обернулась к нему.— Как я могла не пойти, если, если... А ну вас всех к черту! Оставьте меня!

— А за пистолетом к стадиону «Динамо» вы тоже не могли не пойти? — спросил Северцев.

— Ну казните, казните меня! — рыдая, закричала она.— Казните меня за то, что я баба!

— Держи себя в руках, истеричка! — закричал брат.

— Давайте разберемся спокойно,— предложил Северцев,— свои отношения вы выясните, когда я уйду. Так, значит, вы говорите, за пистолетом никто не приходил?

— Нет, почему, я этого не говорила,— все еще продолжая всхлипывать, возразила она.

Ее ответ поразил Северцева, как удар молнии.

16

— Позвольте, — нетерпеливо спросил Северцев,— но вы только что утверждали, что не знаете никакого «Дядю»?

— Нет. Не знаю.

— А кто же тогда приходил к вам?

— Какой-то молодой человек, я его видела впервые.

— Почему он не взял пистолета?

— Он осмотрел его, нашел какую-то неисправность и сказал, что «машинку лапали».

— Все?

— Все,— ответила она.

— Когда это было?

— Вчера. Около десяти утра.

— Он пришел тем же путем, что и я?

— Нет, через черный ход, который выходит в другой переулок.

О существовании второго входа Северцев слышал впервые. У него заломило в висках.

«Упустили, — подумал он, — поглупому упустили».

Узнал Иван Ильич и еще одну деталь. Молодой человек тут же, в комнате Сони, написал какую-то телеграмму, но не отправил ее, а немного подумав, разорвал. Клочки бумаги он унес с собой.

— На чем он писал?

— Я дала ему старую тетрадь с конспектом. Ведь я же когда-то училась в энергетическом институте.

— Где эта тетрадь?

— Сейчас...— Она мучительно вспоминала.— Сейчас я соображу, куда ее сунула... Ах, вот она!

Северцев раскрыл тетрадь. Страниц пятнадцать были исписаны мелким торопливым почерком. Он прочитал несколько фраз. Это была лекция по сопромату. Следующий лист был выдран, и на сгибе сохранились клочки. Дальше... Северцев подошел к свету и поднял раскрытую тетрадь на уровень глаз...

В научно-техническом отделе страницу, сохранившую слабые следы букв, сфотографировали при скользящем свете. Фамилии адресата и полного текста восстановить не удалось, но отдельные слова все же проявились. Подставив недостающие буквы, Северцев прочитал: «...нка, дом 2, кв. 23... на карантине. Расскажу при встрече». Однако дело было даже не в содержании. Теперь полковник располагал почерком, а это при известных обстоятельствах позволяло надеяться, что по почерку может быть найден и сам преступник...

Кем был человек, пришедший за пистолетом? Кого он пытался предупредить телеграммой о том, что квартира Хмелько «на карантине»? На какой улице Москвы расположен дом № 2 с квартирой 23? Известно было лишь окончание названия улицы «...нка». Но в Москве много улиц с таким же окончанием. И на каждой из них есть дом № 2...

17

Продолжая искать следы «Волка», Северцев решил ознакомиться с томами старого уголовного дела, которое Брайцев извлек из архивов Мосгорсуда. Даже сам по себе заголовок на папках был ошеломляюще красноречив: «О хищении из... ского отделения Мосгорбанка 1 миллиона 800 тысяч рублей».

12 апреля 194* года, в три часа дня, Алексей Урганов вместе с двумя своими сообщниками, подъехав на машине к отделению Госбанка, расположенному на одной из центральных площадей Москвы, похитил оттуда 1 миллион 800 тысяч рублей.

Это был последний «подвиг» Урганова, за которым следовали побег из лагеря и гибель во время пурги.

Но Северцева заинтересовал более ранний период ургановской

биографии. Одно из старых дел показалось Северцеву подозрительно знакомым.

Работая в одиночку, как-то в начале войны Урганов проник в квартиру подполковника, находящегося на дежурстве в Наркомате обороны. Неожиданно возвратился хозяин. Казалось, это уже был конец: подполковник имел при себе оружие. Но Урганов предъявил подполковнику фальшивое удостоверение оперуполномоченного НКВД и объяснил, что в квартире производится обыск. Затем он предложил сдать оружие.

— Где человек, с которым вы только что поднимались по лестнице?— спросил Урганов.

Подполковник опешил. Он не заметил никакого человека, так как шел один.

Приказав подполковнику не двигаться с места, Урганов крикнул кому-то, якобы находящемуся во внутренней комнате, что сейчас возвратится, и вышел из квартиры...

Это было давно. Но Северцев вспомнил обстоятельства недавней кражи, происшедшей на Новопесчаной улице и оставшейся нераскрытой.

Женщина, случайно вернувшись домой среди дня, застала в передней незнакомого мужчину.

— Не волнуйтесь!— предупредил он ее вопрос.— Вас пытались обокрасть, но преступникам, видимо, помешали. Уже приняты все меры. Я понятой. Прошу вас не делать ни единого шага. Сейчас возвратятся товарищи из милиции, которые пошли за служебной собакой.

Потом он попросил ее проследить, чтобы в комнаты не входили посторонние и не затоптали следов, и отправился выяснять причину задержки... Так из квартиры исчезли золотые часы, браслет, облигации и крупная сумма денег.

Две эти кражи, старая и новая, были схожи по приему, использованному преступником, которого застигли врасплох. А если к этому присовокупить загадочные обстоятельства исчезновения пистолета «ТТ», вдруг оказавшегося в Москве... Если вспомнить, что при ограблении банка Урганов пользовался машиной и теперь вновь шла охота за автомашинами... Если собрать воедино все эти разрозненные факты, возникал вопрос: действительно ли череп и кости, найденные в тундре весной, были Алексея Урганова?

Северцев принял решение: произвести эксгумацию трупа и доставить череп в Москву. На рассвете Брайцев вылетел в Н-ский лагерь.

...Неудача, которая постигла следствие с провалившейся засадой в доме Хмелько, неожиданно компенсировалась целой серией удивительных удач.

Графическая экспертиза установила, что автором телеграммы, написанной у Хмелько, возможно, является Федор Евгеньевич Волков, 1933 года рождения, приговоренный условно к году тюремного заключения за пьяный дебош в ресторане «Европа».

Волков —«Волк»? Это было более чем странно. Неужели столь зеленый юнец на самом деле руководил бандой?

С фотографии смотрела сальная физиономия с тоненькой черточкой усиков вдоль верхней губы. «Сморчок»,— подумал Северцев.

Накануне этого открытия в один из скупочных магазинов, куда был переслан список вещей, похищенных на квартире Лосева, вдруг поступило пальто, весьма подозрительное по своим приметам. Так как магазин уже закрывался, Северцев позвонил на службу Лосеву и договорился, что завтра с утра они вместе отправятся туда.

— Мое! — взглянув на пальто, воскликнул Лосев.— Проверьте: должна быть разорвана подкладка под левым рукавом!

В самом деле, подкладка под левым рукавом разошлась по шву.

Приемщик записал фамилию и адрес сдававшего пальто. Это был совершенно новый человек, еще неизвестный Северцеву,— студент четвертого курса Московского авиационного института Сергей Ямцов.

В дирекции института и в комитете ВЛКСМ Северцев получил исчерпывающие данные о Ямцове: персональный стипендиат, член студенческого научного общества, секретарь факультетского бюро комсомола.

Ямцова пригласили в директорский кабинет, и они остались с Северцевым вдвоем. Северцев спросил Ямцова, как к нему попало пальто.

История была такова. Старый школьный товарищ Федя Волков, с которым у Ямцова давно уже разошлись интересы, сохранил обыкновение изредка захаживать к нему. Как-то утром Волков, заскочив на минутку, попросил Ямцова одолжить ему полтораста рублей. «Только до завтра»,— клялся он. Лишних денег не было, предстояло еще тянуть до стипендии, и Ямцов отказал. Тем более, что Волков не имел обыкновения возвращать долги. Но Волков настаивал, уверял, что от этих ста пятидесяти рублей зависит вся его жизнь, все его будущее счастье,— ведь только на один день, ведь завтра... В обеспечение своего долга он оставил Ямцову пальто, «почти совсем не надеванное, понимаешь, до слез жаль тащить его в скупку». Однако вслед за завтра наступило послезавтра, прошло еще двадцать дней, а Волков не появлялся. На днях Ямцов встретил его, он деликатно намекнул о долге, тот отмахнулся: нашел, мол, о чем вспоминать. На том свете сочтемся. Но Ямцов предпочитал произвести расчеты еще на этом свете и, разозлившись, отнес в скупочный магазин оставленное Волковым пальто. Ему заплатили четыреста рублей. Он тут же пришел к Волкову, чтобы возвратить разницу. Узнав, что пальто сдано в скупку, Волков сначала струхнул, а потом набросился на Ямцова, обвиняя в том, что тот чуть ли не погубил его...

...Возвратившись к себе на Петровку, Северцев позвонил в таксомоторный парк и просил срочно разыскать Валежина. Из пяти фотографий, разложенных на столе, Валежин выбрал одну.

— Он, Иван Ильич. Тот самый — второй, худощавый.

Точно такая же операция фотографического опознания была проведена и со свидетелем Корнеевой. Становилось очевидным, что Федя Волков является участником бандитской группы, а может быть, и вожаком волчьей стаи.

Получив санкцию прокурора, Северцев вместе с Гринюком и Карпатовым выехал на квартиру Волкова, чтобы произвести арест.

Волкова дома не оказалось. Когда его мать узнала, что приехали арестовывать сына, с ней сделался сердечный приступ. Волков-старший, пытаясь успокоить жену, заявил, что, по всей вероятности, произошло досадное недоразумение. При этом он весьма недвусмысленно намекнул на некоего высокого начальника — своего институтского друга, который, без сомнения, пресечет произвол.

— Я готов дать руку на отсечение,— горячо уверял он,— что у моего сына забавы самого невинного порядка! Ну, съездит на охоту, выпьет слегка, иногда пошумит в ресторане... Я готов дать руку...

— Считайте, что вы уже без руки,— с грустью заметил Северцев.— Ваш сын попал в опасную компанию. И, возможно, в его же интересах сейчас изолировать его.

— Прекрасно!— ухватился за эту мысль Волков.— Я увезу его на два месяца в Сочи. В конце концов, мы можем отправить его к тетке в Краснодар.

— Поздно,— сказал Северцев.— Вы проглядели своего сына. Теперь уж его воспитанием придется заняться нам.

— Боже мой!— сокрушалась Волкова.— Мы же не отказывали ему ни в чем, мы же ни разу пальцем его не тронули!..

Северцев устал от этих сентенций, сопровождающихся всхлипываниями и заламыванием рук.

— Я должен буду произвести в его комнате обыск,— сказал он.

— Обыск?!— переспросил Волков. У него даже захватило дыхание от неожиданности.— Обыск в моей квартире! Да вы отдаете себе отчет в своих действиях?

— Вполне,— спокойно ответил Северцев и, обернувшись к Гринюку, приказал:— Пригласите, пожалуйста, понятых.

В письменном столе, перебирая ящик за ящиком, Северцев обнаружил богатую коллекцию всевозможных приспособлений и устройств, которыми развлекался юный Волков. Здесь был кастет, два внушительных наладонника, причем один замаскированный в виде часов, нож, вделанный в обыкновенную расческу, и даже музейный кистень, которому мог бы позавидовать сам Соловей-разбойник.

Но все это были мелочи, жалкие побрякушки по сравнению с тем, что увидел Карпатов, когда приподнял на кровати матрац. Аккуратно сложенные один к другому, лежали двенадцать инкассаторских мешков, стандартного размера и установленной формы. Это открытие стоило сотен других. Инкассаторские мешки! Так вот почему им нужна была машина, и не какая-нибудь, а именно такси! Так вот где была незримая нить, роднившая тень Урганова со всей этой разношерстной группой! Только на этот раз методика была упрощена: зачем подбирать ключи, взламывать запоры, вырезать окна в стальной броне несгораемых шкафов, если можно под вечер проехаться на такси по нескольким наиболее крупным магазинам и обрести сразу сотни тысяч рублей, пересчитанных и запечатанных в мешках.

А Волков-старший стоял в дверях белее ночной сорочки. Он уже не возмущался ничем и не грозил. Слишком уж ошеломляющим оказались для него и этот ночной обыск, и нож в виде невинной расчески, и, главное, инкассаторские мешки, мешки с торчащими веревочками для пломб и печатей.

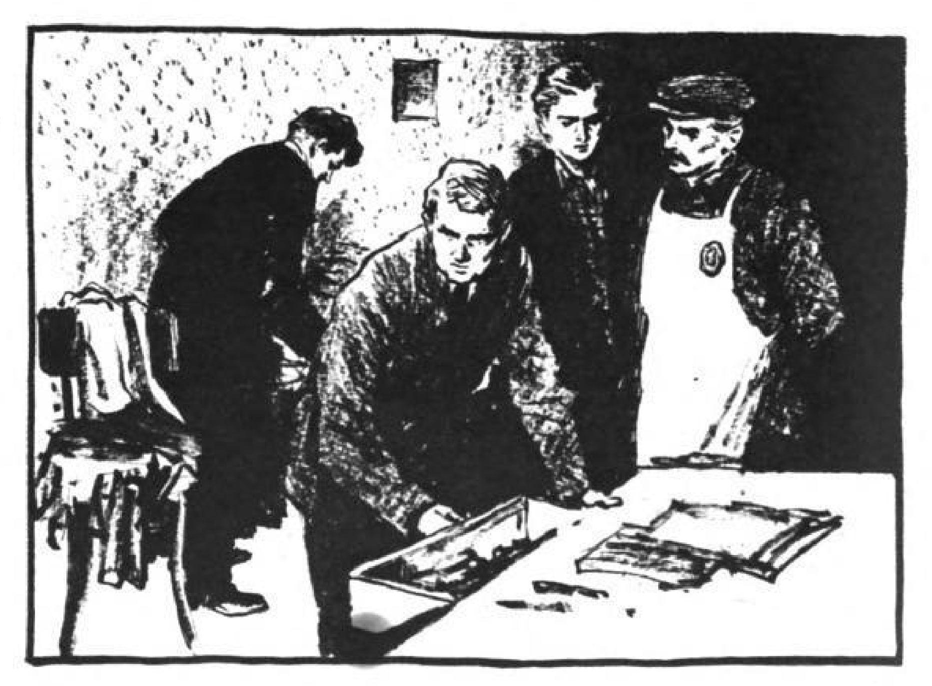
И вдруг Волков вспомнил свою юность... Он был конником у Котовского, чуть не умер от тифа в двадцатом году, в двадцать пятом строил шахты в Донбассе, носил на плече рваный шрам — след кулацкой пули — память о коллективизации на Смоленщине. Всю свою жизнь, все силы свои он отдал тому, чтобы крепла, торжествовала его родная, его кровная Советская власть. И вот оказывается, что его сын Федор, Федечка, Федька, тот мальчик, которого он носил на руках, которому он покупал дорогие игрушки, в котором он не чаял души, вырос и ходил теперь с наладонником и кастетом, складывал под своим матрацем инкассаторские мешки, чтобы грабить именно эту самую его родную, его кровную Советскую власть!

— Судите, сошлите его в тартарары!— говорил Волков, задыхаясь.— Чтобы он землю рыл, чтобы он камни на плечах таскал, чтобы он понял, подлец, почем в жизни фунт лиха!

— Опомнись, что ты говоришь, это же твой сын!— прошептала Волкова.

— Молчать!— крикнул он так, что зазвенел хрусталь.— Молчать!

Окончание следует.

Спартаковцы поздравляют друг друга с победой.
Фото А. Бочинина.

СТИЛЬ «СПАРТАКА»

В большинстве игр футбольного сезона, как бы сильны ни были противники, какие бы страсти ни бушевали на поле и трибунах, счет, определившийся к финальному свистку судьи, подводит итог только данному состязанию, не распространяясь решающим образом на всю турнирную таблицу. Но изредка в ходе розыгрыша возникает положение, когда один забитый или пропущенный мяч может окончательно решить турнирную судьбу команды и всего первенства. Болельщики всегда мечтают, чтобы возникла подобная ситуация, потому что при таком положении все, что происходит на поле, приобретает особо волнующий смысл и исполнено поэзии истинного спорта.

Именно такой и была игра московского «Спартака» с киевским «Динамо» 14 октября. Перед начальным свистком судьи Э. Саара спартаковцам не хватало лишь одного очка в турнирной таблице, чтобы фактически стать чемпионами страны. Уже ничейный результат в предстоящей игре делал их недосягаемыми для любой другой команды. Но и для киевлян эта игра была исключительно важна. В случае победы над прославленным противником они получали реальную возможность завоевать бронзовые жетоны, призы за третье место.

Итак, казалось бы, что «Спартаку» в этой игре и забивать-то голы в ворота противника совсем не обязательно. Два нуля, записанные в турнирную таблицу, давали бы одно ничейное очко, которое уже вполне обеспечивало бы спартаковцам золотые медали. И, значит, можно было бы как будто избрать защитный вариант. Но это не в стиле «Спартака», который, думается мне, сейчас наиболее отчетливо выражает лучшие черты нашего советского футбола: агрессивный характер игры, основанный на необоримом стремлении к победе, требующий филигранной сыгранности, отточенной техники и щедрой самоотверженной траты физических сил.

Именно в таком стиле и выступал весь сезон московский «Спартак». В 1956 году спартаковцы, обычно медленно раскачивавшиеся после зимнего перерыва, уже весной сразу показали мощную, умную и результативную игру. Правда, были у команды и в этом году обидные срывы, например, проигрыш в первом круге «Трудовым резервам» Ленинграда и бесславное поражение, которое потерпели спартаковцы во втором круге от свердловчан. Однако почти во всех остальных играх спартаковцы оправдали самые пылкие надежды, возлагавшиеся на них. Игра спартаковцев радовала остроумием и изяществом проводимых комбинаций, каким-то внутренним, не всегда сразу уловимым расчетом, который озадачивал противника и ломал его замыслы.

Хочется еще отметить удивительную физическую выносливость спартаковцев. Ведь, кроме напряженных игр футбольного календаря, в которых они забили к сегодняшнему дню 65 мячей, а пропустили в свои ворота 28, почти всем игрокам команды пришлось по нескольку раз участвовать в ответственнейших состязаниях с сильнейшими зарубежными футболистами.

В борьбе за последнее решающее очко спартаковцы оказались верными себе. С первых же секунд стало ясно, что они избрали единственно правильный в спорте ход — неукротимое стремление к победе. Какой там защитный вариант!.. Они почти всей командой повели атаки, порой даже слишком увлекаясь нападением, включая в него полузащиту и не всегда с достаточной бдительностью охраняя свои тылы. Используя это, киевляне нет-нет, да и начинали прорываться в зону перед воротами «Спартака».

Спартаковцы, как всегда, сумели гибко примениться к игре противников, почти незаметно перестроились, укрепив защиту, и понемножечку, но уверенно захватили инициативу. Примерно в середине первой половины состязания отлично игравший и особенно отличившийся на сей раз А. Исаев забил головой первый мяч в ворота киевлян. Динамовцы ответили рядом атак, и во время одной из них В. Коневский пробил с лету мяч, который со страшной силой ударился в верхнюю перекладину спартаковских ворот, отлетел рикошетом в землю и отскочил в верх сетки. Счет сравнялся...

Надо ли описывать все перипетии этой интересной игры? Ее надолго запомнят болельщики. Хочется отметить только упорство киевлян. Когда спартаковцы вели уже 3 : 1, они продолжали борьбу с полным напряжением сил, и был момент, когда счет снова стал ничейным — 3 : 3. То был редкий пример доблестного и оправдавшего себя упорства киевлян при, казалось бы, уже безнадежном положении.

Но спартаковцы показали еще раз, какой неиссякаемый запас сил имеется в их команде. Они совершенно прижали соперников к воротам. Много мячей отбил вратарь О. Макаров, трижды мяч отскакивал от штанги ворот динамовцев. И, в конце концов, с подачи Б. Татушина А. Исаев забил четвертый, решивший игру гол.

Свисток судьи застал спартаковцев за продолжавшимся бурным штурмом ворот киевлян.

Десятки тысяч зрителей с трибун Центрального стадиона имени В. И. Ленина и игроки киевского «Динамо» на поле приветствовали новых чемпионов страны.

Лев КАССИЛЬ

ИГРАТЬ ПО-АЛЕХИНСКИ

Двухнедельный перерыв между XII олимпиадой и турниром памяти А. Алехина его участники использовали по-разному. Гроссмейстеры Г. Штальберг, С. Глигорич, П. Керес слетали на недельку домой. М. Найдорф, Л. Сабо, В. Унцикер дали сеансы одновременной игры в Ленинграде, Москве, Ростове-на-Дону, хотя они, как и все иностранные шахматисты, считали, что давать сеансы в СССР — «безнадежное занятие». Ну, и, конечно, все участники перелистали свои шахматные тайники, в которых хранятся всяческие «сюрпризы» для противников.

Торжественное открытие... Первые аплодисменты заработал М. Найдорф, когда он на жеребьевке вытащил номер 1.

— На этом предлагаю закончить турнир! — шутит аргентинский гроссмейстер.

За последние годы проводится очень много отборочных турниров. У шахматистов все время заботы: то надо «выполнить норму», то попасть в «тройку», «пятерку», «девятку», в полуфинал, в финал... И вот наконец в Москве начался турнир, в котором можно «просто хорошо поиграть в шахматы»! Конечно, это не значит, что не будет острой спортивной борьбы. Каждый хочет быть первым в турнире памяти первого шахматиста мира. Заметно стремление всех участников отметить память русского гения шахмат первоклассными партиями. Советские шахматисты особенно успешно развивают творческое наследие А. Алехина. Блестяще провел свою партию Д. Бронштейн против Б. Слива. В третьем туре немецкий мастер В. Ульман, в то время как В. Смыслов обдумывал очередной ход, спокойно гулял по сцене. Вдруг совершенно неожиданно для всех советский гроссмейстер сделал чисто алехинский ход 15... Кс 2. Через три хода В. Ульману пришлось поздравить своего противника с победой. Эти партии можно поставить в ряд с партиями А. Алехина.

В первом туре Г. Голомбек проиграл М. Ботвиннику. Английский чемпион угрожал, что больше он не будет играть защиту «Каро-Канн». Однако через два дня в партии с П. Кересом он снова применил эту систему... с таким же «успехом». В утешение могу сказать английскому мастеру, что и М. Ботвинник и П. Керес играют в шахматы настолько основательно, что могут выиграть и при других дебютах.

Между прочим, вспоминаю забавный случай. Несколько лет назад, во время одного из чемпионатов СССР, П. Кереса, которому в свое время приходилось часто встречаться с А. Алехиным, ночью разбудил почтальон. П. Керес с удивлением прочитал телеграмму: «Желаю больших спортивных и творческих успехов. Александр Алехин».

— Что за глупые шутки! — ворчал П. Керес.

Однако в дальнейшем выяснилось, что телеграмму отправил действительно Александр Алехин, но это был однофамилец великого шахматиста, болельщик из Тамбова.

При всем желании играть красиво и содержательно гроссмейстеры не забывают и про спортивные результаты. Так, чемпион СССР М. Тайманов не забыл, что должен «рассчитаться» с Д. Бронштейном и М. Найдорфом за Цюрих 1953 года. Сделал это М. Тайманов очень убедительно как в одной, так и в другой партии. Аргентинский гроссмейстер М. Найдорф, в свою очередь, „урегулировал" свои счеты с Б. Слива за Гетеборг 1955 года.

Сложные «взаимоотношения» у М. Ботвинника с В. Смысловым. Их встреча состоялась во втором туре. Одни назвали ее продолжением матча 1954 года, другие — «авансом» к предстоящему в 1957 году матчу на первенство мира. Но, пожалуй, это была репетиция к матчу. На репетиции еще можно ошибаться. В партии ошибки допустили оба гроссмейстера. Последним ошибку допустил М. Ботвинник, и, благодаря этому волнующая партия закончилась вничью.

В качестве гостя на турнир в Москву приехал из Швейцарии сын покойного чемпиона мира — инженер Александр Алехин.

— Похож он на своего отца? — спрашивают болельщики.

— Да, весьма похож.

— А как насчет шахмат?

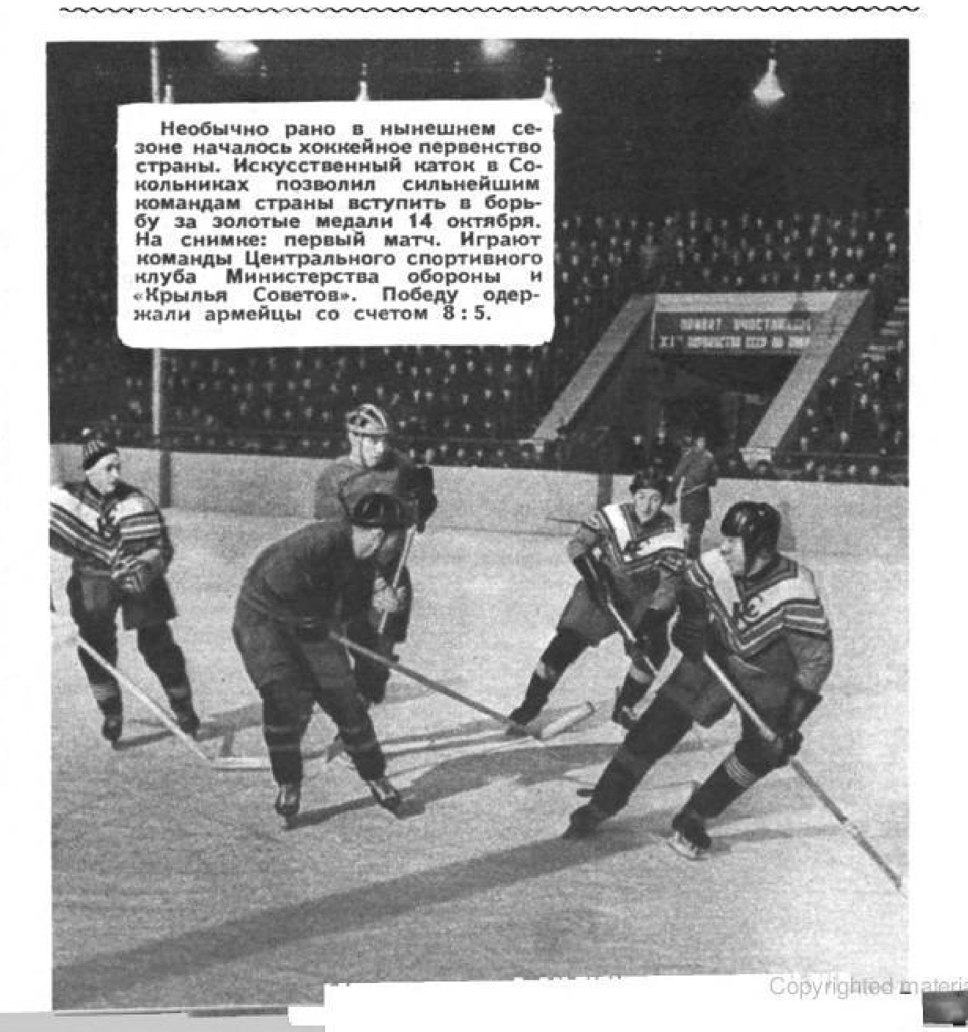
Надо сказать, что «насчет шахмат» у сына дело обстоит хуже. Тридцатипятилетний инженер с улыбкой замечает, что он не сильно увлекается шахматами.

— Не хочу быть плохой тенью своего отца...

После трех боевых туров в четвертом много ничьих. Кто-то шутит, что по субботам даже Алехин делал ничьи. Но это неправда. А. Алехин ненавидел бесцветные ничьи. Помню, как однажды, в 1934 году, партнер Алехина (кажется, это был я) обескровил партию с чемпионом мира многочисленными разменами. А. Алехин комментировал в турнирном сборнике эту партию примечанием: «Я рад констатировать, что подобные партии исключительно редко встречаются в моей шахматной практике!».

Александр Алехин играл с полной энергией и в субботу и в понедельник, и в России и в Аргентине...

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер.

Необычно рано в нынешнем сезоне началось хоккейное первенство страны. Искусственный каток в Сокольниках позволил сильнейшим командам страны вступить в борьбу за золотые медали 14 октября. На снимке: первый матч. Играют команды Центрального спортивного клуба Министерства обороны и «Крылья Советов». Победу одержали армейцы со счетом 8 : 5.

Иголка не в сене...

Федору Ивановичу Дергачеву, крупному хозяйственнику, депутату, поручили провести беседу с женами строителей о равноправии женщин. Теоретическая часть будущего собеседования была для него ясна. Дергачева тревожило другое. Он знал, что женщины неизбежно заведут разговор о некоторых неустроенностях нашего быта. А в этом вопросе он был абсолютным профаном. Поэтому, придя домой, он спросил у жены:

— А ну, скажи-ка, дорогая, какие коммунально-бытовые проблемы волнуют на данном этапе ваши бабьи души?

Жена не любила этого грубовато-снисходительно-шутливого тона и незамедлительно отрезала:

— Никакие!

— А все же?

— Не приставай! Я очень устала, и мне не до твоих острот относительно бабьих душ!

Федор Иванович был дипломатом. Он не любил без нужды обострять отношения со своей женой и круто затормозил. Он быстро перевоплотился в заботливого мужа и спросил необычайно чутким голосом:

— Ты, наверно, дорогая, много работала? Зачем ты так переутомляешь себя? Хочешь, я помогу тебе? Схожу за картошкой или батоном?

Рейс за хлебом был одним из высших актов бытового самопожертвования Федора Ивановича и обычно хорошо воспринимался супругой. Но на этот раз она сказала:

— Обойдутся без тебя!

Но Федор Иванович уже плотно вошел в роль внимательного супруга. Он начал ныть и канючить:

— Ну, дай тебе помочь! Зачем ты взваливаешь на себя всю черную домашнюю работу? Будем делить труд. Не превращай меня в феодала!

— Ладно,— улыбнулась жена,— сходи в магазин и купи тонкую иголку для швейной машины.

«Легко отделался»,— подумал Федор Иванович, ибо ему никогда не приходилось покупать штучный галантерейный товар. В первом же магазине ему сообщили, что иголок нет. Не нашел он их и во втором, третьем, четвертом и пятом. Так он обежал с десяток торговых точек, пока некая сердобольная старушка не посоветовала ему съездить на Дорогомиловскую заставу. Дескать, там в палатках бывают иголки. Федор Иванович поехал на заставу. Здесь ему любезно сообщили, что легче найти иголку в стоге сена, чем в галантерейной палатке. Ему посоветовали попытать счастье в центре, в специализированном магазине «Мосхозторга».

В специализированном магазине было чисто, светло и немноголюдно. Его оборудовали люди, понимающие толк в торговле. Все здесь должно было радовать глаз домохозяйки: и новенькие швейные машины финской фирмы и отечественных заводов, расставленные для всеобщего обозрения вдоль стены, и специальный отдел запасных частей, и услужливые продавцы в опрятных халатах.

Корректные продавцы охотно объяснили Федору Ивановичу, что швейная иголка, несомненно, входит в обязательный ассортимент специализированного магазина и что, как правило, она у них бывает в продаже, но на данном историческом отрезке времени иголок нет!

Федор Иванович, у которого ноги уже гудели, как телеграфные провода на ветру, скрипнул зубами и сказал:

— Как же вам, други, не совестно?! Неужели вы не понимаете, что нельзя заставлять покупателя тратить чуть ли не полдня на покупку какой-то копеечной иглы!

— Что там полдня! — отозвалась женщина-покупательница.— Я пятый день ищу. В нашем доме десять швейных машин и ни одна не шьет! Не найдем иголок!

— Вот, слышите? — сказал Федор Иванович.— Пустяковая вещь, грошовый товар, а вы из него сделали неразрешимую проблему! Бить за это мало!

— А вы думаете, мне приятно людям отказывать в иголке? — ответил продавец.— Да я бы продал хоть миллион! Я ведь вас очень даже хорошо понимаю! Вот и у меня телевизор второй месяц не работает из-за пустяка! Не могу достать магнитное кольцо для кинескопа! А цена этому кольцу — рубль шестьдесят!

— А я из-за штеккера буквально с ног сбился,— пожаловался какой-то покупатель.

— Это еще что за машина? — спросил Федор Иванович.

— Какого черта машина! Ерундовая деталь! Железка для присоединения антенны! И стоит она всего-навсего целковый!

— Безобразие! — бросил Федор Иванович и вышел вон.

Он негодовал. Он зашел в несколько радиомагазинов, чтобы самолично проверить, есть ли штеккера и магнитные кольца. Их не было так же, как и иголок!

«Все это возмутительно! — думал Федор Иванович, возвращаясь домой.— Мелочи портят нам жизнь. Они отнимают у нас массу времени, сил и нервов. И у всех нас почему-то не дотягиваются до этих мелочей руки, а ведь из них соткан наш быт!»

Федор Иванович поделился своими мыслями с женой. На этот раз он встретил полное понимание.

— Завтра же,— сказал он,— я поставлю этот вопрос, где следует! Путь накрутят кое-кому хвосты!

Вечером Федор Иванович проводил беседу у жен строителей. Он не остыл еще от дневного поиска. Он темпераментно говорил о неустроенностях быта, иголках, штеккерах и прочих мелочах. Он сорвал даже аплодисменты. Покидая трибуну, он еще раз подумал: «Как мало мы заботимся об этих чудесных женщинах! Мы мало облегчаем их повседневный, неблагодарный труд. Надо обязательно поставить вопрос...»

На следующий день, едва Федор Иванович переступил порог своего кабинета, как на него навалились десять тысяч дел — одно сложнее другого. И среди этих дел большого, очень большого и даже огромного масштаба не нашлось места для маленькой, копеечной иголки.

И он начисто забыл о ней.

С. ШАТРОВ

Москва.

Помидоры

Эту весть Еремей Захарыч принес со станции, куда ходил к поезду продавать семечки.

На станцию он отправлялся каждый вечер. Насыпав в кошелку ядреных подсолнечных семян, он брал ее на руку, по-женски, и выходил из хаты во двор. У ворот его неизменно встречала жена Акулина Ивановна — рослая, могучих форм, с засученными рукавами. Уперев кулаки в бока и сдвинув густые мужские брови, она иронически спрашивала:

— Что, спикуль, опять до железки подался? Гроши зашибать, меня позорить?

Еремей Захарыч знал, что спикуль — это значит спекулянт, и поэтому сердился. Постное, морщинистое лицо покрывалось пятнами, он тряс головой и кричал фальцетом:

— А ты дура безмозглая! Что ты за баба, не понимаю... Вон другие идут к поезду, торгуют чем ни есть...

— А я не пойду! Что ты за мужик?! Семечками бегает к поезду торговать... Тьфу, пятно кладешь на нас!

— Много ты разбираешься! Пусти с дороги! — И, выставив вперед кошелку, Еремей Захарыч грозно шел прямо на супругу. Та нехотя отступала в сторону.

«Чего ж тут зазорного — подторговать? — рассуждал Еремей Захарыч, шагая из станицы на станцию.— Двадцатка за вечер на улице не валяется. Колхоз колхозом, а подработать никогда не вредно».

В пристанционном скверике Еремей Захарыч водружал свою кошелку на скамейку и ждал прихода поезда. Пассажиры налетали на базарчик, шумливые и веселые. Кто хватал жареную курицу, кто яйца, кто сметану. Подбегали и к Еремею Захарычу. Он важно отвечал: «Рупь два», то есть рубль за два стакана,— и отмеривал граненым стаканом с необыкновенно толстым дном.

На этот раз все получилось поиному. Едва состав остановился, как к Еремею Захарычу подошел пассажир — пьяненький, без ремня, в тапочках на босу ногу, косоглазый — и запустил руку в кошелку. Он высыпал себе в карман жменю семечек, и тут Еремей Захарыч узнал его:

— Неужто Федька Кривой? Здорово!

— Привет, Еремей, привет,— сказал тот и высыпал в свой карман вторую жменю.

Когда-то Федька жил в станице, работал в колхозе конюхом, но был лодырем и пьяницей. Лет пять назад удрал из колхоза, а вот теперь, гляди, объявился.

— Ты что, к нам приехал?—спросил Еремей Захарыч, разглядывая Федьку.

— Никак нет, я проездом. Все торговыми операциями занимаюсь. Ох, дела заворачиваю!.. А ты все с семечками? Плюнь ты на них да займись настоящим делом. Вот возьми, к примеру, помидоры. Их тут, на Кубани-то, завались, а в Сибири — фьють! Раскусил? Сам года три назад возил туда ящиками, знаю. Деньги сделал...

— Сколько? — почему-то шепотом спросил Еремей Захарыч.

— Большие тыщи,— сказал Федька Кривой и насыпал себе третью жменю.

Поезд давно ушел, а Еремей Захарыч все стоял, задумавшись. Да, заманчивая штука, это тебе не рупь два. Сразу можно взять... Дома Еремей Захарыч рассказал о разговоре с Федькой Кривым жене. Акулина Ивановна всплеснула полными руками:

— Тю, скаженный! Уж не собрался ли ты ехать с помидорами в ту Сибирь?

— Об этом подумать надо. Помидоры — штука стоящая.

Ночью он спал беспокойно, ворочался, бормотал: «Помидоры... Большие тыщи...»

Мысль съездить в Сибирь свозить помидоры крепко засела в голове Еремея Захарыча. Целыми днями он прикидывал, как это сподручнее сделать. Во-первых, выработать минимум трудодней, чтоб не придирались. Во-вторых, взять бумажку в сельсовете, что помидоры выращены на своей усадьбе. Понятно, помидоры надо везти недозрелые, в дороге дойдут. Ящики легкие для того подготовить. Ну, железнодорожников придется подмазать...

Накануне отъезда Еремея Захарыча Акулина Ивановна подошла к нему злая:

— Ну, собрался в бега? Давай, давай! Это даже к лучшему. Будешь позориться не в станице, не на глазах, а на стороне. Смотри только в тюрьму не угоди. Жалко будет тебя, дурака...

Хлопнув дверью, Акулина Ивановна вышла.

...Долог и труден путь от Кубани до Сибири. Ну, и натерпелся Еремей Захарыч в дороге! Сколько раз перегружали ящики... А сколько раз заходилось сердце, когда мимо проходил милиционер! Ну, страхи...

Зато теперь все позади. Вот он, один из областных сибирских городов. Многоэтажные здания, тонувшие в тополевой зелени, трубы заводов, трамваи, троллейбусы. И жара, такая жара, как будто это на Кубани.

На вокзале Еремей Захарыч подрядил грузовое такси. Шофер, разбитной малый в соломенной шляпе, понимающе стрельнул глазами на ящики:

— Яблоки, дядя, привез?

— Почти.

Машина въехала на рынок, остановилась. Еремей Захарыч, потный, усталый, разминая затекшие ноги, вылез из кабины. И первое, что он увидел,— это помидорные горы. Красные, крупные помидоры грудами лежали на деревянных столах, вытянувшихся чуть ли не на целый квартал.

Пораженный Еремей Захарыч замер на месте: «Опоздал! Другие обскакали!» Потом он, с трудом переставляя ставшие непослушными ноги, подошел к крайнему столу и спросил у бородатого старика в белом фартуке:

— Откуда помидоры?

— Из колхоза «Красный огородник»,— бодро отрапортовал старик в фартуке.— Знаменитая продукция, гражданин!

— Я не про то, привезли откуда? С Дона, с Кубани?

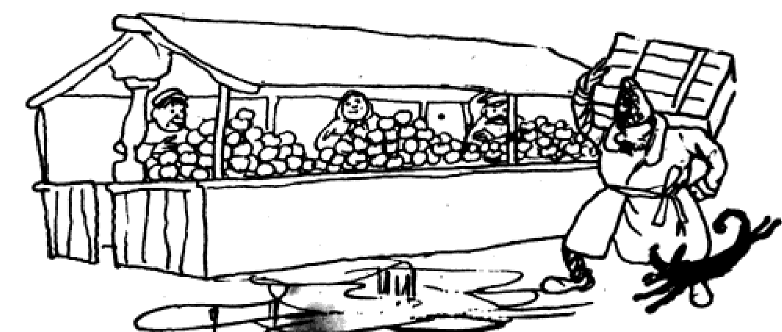
— Ах, вы вот про что, гражданин! Нет, свои, сибирские. Теперь уже не завозим с юга, хватит. Теперь у нас скоро и яблоки свои будут, свободно покупай. Вот так-то, гражданин... Будете брать?

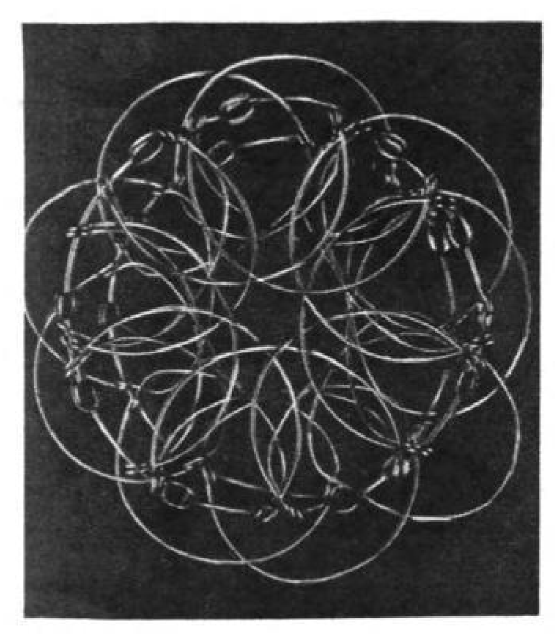
— А почем они? — сипло спросил Еремей Захарыч.

Говорливый старик назвал цену за килограмм, не намного выше той, что была на Кубани. Еремей Захарыч рассеянно глядел на белый фартук старика, а сам в это время лихорадочно подсчитывал килограммы и рубли. И получалось, что после продажи помидоров денег наберется только-только на обратный билет.

Олег СМИРНОВ

Чита.

Интересная игрушка

Это индийская игрушка из проволоки. Ее привез инженер, работавший в Индии. При передвижении одной из дужек этой игрушки весь ряд дужек поворачивается, и фигура меняется. Можно получить десятки различных фигур — вазы, корзинки, шара, двух шаров. Сделана игрушка из блестящей латунной проволоки. Основой ее являются два кольца, на которые с каждой стороны надеты по 9 дужек из такой же проволоки. Внутренние ряды дуг скреплены тонкой проволокой. На свободных участках колец надето для украшения по 9 красных бусинок.

Е. КОНОВАЛОВ

Ленинград.

УГАДАЙТЕ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ!

То, что вы видите на этом снимке, не голова носорога, не часть тела какого-нибудь загадочного животного. Это просто... кактус Лофофора Вильямси, выросший в такой причудливой форме в парниках Пражского ботанического сада.

Фото Л. Небор.

Живая трещотка

Много разных грузов получает Московский зоопарк.

Вот одна из очередных посылок — из Калифорнии. Небольшой ящик плотно забит, и в маленькие отверстия, затянутые сеткой, почти ничего не видно. Это вентиляционные щели. Стоит только прикоснуться к ящику, раздается продолжительный треск, напоминающий треск нескольких небольших будильников, действующих одновременно.

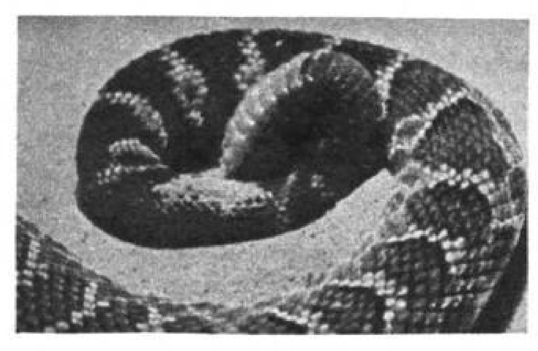
В ящике полотняные мешочки, плотно завязанные шнурками.

Это подарок от зоопарка города Сан-Диего. В мешочках ядовитые гремучие змеи. Развязываем шнурки и выпускаем змей в террариум. Они озираются по сторонам, свертываются клубками и издают треск, который слышен за много метров. Чем же трещат эти пресмыкающиеся?

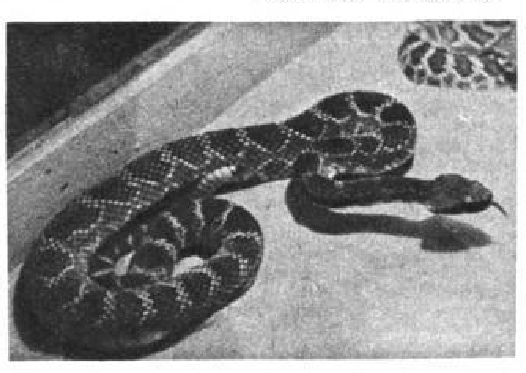
Трещотка в виде утолщения находится у них на конце хвоста и состоит из 10—15 роговых звеньев конической формы. При быстрых движениях хвоста края звеньев трутся друг о друга и издают резкий шуршащий звук. При этом частота колебаний хвоста доходит до 100 в секунду. Некоторые змеи, помимо трещотки на хвосте, имеют на голове роговые выросты в виде небольших рожков — это «рогатые гремучие змеи».

«Погремушка» служит для отпугивания врагов змеи.

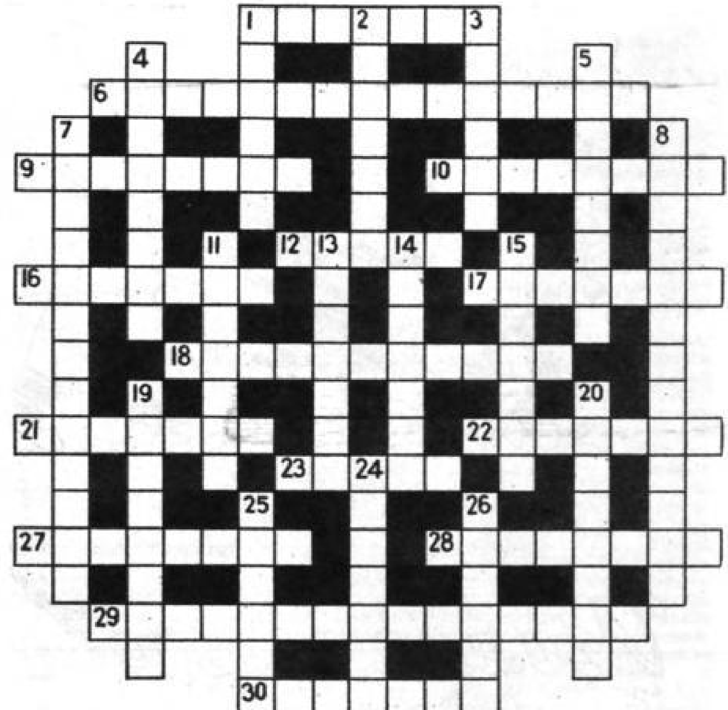
И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка.

Хвост гремучей змеи с «погремушкой».
Фото Ан. Анжанова.

Змея рассердилась — «погремушка» начинает действовать.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Физико-географическая зона. 6. Русская актриса. 9. Цитрусовый плод. 10. Земляная насыпь. 12. Часть боевого припаса охотничьего ружья. 16. Низшее млекопитающее животное. 17. Приток Волги. 18. Отдел учреждения. 21. Государство в Южной Америке. 22. Ветер. 23. Радиоактивный элемент. 27. Основное население одного из государств в Азии. 28. Беспозвоночное животное отряда ракообразных. 29. Чувство благодарности. 30. Дерево или кустарник семейства розовых.

По вертикали:

1. Одна из сторон бухгалтерского баланса. 2. Спортивное общество. 3. Месяц. 4. Принадлежность рыболовной снасти. 5. Выступление приезжих артистов. 7. Раздел физики. 8. Совокупность звездных систем. 11. Созвездие. 13. Электрическая соединительная арматура. 14. Центр Ленского золотопромышленного района. 15. Красный железняк. 19. Древний город в оазисе Сирийской пустыни. 20. Мужество, отвага. 24. Древнерусское защитное вооружение. 25. Определение стоимости. 26. Сплав меди с оловом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

7. Будущее. 8. Еврипид. 9. Дунит. 11. Цветник. 13. Шаровка. 15. Замысел. 16. Инари. 17. Метод. 20. Исфахан. 24. Яковлев. 25. Угломер. 26. Запас. 27. Базилик. 28. Исикари.

По вертикали:

1. Купава. 2. Культивирование. 3. Редька. 4. Деташе. 5. Тифлопедагогика. 6. Синька. 10. Нарын. 12. Издание. 14. Альтинг. 18. Галоп. 19. Юкатан. 21. Связка. 22. Ауксин. 23. Демарш.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций работ художника П. П. Кончаловского и четыре страницы цветных фотографий.

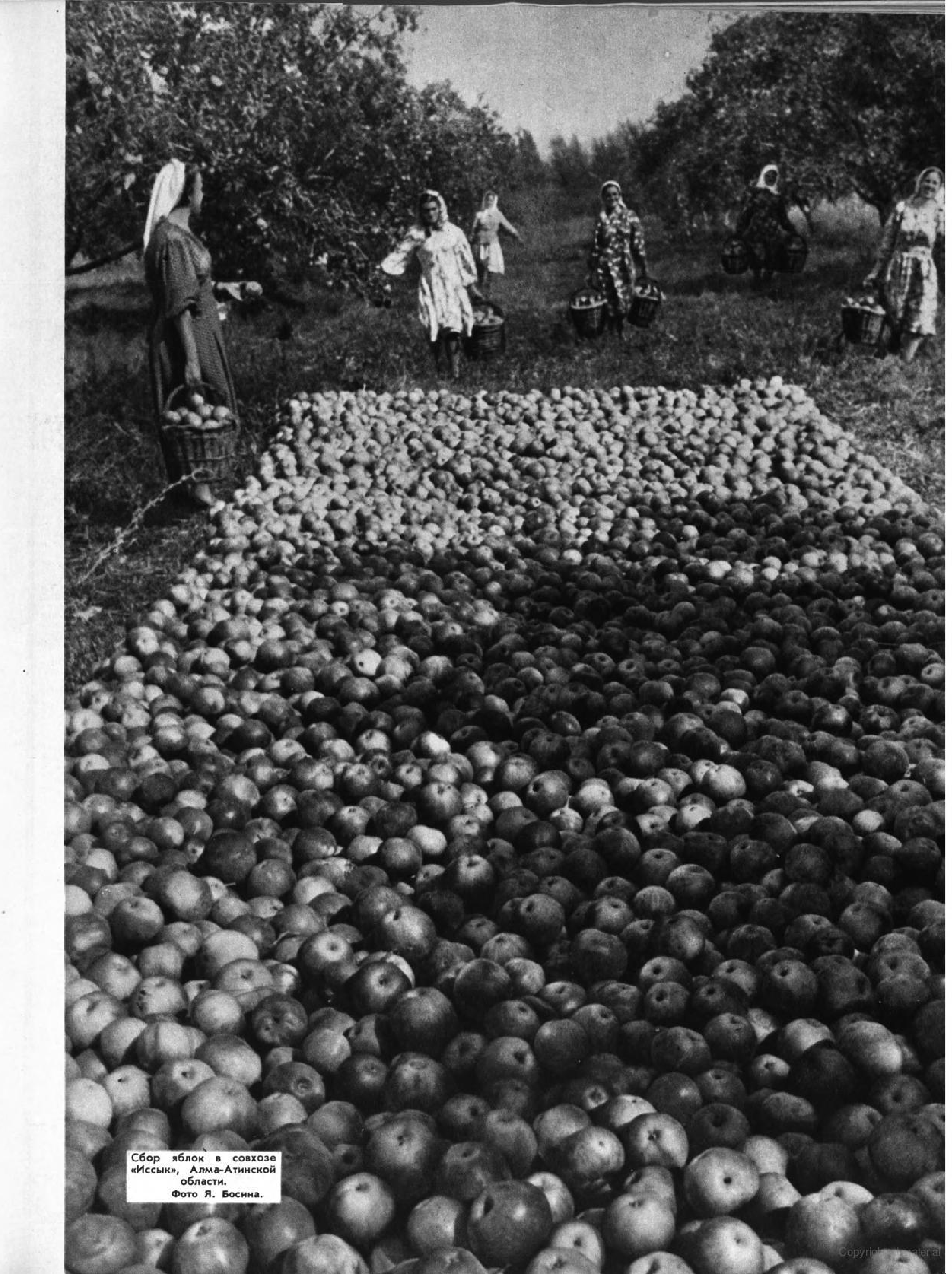
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12704. Подписано к печати 17/X 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 985. Заказ № 2733.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Сбор яблок в совхозе «Иссык», Алма-Атинской области.
Фото Я. Босина.

Цена номера 3 руб.
4—5